

ПРЕДАТЕЛИ И ПАЛАЧИ
1941–1945

Олег Смыслов

ПРЕДАТЕЛИ И ПАЛАЧИ

1941–1945

Олег Смыслов

АНТОЛОГИЯ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА

АНТОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Annotation

Как известно, во все времена предательство осуждалось абсолютным большинством религий как великий грех или самое страшное нарушение табу. До сих пор оно порицается морально-нравственными законами общества. Нарушение верности, присяги, воинского долга, оставление в беде товарища и друга — ведь это мы называем не иначе как предательством. Однако не во всех случаях факты измен трактуются в обществе однозначно.

В книге О.С. Смыслова «Предатели и палачи» читатель найдет прежде всего историю о том, как генерал Власов стал вождем так называемого Русского освободительного движения. Рассказ о роли и месте Андрея Андреевича в битве за Москву, а также о его «полководческих» способностях и методах управления войсками значительно дополняет эту историю предательства новыми, ранее неизвестными документами и свидетельствами.

Следующие «герои» — двое «инициативников» из ГРУ (подполковник Попов, генерал Поляков), перебежчик из КГБ (капитан Дерябин), палачи Мироненко-Юхновский, Антонина Макарова, генерал юстиции Ульрих, а также старушка из Гатчины, по недоразумению реабилитированная в 2002 году.

-
- [Олег Смыслов](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [КАК ВЛАСОВ СТАЛ ВОЖДЁМ «РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [«ИУДА» ИЗ ГРУ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [ДВЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ПОЛЯКОВА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ДЕРЯБИНА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [КАК УЧАСТНИК ВОЙНЫ ОКАЗАЛСЯ НЕ ТЕМ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАВАЛ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

○ [ТОНЬКА — ПАЛАЧ ЛОКОТСКОГО ОКРУГА](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

○ [СУДЬЯ-ПАЛАЧ ГЕНЕРАЛ УЛЬРИХ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

○ [РЕАБИЛИТАЦИЯ, ОБЕРНУВШАЯСЯ РАЗОБЛАЧЕНИЕМ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [КОММЕНТАРИЙ К ПОСВЯЩЕНИЮ ЭТОЙ КНИГИ](#)

- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [comments](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

- [32](#)

- [33](#)

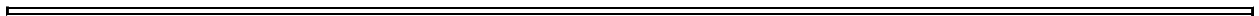
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)

- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

Олег Смыслов
ПРЕДАТЕЛИ И ПАЛАЧИ

Светлой памяти моего друга

Анатолия Фёдоровича Нистряна посвящается...

ОТ АВТОРА

Продолжая тему, начатую в книге «Иуды в погонах», мы снова возвращаемся к персоне бывшего генерала Власова. На этот раз — это история о том, как советский военачальник-предатель стал вождём так называемого Русского освободительного движения (РОД). Рассказ о курсах «Выстрел», на которых довелось учиться Андрею Андреевичу в 1929 г., о роли и месте Власова в битве за Москву, а также о его «полководческих» способностях и методах управления войсками, значительно дополняет ее новыми, ранее неизвестными документами и свидетельствами. Отдельное место в этой истории занимает подлинная биография одной из центральных фигур РОД — Милетия Зыкова.

Двое «инициативников» из ГРУ (подполковник и генерал-майор) и один перебежчик из КГБ (майор) — все они участвовали в Великой Отечественной войне и имели боевые награды. Истории их предательства написаны не раз, и всё-таки какие-то штрихи к этим портретам приоткроют совершенно новые факты их биографий.

Следующие «герои» — обыкновенные, если так можно сказать, палачи из нашего недалекого прошлого, а также старушка из Гатчины, по недоразумению реабилитированная в 2002 г. Это совершенно разные истории, разные судьбы, которые, возможно, заставят задуматься о человеческой нравственности даже самых равнодушных людей.

КАК ВЛАСОВ СТАЛ ВОЖДЁМ «РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ»

Через несколько лет мы будем отмечать очередной юбилей Великой Победы — 70 лет! Казалось бы, история Великой Отечественной войны в целом написана, ясна и понятна. Но, безусловно, белые пятна еще остаются. Причин тому превеликое множество. Среди них можно отметить и одну из приоритетных: диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же события. Безусловно, касается это и некоторых исторических персон, по поводу которых споры все еще продолжают будоражить наши умы, между тем запутывая, прежде всего, молодое поколение, которому весьма непросто сегодня разобраться в хитросплетениях той, далекой для него эпохи.

Например, о бывшем советском генерале А.А. Власове, несмотря на многие очевидные факты его предательства, дискуссии и споры с невиданным упорством продолжаются до сих пор. Более того, если его поклонники в былые времена в основном проживали на Западе, то с развалом Советского Союза они появились и в России. Судя по всему, их количество растёт. И растёт оно, к великому сожалению, из-за непонимания очевидного: предательство во все времена и во всех странах по сей день трактуется одинаково. Однако для предательства Власова ещё тогда, когда он тесно сотрудничал с немцами, было найдено «неплохое» тому оправдание под названием «Русское освободительное движение».

В сущности, никакого такого движения не было, однако работа немецкой пропагандистской машины оказалась живучей вопреки историческим фактам и благодаря советской государственной системе, которая собственными руками взрастила такого посредственного «военачальника» и дала повод для оправдания его иудинного греха.

В 1946 г. Власов и его, так скажем, сподвижники были приговорены к смертной казни через повешение, а в 2001 г. с ходатайством о пересмотре приговора Власову и его соратникам в Главную военную прокуратуру обратился иеромонах Никон (Белавенец), глава движения «За Веру и Отечество». Однако военная прокуратура пришла к выводу, что оснований для применения закона о реабилитации жертв политических репрессий нет.

1 ноября 2001 г. Военная коллегия Верховного суда РФ отказала в реабилитации Власова А.А. и других, отменив приговор в части осуждения по ч. 2 ст. 58 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и прекратив в этой части дело за отсутствием состава преступления. В

остальной части приговор оставлен без изменения»^[11].

Несмотря на это, поклонники Власова капризно утверждают, что Власов и те, кто присоединился к Русскому освободительному движению, «были движимы патриотическими чувствами и остались верными своей родине, но не своему правительству». Один из приводимых аргументов в пользу данной точки зрения выглядит следующим образом: «если государство предоставляет гражданину защиту, оно в праве требовать от него лояльности, если же Советское государство отказалось подписывать Женевское соглашение и тем самым лишило своих пленённых граждан защиты, то граждане более не были обязаны сохранять лояльность государству и, значит, не были изменниками»^[12].

По справедливому мнению историка М.И. Фролова, попытки героизации А.А. Власова могут привести к весьма опасным последствиям:

« — Стремление к пересмотру итогов Второй мировой войны, в частности, к обесцениваю соглашений, достигнутых странами-победительницами на Ялтинской и Потсдамской конференциях, на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками, к пересмотру подтвержденных Генеральной Ассамблеей ООН (11.12.1946) принципов международного права, признанных Уставом трибунала и нашедших выражение в его приговоре. Тем самым могут быть достигнуты различные негативные для России геополитические, идеологические и финансовые последствия.

— Оправдание коллаборационизма в других странах (в частности, в Прибалтике и на Украине), стремление найти морально-психологическое оправдание поступкам антирусских политических деятелей и сил, а также формирование общественного сознания, признающего правильный сепаратизм.

— Изменение ценностных ориентиров в обществе, стремление убрать источники позитивного самоощущения народа, обесценив победу в Великой Отечественной войне с помощью понятий “измена — доблесть”, а “трусость — героизм”».

Историк тысячу раз прав, когда говорит, что «представлять предателя Власова, коллаборационистов “в роли” борцов за Россию, за русский народ не что иное, как недостойная с нравственной точки зрения потуга, сознательное, преднамеренное извращение фундаментальных ценностей российского общества — патриотизма, любви к Родине, беззаветного служения интересам её народа»^[13].

И тем не менее на сегодняшний день вопрос: «изменил генерал Власов

государству или все-таки Родине?» некоторые поклонники Власова называют ключевым^[4]. Одним из таких можно назвать московского учителя истории, который считает, что «в нашей стране живут потомки тех, кто погиб или пострадал от рук чекистов в годы красного террора и последующих тотальных репрессий, включая и искусственный голодомор, развязанных большевистской номенклатурой против народ России. Поэтому хочу ещё раз напомнить, что фигуру генерала Власова и борьбу РОД нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило в нашей стране, начиная с 1917 г.»^[5].

Однако какое отношение к Власову имеют тотальные репрессии? Как раз таки бывшему заместителю командующего фронтом на них грех было жаловаться, так как именно в период репрессий у Власова появилась возможность выдвижения на тот самый верх, откуда он и попал в плен. Случилось это, как известно, в июле 1942 года...

В книге «Мифы о генерале Власове» ее автор К.М. Александров пытается в очередной раз доказать нам в том числе и то, что Власов не был предателем. Для этого у историка есть свои, как он считает, весомые аргументы. Давайте ознакомимся с ними обстоятельно.

«Утром 13 июля, — пишет Александров, — Швердтнер и Пельхау доставили Власова и Воронову в штаб 18-й армии группы армий “Север”, размещавшийся на станции Сиверская (Красногвардейский район Ленинградской области). Здесь с Власовым выразил желание познакомиться командующий армией.

Знаменитая встреча с Линдеманом напоминала скорее не допрос, а спокойную беседу, в которой речь шла о боях на Волхове в предыдущие два месяца. Об этом свидетельствуют малоизвестные показания бывшего кадрового сотрудника 1с штаба 18-й армии зондерфюрера Франца Тондорфа, уроженца Санкт-Петербурга, 1894 года рождения. В 1949 году в Ленинграде Тондорф допрашивался сотрудниками УМГБ по Ленинградской области о методах работы и деятельности немецкой военной разведки в годы минувшей войны. Зондерфюрер присутствовал при беседе Линдемана и Власова 13 июля 1942 года, а также участвовал в допросах советского генерала на следующий день. В 1949 году Власов был давно казнён, поэтому показания немецкого разведчика представляли лишь исторический интерес. В частности, Тондорф сообщил: “Я присутствовал при беседе Линдемана с Власовым в качестве переводчика. Линдеман задал Власову несколько вопросов о плане выхода из окружения 2-й ударной армии, которой командовал Власов. Власов подробно рассказал об этом,

показывая на карте, где он думал создать оборонительные рубежи, как рассчитывал выйти из окружения. Других вопросов Линдеман Власову не задавал”. Очевидно, других тем собеседники не касались.

Заявление Тондорфа носит важный и принципиальный характер для нашего повествования, так как позволяет критически оценить популярный тезис о предательстве Власова, якобы совершенном им на допросах в штабе 18-й армии 13 — 14 июля»^[6].

Следующие аргументы Александрова таковы:

«14 июля Власов допрашивался начальником отдела 1с штаба 18-й армии майором Вернером Рихтером, уроженцем Бад Лаасфе, 1906 года рождения. Кроме Рихтера в допросе участвовали Тондорф и другие сотрудники Абвера, и содержание допроса хорошо известно. Власов изложил свою биографию, перечислил по номерам армии Волховского фронта (по состоянию на июнь) и назвал фамилии их командующих (кроме 4-й), перечислил по номерам бригады и дивизии разгромленной 2-й ударной армии и вновь описал сё боевые действия за истекшие два месяца. Дал субъективные характеристики генералам армии Георгию Жукову и Кириллу Мерецкову, генерал-лейтенанту Всеволоду Яковлеву. Очень расплывчато охарактеризовал служебное положение в советской военной иерархии генерал-полковника Александра Василевского, маршала Бориса Шапошникова, генерал-майора Григория Кулика, маршалов Семёна Будённого (“Имеет задачу формировать новые войсковые соединения в тылу”) и Климента Ворошилова (“Командной должности теперь не занимает”).

На вопрос Рихтера о планах Ставки Власов ответил, что с планами вышестоящего командования не знаком, так как они представляют военную тайну (“Командующие армиями не знали о намерениях командования даже на соседних участках”)^[7].

«...вот что о допросе Власова сообщили в 1949 году ленинградским чекистам бывшие сотрудники Абвера Франц Тондорф и Вернер Рихтер (на 1945 — полковник Генерального штаба). Тондорф:

“Власов рассказал свою биографию, дал подробные показания о численности и вооружении 2-й ударной армии. Других показаний Власова я сейчас не могу вспомнить”. А Рихтер фамилию Власова вообще запомнил лишь “потому, что о нем писали много в газетах, как в немецкой, так и в советской печати, где о нем очень отрицательно отзывались”. Нет никаких сомнений в том, что если бы Власов предоставил какие-либо ценные сведения, повлиявшие на перемещение войск в масштабах группы армий

“Север”, тем более — в масштабах всего Восточного фронта (!), допрашивавшие его профессиональные военные разведчики хорошо бы запомнили это незаурядное событие»^{8}.

По мнению историка Александрова, «утверждение о разглашении Власовым секретных сведений, результатом чего якобы стало усиление войск Вермахта на южном крыле с последующим прорывом к Сталинграду, не выдерживает критики и не соответствует действительности»^{9}.

Постоянно выгораживая «героя своего романа», Кирилл Александров никак не может понять одну простую истину: Власов, прежде всего, нарушил военную присягу. И это главное. Другой вопрос, какой он ущерб нанёс в результате своей «беседы» с немецкими военачальниками и офицерами в результате этого преступления.

31 мая 2011 года Патриарх Кирилл, на встрече со слушателями Военной академии Генерального штаба, назвал смертным грехом нарушение воинской присяги^{10}. Как вы думаете, почему? Потому что во все времена военная присяга являлась торжественной клятвой на верность своему Отечеству, ради которого иногда необходимо пожертвовать и собственной жизнью. У военной присяги не может быть каких-то оговорок и недомолвок. Там всё конкретно. Когда Власов принимал её и ставил под ней свою подпись, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что делает. В толковом словаре русского языка присяга — «Официальное торжественное обещание, клятва соблюдать верность, какие-либо обязательства, поступать согласно с законом», а нарушить (её) значит: «Не соблюсти, преступить» и т.д.^{11}

Согласно 17-й статьи Конвенции, «каждый военнопленный при его допросе обязан сообщить только свои фамилию, имя и звание, дату рождения и личный номер или, за неимением такового, другую равноценную информацию»^{12}. То же самое, но с некоторыми дополнениями записано в современном уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (см. «Общие обязанности военнослужащих»):

«23... Военнослужащий, захваченный противником в плен, при допросе имеет право сообщить только свою фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер. Он обязан сохранять честь и достоинство, не разглашать государственную тайну, проявлять стойкость и мужество, помогать другим военнослужащим, находящимся в плену, удерживать их от пособничества противнику, отвергать попытки противника использовать военнослужащего для нанесения ущерба

Российской Федерации и её Вооружённым Силам»^{13}. То есть и сегодня для военнослужащих нашей армии требования остаются практически теми, что были и раньше. Так что режим и власть к воинским преступлениям отдельных военнослужащих никакого отношения не имеют. Всё это современные попытки задним числом оправдать банальное предательство. И что самое интересное, занимаются этим люди, которые никогда не служили в армии, а потому подход у них свой, сугубо штатский, правда, со ссылками на подходящие им источники. При этом они упрямо доказывают свои «военно-исторические открытия», переворачивающие с ног на голову общепринятые нормы, существующие веками во многих армиях мира. К сожалению, на этот нонсенс почти никто не обращает внимания, а жаль. Но вернёмся к их любимому Андрею Андреевичу...

Умел ли Власов хранить военную тайну? Самое интересное, что до своего пленения да! Для этого есть совершенно конкретные документальные примеры. Например, в своём письме походно-полевой жене Агнессе Павловне Подмазенко от 14 февраля 1942 г. он пишет:

«Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа»^{14}. Понятное дело, что речь идет о Сталине, и вес же имя вождя Власов в письме не называет. А вот два отрывка из другого письма от 26 апреля 1942 года уже законной жене Анне Михайловне Власовой:

«Раньше у нас с тобой связь почти наладилась, было уже хорошо, но как я переменял место работы, то связь стала хуже. Сейчас я работаю недалеко уже от того места, где жила Надя! (...)

Он, видимо, служит там, где я служил раньше и откуда я убыл 8 марта сего года. На новом месте работа по объёму стала больше, ответственнее и почётнее»^{15}. В этом послании Власов напрямую не говорит, что назначен командующим 2-й Ударной армии, но намекает на своё местонахождение под Ленинградом. В письме Подмазенко от 26 апреля 1942 года Власов подсказывает свою новую должность:

«Я сейчас выполняю ответственную задачу. Письмо от тебя ко мне и наоборот идёт гораздо дольше, чем раньше, когда я был на старом месте. Что можно сказать о себе? Бьем фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки ещё сильнее. Работаю примерно на той же должности когда был с тобой вместе, только объёмом она гораздо больше, почётнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что, куда твоего Андрюшу ни пошлют правительство и партия, — он всегда любую задачу выполнит с честью»^{16}. В следующем письме походно-полевой жене от 17 мая 1942

года Власов намекает на окружение:

«На всё это я не стану тебе долго отвечать, потому что ты в своё время рядом пережила известную обстановку. Правда, сейчас обстановка немного лучше, чем тогда, когда мы начали бой, тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но всё же обстановка серьёзная. Но невзирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов всё равно сотрём с лица земли. И это будет очень скоро»^{17}.

Но это было в письмах, было это и на службе в Красной армии, которой Власов отдал 22 календарных года. Зато теперь, попав в плен, он как-то разговорился, хотя его никто не пытал и не собирался расстреливать.

Итак, 15 июля 1942 г. штаб 18-й немецкой армии направляет две части протокола допроса командующего 2-й советской Ударной армией генерал-лейтенанта Власова. Уже в начале первой части протокола допроса Власов непонятно зачем сообщает немцам: «...вступил в Коммунистическую партию с целью продвинуться вперед в Красной Армии»^{18}. Далее Андрей Андреевич поведал своему врагу «Подробности о Волховском фронте и 2-й Ударной армии». В частности, он назвал состав Волховского фронта на середину марта 1942 года, командующего фронтом Мерецкова и командующих армиями (52-й, 59-й). К слову сказать, почему-то Власов не смог назвать командующего 4-й армией генерала П.И. Лялина, который с января 1942 года занимал должность помощника командующего войсками Волховского фронта, а в феврале был назначен командующим 4-й. А ведь новый заместитель командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенант А.А. Власов как никто другой должен был знать всех командармов, тем более их было всего несколько^{19}.

Любопытна оценка Власова генерала Мерецкова и генерала Яковлева. Своего бывшего шефа он называет эгоистом, очень нервной и рассеянной личностью. Своего коллегу, наоборот, хорошим военным работником, недовольным своим применением. Личностью частых переходов, известным, как пьяница^{20}. Затем Власов по просьбе допрашиваемых плавно переходит к причинам неудачи отхода своей армии, рассказывает о пополнении (призванных возрастах), о формировании новых соединений, оборонной промышленности, продовольственном положении, иностранных поставках, оперативных планах, об оружии, о семьях перебежчиков, про обращение с русскими военнопленными в Германии, о Ленинграде и, конечно же, о кадрах^{21}. В общем, он рассказал на допросе своему врагу все, что знал. И здесь, мне думается, не столь важно, в каком объеме Андрей Андреевич обладал секретной информацией, не важно, что он из-за

пребывания в окружении многое знать просто не мог. Важно другое. Он охотно беседовал со своим противником, которого во всех письмах своим жёнам, и, видимо, не только, «бил и гнал», которого высмеивал и называл побежденным. Не думаю, что современный историк, будь он хоть трижды доктор наук, способен объективно определить ценность информации выданной командующим армией Власовым немцам в 1942 году. Для этого всё-таки нужна определённая компетенция, а, кроме того, понимание сути профессии Родину защищать! Уж, извольте, но Андрей Андреевич был с немцами словоохотлив, впрочем, поговорить он любил всегда.

Для тех, кто не знает, могу привести несколько примеров поведения немецких генералов в советском плену. Например, вот что записал в своём дневнике оперуполномоченный КРО ОО НКВД Донского фронта старший лейтенант госбезопасности Тарабрин о поведении плененного командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Паулюса и его начальника штаба генерал-лейтенанта Шмидта:

«3-го февраля 1943 г.

Сегодня в 11 часов утра опять у Паулюса, Шмидта и Адама. Когда я вошёл, они ещё спали. Паулюс проснулся, кивнул головой. Проснулся Шмидт.

Шмидт: “Доброе утро, что видели во сне?”

Паулюс: “Какие могут быть сны у пленного фельдмаршала? Адам, вы уже начали бриться? Оставьте мне горячей воды”.

Начинается процедура утреннего умывания, бриться и проч. Затем завтрак и обычные сигары. Вчера Паулюса вызывали на допрос, он всё ещё под его впечатлением.

Паулюс: “Странные люди. Пленного солдата спрашивают об оперативных вопросах”.

Шмидт: “Бесполезная вещь. Никто из нас говорить не будет. Это не 1918 год, когда кричали, что Германия — это одно, правительство — это другое, а армия — третье. Этой ошибки мы теперь не допустим”.

Паулюс: “Вполне согласен с вами, Шмидт”». ^[22]

По воспоминания начальника штаба 64-й армии генерала И.Л. Ласкина, после пленения фельдмаршал Паулюс, генерал Шмидт и адъютант Паулюса Адам были приглашены на обед. В своих мемуарах он описывает один интереснейший эпизод:

«За столом Паулюс весьма осторожно прикасался и к содержимому в бокале, и к еде. На вопрос Шумилова, почему фельдмаршал так осторожен к пище, Паулюс ответил, что за последнее время он очень мало ел и сейчас боится перегрузить желудок.

А генерал Шмидт совсем не пил и почти ничего не ел, очевидно боясь быть отравленным. И за столом у командарма и во время обеда он не проронил ни слова. Жестокий и надменный фашист, он теперь выглядел жалким, затравленным волком.

Совершенно по-особому и как-то независимо от своего начальства вёл себя адъютант Паулюса полковник Адам. И в выпивке и в еде он себя не ограничивал. Развязнее стал и его язык.

По окончании обеда я спросил его, почему генерал Шмидт всё время молчит.

— Шмидт хорошо знает, что побеждённые должны молчать, — ответил Адам»^{23}.

И еще один штрих к биографии Паулюса. В феврале 1943 года его привезли в Красногорский оперативный пересыльный лагерь № 27 НКВД по Московской области. В июле этого года там был создан Национальный комитет «Свободная Германия». В нём приняли участие более ста человек, избравших президентом СНО генерала В. фон Зейдлица. «Для Паулюса и его соратников, которые были еще весной переведены в генеральский лагерь в Спасо-Ефимиевом монастыре под Суздалем, это было предательством. Семнадцать генералов во главе с фельдмаршалом подписывают коллективное заявление: “То, что делают офицеры и генералы, ставшие членами “Союза”, является государственной изменой. Мы их больше не считаем нашими товарищами, и мы решительно отказываемся от них”»^{24}. Только в августе 1944-го Паулюс подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», то есть сделал то, чего от него добивались целых полтора года. Но почему? Говорят, ему «помогло в этом»: «открытие Второго фронта, поражение на Курской дуге и в Африке, потеря союзников, тотальная мобилизация в Германии, вступление в “Союз” 16 новых генералов и лучшего друга, полковника В. Адама, а также смерть в Италии в апреле 1944 года его сына Фридриха. И, наконец, покушение на А. Гитлера офицеров, которых он хорошо знал. Его потрясла казнь заговорщиков, среди которых был и его друг генерал-фельдмаршал Э. фон Вицлебен. Свою роль сыграло видимо, и письмо его жены, доставленное из Берлина советской разведкой»^{25}. Выходит, в отличие от советского генерала Власова, немецкий генерал-фельдмаршал по меньшей мере был настоящим солдатом. За что, собственно, его и можно уважать.

В свою очередь поклонники Власова в своих разоблачениях частенько упоминают легендарного генерала Лукина. Для них почему-то имя этого

человека, мужественно пережившего все ужасы фашистского плена, потерявшего ногу и, в сущности, руку, до сих пор не даст покоя. В каких только грехах они его не обвиняли, однако Сталин выпустил Лукина сразу же после спецпроверки. Неужели, вы думаете, вождь простил бы Лукину предательство в неволе? Глубоко сомневаюсь. Проверяли тогда тщательно. И любой голос против искалеченного генерала не смог бы предотвратить его наказания за измену. В этом можно даже не сомневаться. Сталин таких вещей не прощал никому.

Зато историк К. Александров уверенно сравнивает показания генерала Власова с показаниями генерала Лукина, а сравнив, делает вывод:

«Никто из исследователей не обвинял Михаила Лукина в разглашении сведений, составлявших военную тайну, и, следовательно, в государственной измене»^{26}. Конечно же он имеет в виду протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина от 14 декабря 1941 года. Но вот в чем заключается проблема. Как пишет кандидат исторических наук, участник Смоленского сражения В.В. Шлеев, «после опубликования выдержек из этого “протокола” в переводе на русский язык в парижском издании “Обозрение” в 1982 г. ссылка на этот “протокол” появляется в книге И. Хоффмана»^{27}. В работе Иоахима Гофмана «Власов против Сталина» действительно приводится этот протокол. Дастся и ссылка: «322. Здесь и далее: Допрос генерал-лейтенанта Лукина Михаила Фёдоровича, командующего 19-й армией (в последнее время — командующего группой войск 32-й, 20-й, 24-й и 19-й армий). Группа армий “Центр”, 1с/АО, 14.12.1941 (на нем. яз.) // ВА R 6/77; Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе. Группа армий “Центр”, 1с/АО, 14.12.1941 (на нем. яз.) // Там же. М.Ф. Лукин»^{28}. Но, что любопытно, «поисковые данные этого документа в Бундесархиве Германии, неточно указанные И. Хоффманом... не позволяют проверить его подлинность. Это подтвердил и ответ из Бундесархива»^{29}.

По мнению В.В. Шлеева, «какое-то представление об этом допросе-беседе могли бы дать и упоминавшиеся воспоминания В. Штрик-Штрикфельдта, по-видимому, участвовавшего в этом допросе. Но внимательное знакомство с его книгой ясно показывает, что идея создания так называемой Русской национальной освободительной армии (РНОА) в первую очередь принадлежит не советскому генералу М.Ф. Лукину, а самому В. Штрик-Штрикфельдту и некоторым единомышленникам из немецкого офицерства. Ведь ещё в октябре — ноябре 1941 г. В. Штрик-Штрикфельдт по поручению Штаба Главного командования Вооружённых

сил Германии, побывав в лагерях советских военнопленных, составляет план формирования из них освободительной армии для начала с 200 тыс. добровольцев. На этом докладе имелась резолюция фельдмаршала фон Браухича: «Совершенно согласен. Россию можно победить только Россией же. Считаю формирование русской армии для борьбы против большевиков делом неотложно необходимым».

Не случайно в рассказе об одной из бесед с М.Ф. Лукиным В. Штрик-Штрикфельдт подчеркнул, что развитая им самим мысль “о возможностях евразийской федеративной политики”, т.е. союза гитлеровской Германии и антисталинской России якобы “захватила” и М.Ф. Лукина.

Становится очевидным, что в этих воспоминаниях В. Штик-Штрикфельдт свои собственные мысли стремится приписать М.Ф. Лукину. Но примечательно, что никаких конкретных сообщений о наличии протокола допроса М.Ф. Лукина от 12 декабря 1941г. у В. Штрик-Штрикфельдта, да и в других публикациях 1940 — 1970-х гг. не содержится»^{30}.

Протокол допроса Лукина действительно какой-то необычный. Но больше всего он поражает в самом конце, где будто бы советский генерал, после всей сказанной антисоветчины и всех выданных военных тайн, заявляет: «Я прошу Вас сохранить все это в секрете, так как у меня есть семья»^{31}. Такие слова не очень подходят к такому мужественному человеку, как генерал Лукин. Словно их произнёс не боевой генерал, а трусливый мальчишка из младших классов средней школы: «Вы только никому не говорите!»

31 августа 1945 года начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ генерал-полковник В. Абакумов представлял Сталину список генералов Красной армии, освобожденных из Германского плена. По поводу генерала Лукина в этом документе говорится следующее:

«Что же касается генерал-лейтенанта ЛУКИНА М.Ф. — бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его антисоветской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога), а также (...) — на которых в процессе проверки каких-либо материалов пока не добыто, считал бы целесообразным этих лиц освободить и обеспечить агентурным наблюдением»^{32}.

Однако вождь не согласился с таким мнением, и генерал Лукин проходил спецпроверку до 21 декабря. В следующем документе на бывшего командующего 19-й армией, доложенном Сталину, говорилось:

«...Показал, что в октябре 1941 года в районе Вязьмы при попытке выхода из окружения был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

Показаниями арестованных Главным управлением “Смерш” одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Родины Власова и бывшего начальника курсов мл(адших) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 года в лагере военнопленных в городах Цитенхорст и Выстрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность.

В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога»^{33}.

Как утверждают Л. Решин и В. Степанов, «в сотнях томов следственных дел, заведенных на советских генералов и офицеров — действительных и мнимых предателей, — не содержится и намек на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативные высказывания о колхозах или о репрессиях. Об этом говорили на допросах все, от офицера-патриота до предателя Власова»^{34}.

Но тогда почему Сталин разрешил выпустить Лукина на свободу? Для этого обратимся к статье В. Шлеева:

«...вспоминается рассказанный мне самим М.Ф. Лукиным во второй половине 1960-х гг. эпизод о том, как к нему, еще в госпитале для русских военнопленных в Смоленске, заявился бывший помощник начальника особого отдела 19-й армии, тоже попавший в плен и вскоре перешедший на сторону гитлеровцев. По поручению немецких властей он предложил и генералу Лукину поступить так же, якобы ради интересов русского народа, ибо, по мнению этого предателя, война в основном была нашей страной проиграна и в Европе будет устанавливаться так называемый гитлеровский “новый порядок”. Однако М.Ф. Лукин с возмущением отказался от такого предложения и прогнал предателя.

Кратко рассказано об этом в литературной записи воспоминаний М.Ф. Лукина в “Огоньке”, а позднее в книге В. Муратова и Ю. Городецкой и более подробно в обстоятельной беседе генерала с писателем К.М. Симоновым, зафиксированной на диктофоне. Машинописный текст этой беседы с сопроводительной запиской К.М. Симонов переслал М.Ф. Лукину

незадолго до его кончины. В этой беседе генерал также сообщил писателю, что несколько лет тому назад в Смоленском областном партийном архиве его познакомили с одним из документов упомянутого выше предателя-особиста, в котором он сообщил, что генерал М.Ф. Лукин решительно и бесповоротно отказался от любого сотрудничества с гитлеровцами. Этот материал, ставший известным советским властям и органам военной юстиции, как говорил мне сам М.Ф. Лукин, сыграл решающую роль в его окончательной и полной реабилитации»^{35}.

В декабре 1964 г., во время работы над новой книгой, генерал-полковник Л.М. Сандалов написал письмо начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза М.В. Захарову, в котором отчётливо заметна его обеспокоенность. Это видно с самых первых строк письма:

«Лет десять тому назад в некоторых книгах и статьях, трактующих о Московской битве, сначала робко, а затем всё смелее и смелее стало выдвигаться утверждение, что город Волоколамск в декабре 1941 г. освобождала не столько 20-я, сколько 16-я армия Западного фронта.

Ряд генералов и офицеров, служивших в 20-й армии, а также Московской области, Промышленный комитет КПСС, Волоколамский городской Партийный комитет и Волоколамский музей попросили обратиться меня к Вам с просьбой: дать распоряжение об уточнении этого вопроса по архивным материалам. Все они считают, что 16-я армия к освобождению Волоколамска никакого отношения не имеет»^[36].

Далее Леонид Михайлович поясняет маршалу, что он стал начальником штаба новой полнокровной 20-й армии во второй половине ноября 1941 года. А назначенный командующим 20-й армией генерал А.А. Власов до освобождения Волоколамска, но существу, армией не командовал, так как был ещё болен. При этом Сандалов в письме не говорит прямо о том, что в период болезни Власова 20-й армией фактически командовал он.

Бывший начальник штаба объединения, отрицая факт присутствия Власова в армии, пишет об этом очень корректно:

«...от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И. (впоследствии командовал танковой армией и погиб в бою) и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск непосредственно самим»^[37].

Впоследствии, в своей новой книге «На московском направлении», Л.М. Сандалов относительно роли своего командующего в освобождении Волоколамска уточнил и временные рамки. Они таковы: на армейском командном пункте генерал Власов впервые появился 19 декабря 1941 г.

«Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и

в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах»^{38}.

В ответ Власов сказал, что чувствует себя лучше и через день-два возьмёт управление армией полностью. А на следующий день, то есть 20 декабря 1941 года группа генерала Ремезова (20-я армия) совместно с переданной из 16-й армии группой генерала Катукова освободили от немцев город Волоколамск.

В дальнейшем, благодаря стараниям прежде всего самого Сандалова, вопрос с освобождением города Волоколамска именно войсками 20-й армии был документально доказан. Для этого ему, будучи инвалидом, даже пришлось выезжать в Подольск, где совместно с начальником архива и его сотрудниками он посмотрел большое число документов. Полный разбор операции и был сообщён в письме маршалу Захарову с приложением оперативной сводки штаба 20-й армии, краткой исторической справки Академии имени Фрунзе и копии журнала боевых действий группы Ремезова.

По вопросу же руководства войсками 20-й армии со дня ее формирования до освобождения города Леонид Михайлович ограничился своими личными воспоминаниями. Честный и порядочный генерал не мог себе даже представить, что его слова спустя десятилетия, в сущности, любители военной истории подвергнут сомнению. Некто Алексей Исаев, выпускник факультета кибернетики Московского инженерно-физического института, однажды отправился в Центральный архив министерства обороны за правдой, которую, как ему показалось, он там и нашёл. Называется эта «правда» почти сенсационно, но при этом загадочно-вопросительно: «Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.?»

Лучше всего итог своего расследования объясняет, конечно же, сам автор:

«В наши дни в статье в “Военно-историческом журнале” (2002. № 12; 2003. № 1), посвященной Л.М. Сандалову, была изложена его версия относительно временных рамок отсутствия А.А. Власова. Авторы статьи, генералы В.Н. Маганов, В.Т. Иминов, сделали Сандалова человеком, фактически исполнявшим обязанности командующего армией. Они написали: “Назначенный командующим армией генерал-лейтенант А.А. Власов был болен и до 19 декабря находился в Москве, поэтому вся тяжесть работы по формированию армии, а в дальнейшем и по управлению

сё боевыми действиями лета на плечи начальника штаба Л.М. Сандалова”.

Однако если в 1960-е гг., когда доступ к документам ВОВ был практически закрыт для независимых исследователей, можно было невозбранно писать про больные уши и прибытие на командный пункт 19 декабря, то в наши дни это уже малоубедительно. Каждый командующий армией оставил после себя след в виде сонма приказов со своей подписью, но которым можно отследить периоды активного командования и дату вступления в должность.

В фонде 20-й армии в ЦАМО РФ среди приказов автору удалось найти всего один, подписанный А.И. Лизюковым. Он датирован ноябрём 1941 г. и Лизюков в нём обозначен как командующий оперативной группой. После этого идут декабрьские приказы, в которых в качестве командующего армией называется генерал-майор А.А. Власов»^[39].

«...Фамилия “Сандалов” появляется на приказах, начиная с 3 декабря 1941 г. Правда, с появлением Сандалова приказы армии начинают печататься на машинке»^[40].

Далее Исаев не по-детски рассуждает о подлинности подписи генерала Власова, что в результате приводит его к такому умозаключению: Власов «был не гостем, а хозяином в штабе 20-й армии к моменту прибытия в неё Л.М. Сандалова»^[41]. Сравнив подписи Андрея Андреевича за июль 1941 г. и декабрь 1941 г., Исаев торжественно заявляет: «Попытки вычеркнуть из истории войны деятельность А.А. Власова в качестве комкора и командарма объяснимы, но бесполезны. Особенно в текущих условиях. В конце 1941 г. и в начале 1942 г. Андрей Андреевич Власов был на хорошем счету. Это является историческим фактом». И очередное доказательство, словно теоремы, подкрепляет боевой характеристикой на Власова, подписанной Г.К. Жуковым.

Стоит лишь напомнить автору данного «разоблачения» о том, что история вообще, а военная в частности, не математика и не физика. Более или менее точно разобраться в исторических событиях можно только тогда, когда факты и документы исследуются в их взаимосвязи и во всей противоречивой совокупности. В данном конкретном случае Алексей Исаев всё своё «расследование» построил на наличии только одной подписи генерала Власова, а также её подлинности, таким образом, «уличив во лжи» Леонида Михайловича Сандалова.

Но при таком поверхностном подходе к достаточно принципиальному вопросу военной истории Исаеву и в голову не могло прийти, что подлинная подпись командующего 20-й армией — это всего лишь одна

сторона медали. Если командующий ставит на боевом приказе свою подпись, соответственно, он несёт всю возложенную на него ответственность. Он в курсе мероприятий, проводимых его штабом и указаний сверху. Словом, вроде как всё держит на контроле. Но подпись не может быть стопроцентным доказательством его фактического пребывания в войсках. Потому что армейская повседневная жизнь и деятельность, я уже не говорю про боевую, значительно отличается от гражданской. Там нет больничных листов, и очень многие вопросы решаются совершенно иначе, в чём-то даже проще, а потому и непонятно для сугубо штатского человека. Следовательно, Власов был командующим 20-й армией до своего прибытия на командный пункт юридически. Он был назначен на эту должность соответствующими приказами, он стоял на довольствии, его фамилия фигурировала во всех документах. Но фактически Андрей Андреевич находился в столице и проходил курс сначала госпитального, а затем и амбулаторного лечения. При этом, надо сказать, Власов ни за что не подписывал бы документы, в том числе и оперативные, до своего выхода на службу, так как ещё болел и имел штатных заместителей, которые вполне справлялись и без него. Однако подписи Власова потребовали из штаба фронта, и деваться ему было некуда.

Согласно директиве Ставки ВГК от 29 ноября 1941 г. оперативная группа Лизюкова преобразовывалась в 20-ю армию, а её командующим назначался генерал-майор А.А. Власов^[42].

Как известно из показаний походно-полевой жены Власова Л.П. Подмазенко, бывший командующий 37-й армией вместе с ней вышел из киевского окружения 1 ноября 1941 года. В Курске они встретились с частями Красной армии^[43]. Когда вопрос с новым назначением Андрея Андреевича был решён, на запрос Главного управления кадров был получен следующий ответ: «Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25 — 26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха»^[44].

Адъютант командующего майор Н.П. Кузин в собственноручных показаниях уточнит: «В декабре месяце 1941 года я был направлен в распоряжение отдела кадров 20-й армии. По прибытии в армию я был назначен адъютантом к командующему»^[45].

Следующее свидетельство — личное письмо Власова жене, датированное 11 декабря 1941 года: «Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо)»^[46].

Известный писатель Владимир Богомолов, на основе архивных документов, а в Подольске он работал весьма усердно, в своей сильнейшей публицистике «Срам имут и живые, и мёртвые, и Россия...» пишет:

«Назначенный командующим 20-й армии 30 ноября 1941 года Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря — вестибулярными нарушениями. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трех недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировало в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых “за” командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым. Поскольку отсутствие Власова, как предположили, будет замечено немецкой разведкой, 16 декабря, по указанию свыше, было организовано его интервью якобы в штабе — Власов находился в армейском госпитале — с американским журналистом Л. Лесюером»^[47].

По утверждению Л.М. Сандалова, «Власов до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видал; плохо слышит; разламывается от боли голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его перевозили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходил» к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления. Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова — в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске»^[48].

Как известно, новый начальник штаба 20-й армии прибыл к новому месту службы 28 ноября 1941 г. Но это гораздо раньше поставленной им подписи на документах. При этом дата «3 декабря» вовсе не случайна: 20-я армия 4 декабря полностью закончила своё сосредоточение.

До этого, в отсутствие командующего, штаб армии формировался в нескольких квартирах многоэтажного нового дома по Ленинградскому шоссе. Туда прибыли бывший комиссар Автобронетанкового управления Красной армии дивизионный комиссар П.Н. Куликов на должность члена Военного совета, начальник Центрального дома Красной армии бригадный

комиссар С.И. Паша — на должность начальника политотдела, бывший начальник кафедры Военно-инженерной академии комбриг Б.С. Антропов — на должность начальника оперативного отдела штаба и т.д. Обстановка была очень сложная, времени на формирование было выделено мало, а кроме того, параллельно шла подготовка и к предстоящим боевым действиям.

Уже в ночь на 2 декабря командование армии с начальниками родов войск и большая часть сотрудников штаба и политотдела армии выехали в войска для организации контрудара.

В начале декабря 1941 года полковник И.М. Чистяков был прикомандирован к штабу 20-й армии, где ждал нового назначения. В один из дней его почему-то вызывает не командующий Власов, а начальник штаба полковник Л.М. Сандалов и просит съездить в 64-ю Отдельную морскую стрелковую бригаду. Уже в бригаде член Военного совета Западного фронта Н.Л. Буллаганин, появившийся там вместе (опять-таки) с начальником штаба Л.М. Сандаловым, просит временно покомандовать бригадой, пока подыщут для нее командира. И снова отмечается отсутствие командующего Власова. Об этом можно прочесть в мемуарах генерала Чистякова^{49}.

В прошлом году к юбилею Московской битвы вышла подготовленная Главным архивным управлением города Москвы книга «Генерал Сандалов. Сборник материалов и документов»^{50}. В ней также есть немало доказательств отсутствия Власова в армии до освобождения Волоколамска. Это, прежде всего, неопубликованные отрывки из рукописи Л.М. Сандалова, а также свидетельства его сослуживцев, представляющие огромный интерес не только для специалистов.

Например, само за себя говорит воспоминание полковника в отставке П.С. Фролова, а тогда политбойца стрелковой роты 331-й стрелковой дивизии:

«Утром 6.12.41 в сильный мороз на НП дивизии, в сарае за окраиной поселка Лобня, собрались командир дивизии генерал Ф.П. Король, комиссар дивизии полковой комиссар Т.И. Коровин, начальник штаба подполковник Н.Ф. Пуховский, начальники служб. Обсуждали, как лучше, с меньшими потерями выполнить поставленную задачу. В это время на НП прибыли начальник штаба армии Л.М. Сандалов, за отсутствием командующего армией исполнявший его обязанности, и член Военного совета армии дивизионный комиссар П.Н. Куликов. Заслушав доклад об обстановке, Л.М. Сандалов потребовал главные усилия сосредоточить на

быстрейшем освобождении Красной Поляны, где противник создал сильный узел сопротивления и устанавливает дальнобойные орудия»^{51}.

За свою многолетнюю службу в Вооруженных Силах СССР и России лично я неоднократно, и в боевых полках, и в больших штабах, слышал одну единственную фразу: «Свято место пусто не бывает». Ее произносили именно в тех случаях, когда начальник, командир или командующий отправлялись в отпуск или на лечение в госпиталь. То есть имелось в виду что уходил один, а за него оставался другой. И это было совершенно нормальным явлением для мирного времени. Но в случае с Власовым ситуация совершенно иная. Он отсутствовал в самый тяжелый, самый напряжённый период формирования армии и её наступления в битве за Москву. А отсутствуя, подписывал приказы. Безусловно, это нонсенс, но тем не менее так было.

Полковник А.И. Лизюков. До формирования 20-й армии короткое время командовал северной оперативной группой Московской зоны обороны, расформированной 1 декабря. В 20-ю армию был назначен заместителем командующего. По воспоминанию генерала И.М. Чистякова, «оказался простым, весёлым и очень шумным человеком. Бывало, за километр слышно, как Лизюков идёт: такие разносы устраивал за малейший непорядок!»^{52}.

О роли и месте полковника Лизюкова в 20-й армии в период отсутствия сё командарма говорит представление к ордену Ленина, кстати сказать, подписанное Власовым 4 января 1942 г.:

«Тов. ЛИЗЮКОВ с 30.XI.41 г. по 1.1.42 г. всё время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии. 1 и 3.12.41 г. т. ЛИЗЮКОВ лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. ЛИЗЮКОВА и он один из первых вошёл в город»^{53}.

В книге Д.З. Муриева «Провал операции “Тайфун”» можно прочесть о том, как Александр Ильич Лизюков в очередной раз проявил мужество, прибыв 12 декабря в 35-ю стрелковую бригаду и направив её в Солнечногорск. В этот день 35-я стрелковая и 31-я танковая бригады под его командованием во взаимодействии с 55-й отдельной стрелковой бригадой 1-й ударной армии, наступающей с севера, освободили город^{54}.

Дивизионный комиссар П.Н. Куликов. До формирования 20-й армии короткое время был комиссаром у Лизюкова. Генерал И.М. Чистяков называет его полной противоположностью по характеру своему командиру: «...спокойный, рассудительный, кадровый политработник, москвич. Очень

хорошо дополнял Лизюкова!»^{55}. В 20-й армии был назначен членом Военного совета. До появления Власова чаще всего находился рядом с Сандаловым. Вместе с начальником штаба возглавлял развёртывание армии^{56}.

Комбриг Б.С. Антропов. До формирования 20-й армии короткое время был начальником штаба у Лизюкова. По мнению генерала И.М. Чистякова, «уже пожилой человек, образованный, умеющий давать правильную оценку событиям, но вот беда, уж очень мнительный»^{57}. В 20-й армии был назначен начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба. О его роли и месте точно так же говорит наградной лист, подписанный Л.М. Сандаловым 9 января 1942 г.:

«Тов. АНТРОПОВ будучи с конца ноября месяца 1941 г. начальником оперативного отдела 20 армии показал себя неутомимым, оперативно высоко грамотным командиром.

Проведенные успешно операции армии под “Красная Поляна”, Солнечногорск, Волоколамск разработаны лично тов. АНТРОПОВЫМ и частично осуществлялись под непосредственным его контролем с передового вспомогательного пункта управления штаба фронта.

Тов. АНТРОПОВ вполне заслуживает правительственной награды ордена “Красная Звезда”...^{58}

Полковник Л.М. Сандалов. До формирования 20-й армии — начальник штаба Брянского фронта. Официально — начальник штаба 20-й армии. Фактически — исполнял обязанности командующего ввиду его отсутствия. Под его руководством было сформировано армейское управление, развернута армия, создана ее оборона, готовилось и проводилось наступление вплоть до освобождения Волоколамска. В статье о Л.М. Сандалове «Это был один из наиболее способных наших начальников штабов», генералы В.Н. Маганов и В.Т. Иминов пишут совершенно точно:

«В дни декабрьского контрнаступления Л.М. Сандалов при фактическом отсутствии командующего армией, умело сочетая работу на армейских командном и наблюдательном пунктах и непосредственно в войсках, показал не только профессиональную зрелость как руководитель оперативного штаба, но и способность уверенно управлять военными действиями объединения в сложных условиях обстановки. Он многое сумел сделать в этот относительно небольшой период времени: и наладить работу только что сформированного штабного коллектива, сколотить его, превратив в слаженный и дееспособный организм, и, опираясь на него, грамотно спланировать и в короткие сроки организовать наступление

соединений и частей армии, и осуществлять на всех этапах устойчивое управление ими, обеспечив тем самым выполнение поставленных командованием фронта задач»^{59}.

В представлении на генерала Сандалова к ордену Красного Знамени, подписанном Власовым 9 января 1942 г., чётко говорится о его роли и месте:

«Тов. САНДАЛОВ в боях с немецким фашизмом показал себя высоко подготовленным в оперативном и тактическом отношении и умением управлять войсками в бою.

В боях за Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск умело организовал операцию по уничтожению противника, чем обеспечил успех боя частей армии.

В ходе боевых действий хорошо организовал взаимодействие, управление и связь между соединениями.

Находясь неоднократно на передовой линии фронта показал себя смелым, решительным и храбрым командиром...»^{60}.

При внимательном прочтении всех наградных листов, подписанных А.А. Власовым, можно без всякого затруднения понять, что он, как командующий, до освобождения Волоколамска своим объединением не руководил, так как начальник штаба работал за него, начальник оперативного отдела Антропов за Сандалова. Лизюков и Куликов исполняли свои прямые обязанности: один — заместителя, а другой — члена Военного совета. К слову сказать, именно за Волоколамскую операцию полковнику Сандалову (27 декабря 1941 г.) было присвоено воинское звание «генерал-майор»^{61}.

Вот как вспоминает Л.М. Сандалов появление Власова в 20-й армии:

«В последние дни 1941 г. на армейском КП в Волоколамске обосновался Власов. Поселился он отдельно от штаба, на восточной окраине города. С этого времени бразды управления армией Власов взял в свои руки, болезней его как не бывало, и слышать и видеть он стал отлично. Фигура его распрямилась, голову стал держать откинутой назад. В обращении с подчинёнными стал надменным и чрезвычайно грубым. Особенно всё это стало заметным после съёмки его для документальной картины, отображающей Московскую битву. После съёмки ряда войсковых армий засняли и командование армии: Власова, Куликова и меня. Изобразили нас как бы находящимися на наблюдательном пункте, прикрытом кустами, откуда Власов указывает перстом направление для атаки войскам. С тех пор он особенно часто стал употреблять выражение

“моя армия”. В его громком крике то и дело слышалось: “В моей армии нет места таким, как вы!”, “Моя армия — жемчужина среди армий Западного фронта, а вы в ней со своей дивизией тёмное пятно!”

Из армии началось бегство начальствующего состава. Первым уехал полковник Александр Ильич Лизюков. Несколько раз он звонил из моей комнаты в Москву, просил куда-нибудь перевести его.

— Не хочу слушать грубости и хвастовство Власова, уйду в другую армию, — делился он со мной и Куликовым своими обидами. — Я убеждён, что у Власова перед началом контрнаступления никаких болезней не было. Он не верил в нашу победу и тонко задумал лавировать: если наступление не удастся, на него, почти не принимавшего из-за болезней участия в командовании армией, вина не ляжет; ну, а вот теперь, когда наступление принесло победу, он стал в позу Наполеона.

Вслед за Лизюковым получил назначение на должность начальника штаба корпуса мой заместитель комбриг Б.С. Антропов. А за ним из армии уехал командир морской бригады. Как-то Власова вызвали в Москву. И тотчас же ко мне, на время возглавившему армию, заявился полковник Иван Михайлович Чистяков с просьбой:

— Отпустите меня на сутки по личным делам в Москву. Ведь я в начале декабря приехал к вам из Москвы инспектировать морскую бригаду, а вы меня назначили тогда ее командиром, не разрешили даже за вещами съездить.

— Но ведь вы едва ли обратно вернетесь? — недоверчиво спросил я.

Он усмехнулся и не стал опровергать мое предположение. Из Москвы Чистяков в армию не приехал, его вскоре назначили командиром Панфиловской дивизии. А командовать морской бригадой мне пришлось отпустить заместителя начальника оперативного отдела подполковника А.Д. Кулешова. Ряд сотрудников штаба и армейских управлений возвратились тогда в центральные управления Наркомата обороны, откуда они были к нам назначены. Пришлось наскоро пополнять штаб армии за счёт штабов дивизий и бригад»^[62].

Упрямым доказательством, как времени появления Власова в армии, так и его самоустранения от прямого выполнения своих обязанностей, является Боевое распоряжение командующего войсками Западного фронта Г.К. Жукова командующему 20-й армией А.А. Власову от 30 декабря 1941 г.:

«1. 20-я армия несколько дней не выполняет поставленных задач, а Военный совет даже не думает донести по существу топтания армии на месте.

Военный совет армии обязан ежедневно отчитываться за день боя, докладывать своё решение на следующий день. Вы, видимо, считаете себя не обязанным это делать и поручили нач. штаба и второстепенным лицам доносить Военному совету фронта.

Такую практику прекратить и доносить мне ежедневно об обстановке, выполнении задачи о своем решении...»^[63].

В личном архиве Л.М. Сандалова хранится письмо бывшего начальника оперативного отдела Б.С. Антропова, в котором тот откровенно свидетельствует:

«...Я пробыл в штабе 20-й армии с 28.11.41 по 7.1.42, и за это время я ни разу не видел командующего армией. Меня очень удивляло, что у командарма никогда не возникало к оперативному отделу вопросов, мне не приходилось его видеть ни в штабе, ни на улице. Я всегда считал, что он имел дело только с Вами — начальником штаба и не мог снизойти до его заместителя.

Один единственный раз, так сказать первый и последний, я увидел командарма, когда пришёл доложить о моём переводе в штаб 2-го гвардейского корпуса и проститься с ним. Был милостиво оставлен на чашку чая. Всё это заняло минут 20. Вот как!»^[64].

В общем, вышеперечисленных доказательств вполне достаточно, для того чтобы утверждать: таким образом, генерал А.А. Власов до освобождения Волоколамска 20-й армией не командовал. Но не командовал не потому, что позже стал предателем, а потому что так удобно смог воспользоваться своей болезнью.

У нас в народе не зря говорят, что дуракам везёт. В конкретном и частном случае Андрею Андреевичу тоже повезло. Отлёживаясь в номере гостиницы Центрального дома Красной армии со своей походно-полевой женой и оставляя автографы на приказах и распоряжениях, привезённых ему адъютантом (благо зимой 1941 года от центра Москвы до линии фронта можно было добраться на автомашине), он за реальные победы своей армии, к которым имел лишь официальное отношение, был награждён не только орденом Красного Знамени и повышен в звании до генерал-лейтенанта, но и кроме всего прочего стал «освободителем Москвы». И в этом нет ровным счётом ничего удивительного. К сожалению, так работала советская государственная система, где благодаря пропагандистской машине не всегда легко можно было отличить правду ото лжи. Обидно лишь за тех, кто впоследствии по совершенно разным причинам оказался в тени обыкновенного предателя.

И теперь возникает вполне резонный вопрос: а мог ли начальник штаба армии Л.М. Сандалов по своему военному опыту заменить отсутствующего командующего?

Для этого необходимо просто сравнить военное образование двух генералов и их прохождение службы до назначения в 20-ю армию.

К слову сказать, начальник штаба был всего на год старше своего командующего (1900 пр.). Его военное образование было следующим:

- Курсы комсостава (1920 г.);
- Киевская объединённая школа командиров (1926 г.);
- Военная академия им. М.В. Фрунзе (1934 г.);
- Академия Генштаба (1937 г.)^{65}. Теперь посмотрим у Власова:
- Курсы комсостава (1920 г.);
- Владикавказская пехотная школа (сдал экстерном) (1924 г.);
- Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава «Выстрел» (1929 г.);
- 1-й курс Военно-вечерней академии РККА в Ленинградском отделении (1935 г.)^{66}.

В годы Гражданской войны Сандалов командовал взводом, ротой, был адъютантом батальона. Власов — командир взвода и роты.

В межвоенный период Сандалов: с 1921 г. — командир роты, затем на штабных должностях в Киевском военном округе. С 1934 г. — начальник штаба механизированного полка, с 1935 г. — помощник начальника 1-го отделения 1-го отдела штаба округа. Власов: командир роты, батальона, преподаватель тактики школы комсостава запаса, помощник начальника учебного отдела объединённой школы. С 1935 г. — помощник начальника отдела боевой подготовки штаба округа, начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчиков.

С 1937 г. — Сандалов начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа. Участвовал в подготовке и проведении в 1937 г. крупнейших довоенных учений Красной армии. В сентябре 1939 г. принимал участие в походе в Западную Белоруссию (начальник оперативного отдела штаба Белорусского фронта). С 1940 г. — начальник штаба 4-й армии. С 1937 г. Власов командир полка, в 1938 г. — помощник командира дивизии, затем начальник отдела штаба Киевского особого военного округа. С октября 1938 г. — военный советник в Китае. В 1940 г. — командир дивизии, в 1941 г. — командир корпуса.

В начале войны Сандалов с июня по август 1941 г. — начальник штаба 4-й армии Западного фронта. С 30 июня по 23 июля временно

исполняющий должность командующего 4-й армией Западного фронта. Под командованием Сандалова был остановлен отход 4-й армии, в районе Пропойска создан рубеж обороны, с которого осуществлялись контрудары против армии Гудериана. В августе — ноябре 1941 г. он — начальник штаба Центрального и Брянского фронтов.

Власов до июля 1941 г. командир корпуса, затем командующий 37-й армией Юго-Западного фронта. С 20 сентября выходил из окружения. В ноябре — декабре 1941 г. поправлял своё здоровье.

Таким образом, мы можем вполне наглядно убедиться в том, что начальник штаба 20-й армии был значительно образованнее и опытнее своего командующего. Дальнейшие комментарии здесь, надеюсь, излишни.

Что касается судьбы генерала Сандалова, то следует подчеркнуть некоторые моменты из его биографии, благодаря которым этот человек заслужил всеобщее и непререкаемое уважение. В 1951 г., будучи начальником штаба Московского военного округа, генерал-полковник Л.М. Сандалов попал в авиационную катастрофу, получив очень тяжёлые увечья. Сложнейшие операции и два года в госпиталях не сломали этого мужественного человека.

Несмотря на то что Леонид Михайлович мог передвигаться в инвалидной коляске, он, что называется, назло всем смертям, прожил с такой ужасной болезнью еще более 30 лет, всего себя посвятив научной и литературной работе. За это время ему удалось создать ряд военно-исторических и мемуарных трудов, благодаря которым мы сегодня, опираясь на них, можем узнать правду одного из наиболее способных наших начальников штабов Великой Отечественной войны. Между прочим, которому довелось тогда занимать последовательно должности начальника штаба двух армий и пяти фронтов. Генералы В.Н. Маганов и В.Т. Иминов не зря этот факт называют поистине уникальным. Собственно, так оно и есть.

Думается, что именно после войны Леонид Михайлович Сандалов совершил свой главный жизненный подвиг, переборов смерть, увечья и написав правдивые и очень интересные мемуары, сомневаться в которых могут люди, весьма далёкие от военной истории и военной науки.

К сожалению, в своей книге «На московском направлении» он не смог рассказать всех штрихов к портрету своего официального командующего. Для этого существовало множество причин. Но именно благодаря этой книге и сегодня нетрудно найти отдельные документы и факты, чётко говорящие о том, что генерал Власов до освобождения Волоколамска 20-й армией не командовал. Да и йотом его командование не отличалось, что

называется, «умом и сообразительностью». Но это уже совершенно другая история.

В конце 1928 г. А.А. Власов прибывает в Москву (в Лефортово) на курсы усовершенствования «Выстрел». Для непосвященных следует отметить, что Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» — это бывшая Высшая стрелково-тактическая школа командного состава РККА и Высшая стрелковая школа командного состава РККА.

В исторической справке о ней говорится следующее:

«Высшая стрелковая школа командного состава была учреждена приказом РВСР № 245 от 21 ноября 1918 г. в целях подготовки среднего командного состава для стрелковых подразделений и частей, изучения и испытания новейших видов огнестрельного оружия. Создана в Москве на базе бывшей Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы старой армии с подчинением ГУВУЗу. По положению школа являлась учебно-строевой частью и состояла из учебного отдела, ружейного полигона и управления с отделом снабжения. Учебный отдел включал курсы: тактические, стрелковые, траншейной артиллерии с 6 — 4-месячным сроком обучения. Приказом Всероглавштаба № 49 от 30 января 1919 г. в школу на правах отдела была передана 1 Московская школа полковой (траншейной) артиллерии и боевых технических приспособлений. Приказом РВСР № 1151 от 18 июля 1919 г. в школе были организованы временные курсы для подготовки командиров полков.

В целях усиления тактической подготовки комсостава приказом РВСР № 1437 от 7 июня 1921 г. Школа была реорганизована в Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА с увеличением срока обучения до 9-ти месяцев. Приказом РВСР № 2293 от 13 октября 1921 г. ей было присвоено имя III Коминтерна, а с 24 апреля 1923 г. она получила наименование Высшей тактическо-стрелковой школы командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» (приказ РВСР № 824). На основании приказа РВСР № 1591 от 19 июля 1923 г. при школе были открыты педагогические курсы преподавателей, окружные повторительные и курсы начальников школ по подготовке младшего комсостава. Приказом РВС СССР № 1265 от 9 октября 1924 г. школа была реорганизована в Стрелково-тактические курсы усовершенствования РККА им. III Коминтерна (КУКС «Выстрел»). На основании приказа РВС СССР № 590 от 27 сентября 1926 г. на курсах был создан научно-исследовательский

отдел. Приказом РВС СССР № 289 от 3 июня 1927 г. при курсах были открыты отделения для подготовки штабных и хозяйственных работников и пулемётные курсы»^{67}.

В приказе по Стрелково-тактическим курсам усовершенствования комсостава РККА имени «Коминтерна» № 365 от 28 декабря 1928 г. говорилось:

«...Нижепоименованных лиц прибывших для прохождения курса зачислить в списки слушателей курсов и на довольствие: денежное и продуктивное согласно отметок в списке и вещевые, согласно арм. списков...»^{68}. Далее в документе перечисляется старший курс — 9 человек (помощники командиров полков — 4, окружной военком, военком стрелкового полка, командир отдельного конвойного батальона, помощник начальника 1-го отдела штаба округа, начальник части ВХС стрелковой дивизии), затем хозяйственное отделение — 3 человека (2 помощника командира полка и заведующий хоз. частью) и, наконец, средний курс — 15 человек (2 командира батальона, помощник командира батальона, 8 командиров рот, командир пулемётной роты, помощник командира дивизиона и 2 начальника полковой школы). Одним из них в списке самым первым значится: «Власов Андрей Андреевич нач. полкшколы 26 стр. полка. 22/ХІІ...»^{69}.

Курс среднего комсостава, на который был принят будущий генерал, имел цель дать квалификацию и усовершенствование в званиях среднего комсостава^{70}. Обучающиеся на курсах именовались слушателями и числились в продолжительной командировке, сохраняя за собой штатные должности. Численность командироваемых на учёбу устанавливалось отдельно для каждого округа Главным управлением РККА. При этом зачисление кандидатов производилось без предварительных испытаний. Отчисление слушателей до окончания курса происходило в пяти случаях:

- оказавшихся не способными к усвоению курса;
- получивших два дисциплинарных взыскания за нарушение учебной дисциплины, объявленные в приказе;
- за неудовлетворительное поведение в политическом или моральном отношении;
- по болезни;
- в случае отъезда в командировку на срок более трёх месяцев.

Примечательно, что отчисленные за неуспеваемость в течение первых двух месяцев слушатели среднего комсостава могли быть с разрешения Управления военно-учебных заведений и Главного управления РККА

направлены в случае изъявления на то ими желания непосредственно в военные школы, на основной курс или повторное отделение^[71]. И ещё один факт. С прибывающими слушателями всё же проводились проверочные занятия с целью выявления их подготовки. Например, для курса среднего комсостава они были следующими:

- но циклу тактики;
- по обществоведению и политработе;
- по стрелковому делу^[72].

Некоторое представление о курсах «Выстрел» периода обучения на них А.А. Власова даёт «Докладная записка начальника курсов Смолина от 27 августа 1928 г. Начальнику Главного управления РККА за № 5382. Копии: Начальнику Управления Военно-Учебных Заведений. Инспектору пехоты»:

«Целевой установкой Курсов усовершенствования является усовершенствование в управлении в бою соответствующих категорий комсостава как общевойсковых начальников и усовершенствование в организации и проведении обучения и воспитания командного состава и войсковых частей.

Подготовка складывается из следующих этапов:

- изучение новостей военной техники;
- изучение приёмов применения в бою этой новой техники во взаимодействии с пехотой;
- изучение новых методов использования в бою огневых средств пехоты и практика в управлении современными тактическими соединениями;
- усовершенствование в организации и проведении политработы в мирное и военное время.

Ни один из этих этапов изучаться и прорабатываться в абстрактной теоретической форме не может, т.к. такая форма обучения даст мало пользы.

Необходимы другие формы обучения, такие, которые на конкретных практических примерах /задачах/ давали бы полную возможность как показать, так и проработать самим слушателям тот или иной вопрос, ту или иную тему. Такой формой с истекшего учебного года на «Выстрел» избран сугубо практический метод.

Сущность этого метода заключается в том, что все теоретические положения, необходимые для изучения слушателями, вложены в основу логического последовательного ряда практических занятий или ряда задач. Истёкший год показал полную целесообразность такого метода. И этот

метод является основой для будущего учебного года.

Первой наиболее доступной формой практической проработки тактических вопросов является карта. На ней можно проработать уяснение поставленной задачи, уяснение обстановки, можно наметить идею решения и постановку задач подчинённым. Путем односторонней и двусторонней военной игры можно проследить частично за динамикой самого боя. Но эта динамика не развивается в тех условиях, в которых она развивалась бы в реальном бою. Она не приучает слушателя к быстрому реагированию на изменившуюся обстановку боя, и принятию новых решений и к быстрому проведению их в жизнь.

Следующей более усовершенствованной формой являются выходы в поле и полевые поездки. Как те, так и другие возможности решать задачи на реальной местности с учётом всех её особенностей. Полевая поездка хорошо организованная, обеспеченная достаточными средствами связи, даст возможность проработать частично динамику боя.

И, наконец, самой цепной формой занятий будет занятие с войсками. Ценность таких занятий наиболее приближающаяся к боевой реальности проработка динамики боя.

Из перечисленных форм обучения слушателям “Выстрела” доступны лишь карта и выходы в поле. При решении задач в поле без войск динамика оставляет много места для воображения и фантазии. Столь важный в бою учёт времени движения тех или иных войсковых подразделений не может быть в полной мере проведен без войск. Вопросы связи с артиллерией, постановка ей задач, понятие о времени, необходимом ей для изготовления к бою из походного движения, — все это не может быть вполне реально поставлено без реальных войсковых частей. Полевая поездка при крайне ограниченном числе верховых лошадей и полном отсутствии средств связи не даёт никакой поучительности.

Тактические занятия с войсками слушатели также не обеспечены, ибо “Выстрел” не имеет своих частей, обеспечивающих учёбу всем слушателям, особенно командирам полков.

В столь неудовлетворительном положении находятся и практические проработки использования связи, авиации, артиллерии и всех военнотехнических средств: с ними слушателям приходится лишь поверхностно знакомиться на показательных занятиях. Такие занятия никаких практических навыков слушателям не дают (“увеселительные прогулки” по словам самих слушателей). Мнимый сосед, мнимые части, мнимая артиллерия, мнимая техника — всё это создаёт такое положение, при котором слушатель окончательно разучивается реально учитывать боевую обстановку и

лишается возможности усовершенствоваться в практике постановки боевых задач всем тем частям, которые в бою будут ему подчинены или его обеспечивать.

Тот не практический метод требует и по стрелковому делу предоставления слушателям возможности усовершенствования в организации и управлении в бою огневыми средствами пехоты.

Стрелковая немощь в Красной Армии изживается. Комсостав уже достаточно хорошо умеет сам лично владеть оружием. Сейчас идёт в армии ставка на умение управлять огнём части. Эта же ставка делается и для слушателей “Выстрела”. Истекший год ярко подчеркнул необходимость расширить этот отдел.

Практическая работа в лабораториях, затем на полигоне и в поле со всеми огневыми средствами полка (как его штатными, так и приданными в бою) в виде соответствующих войсковых подразделений — вот этапы стрелкового усовершенствования.

Каждый командир слушатель, должен не только посмотреть, как управляют огнём другие, но сам должен достаточно попрактиковаться в этом. Только тогда он получит соответствующие практические навыки в этом трудном деле.

И, наконец, организационно-методическое усовершенствование в организации и проведении обучения комсостава войсковых подразделений полка, батальона и роты. Никакие теоретические измышления и выкладки в этом сугубо практическом деле усовершенствования слушателю не давали и не дают. Только непрерывная, под наблюдением преподавателя, практика с реальными войсковыми подразделениями принесут пользу.

Практический метод является основным этапом по пути усовершенствования в методах обучения на “Выстреле”. Уже с первого года, при очень скупом материальном и организованном обеспечении учёбы, он дал благоприятные результаты. Этот же первый год его применения указал на ряд предпосылок, без которых невозможно дальнейшее его усовершенствование.

Первой предпосылкой является материальное обеспечение проведения практики. Сюда, прежде всего относится полное материальное обеспечение оборудования всех лабораторий и их расширение и соответствующее их бесперебойное обслуживание.

В этом году в связи с капитальным ремонтом здания курсов является возможным расширить помещение под учебный отдел. В первую очередь необходимо уделить внимание и средства (материальные и денежные) оборудованию кабинетов и лабораторий. При сокращении времени

обучения на курсах и взятии курса на практический уклон, кабинеты и лаборатории, хорошо оборудованные, должны явиться колоссальным подспорьем в учёбе. Вся военная техника, все достижения, все новые формы боя, управления, обеспечения боя и войсковых организаций должны быть предоставлены здесь. Здесь же слушатель должен иметь в достаточном количестве всё учебное и боевое вооружение и снаряжение, как Красной армии, так и всех иностранных армий, особенно возможных наших противников.

До сего времени курсы, кроме удовлетворительного музея ручного оружия, ничего почти не имели. В связи с капитальным ремонтом, много пришлось разрушить и испортить.

Ныне всё придётся организовывать и устраивать заново, на что требуются соответствующие суммы денег (до 15 тыс.) и отпуска соответствующей материальной части. Параллельно с материальным оборудованием кабинетов и лабораторий встаёт вопрос об обслуживании, особенно низшим персоналом этих лабораторий. Необходим штат квалифицированных сверхсрочных вахтёров, хорошо знающих своё дело, и инструкторов. Двумя-тремя красноармейцами или вольнонаёмными рабочими, связанными 8-часовым рабочим днём, не обойдёшься.

Лучшей практической лабораторией для курсов является полигон. После длительных лет скитания по временным неудобным подвижным лагерям Курсам удалось получить свой собственный полигон. Незначительная сумма денег, отпущенная на его оборудование, все же дала возможность уже в этом году произвести на нём ряд работ по оборудованию, рационализации его использования. Этим полигоном Курсы будут пользоваться круглый год. Здесь же будут проводить все стрельбы пулемётные курсы при “Выстреле”. (...)

Ещё до империалистической войны, когда техника и формы ведения боя и обучение войск имели застывшие формы, ещё тогда бывшая офицерская стрелковая школа при 90 капитанах-слушателях имела свою полигонную роту в 200 человек и обслуживалась бригадой пехоты, дивизионом артиллерии (24 орудия), эскадроном конницы и сапёрной ротой.

“Выстрел” же, имея в своём переменном составе 150 старшего комсостава и 205 среднего, обслуживается полигонной командой из 45 человек, не имеет средств связи, всего 45 верховых лошадей и обслуживается батальоном 2-го стрелкового полка Московской Пролетарской дивизии. Но при этом нужно оговориться, что кадровый батальон этого полка всегда несёт большой караульный наряд, а остальные

батальоны, как территориальные, зимой пустые, а летом только начинают обучать переменников; никаких средств связи в полку нет; пулеметчики и артиллеристы обычно летом отсутствуют на специальных сборах и «Выстрел» получает 2 — 3 роты, составленные исключительно из стрелковых необученных отделений. (...)

Для «Выстрела» необходим такой учебный отряд, который мог бы, хотя бы в минимальной степени, дать возможность и командиру полка и командиру роты проработать тактические стрелковые и методические вопросы с живыми войсковыми соединениями, а не на бумаге. Обозначенный отряд должен иметь достаточное количество средств связи, которые возмещали бы отсутствующие войсковые части и давали бы руководству управлять и руководить занятиями. Это особенно важно для старшего комсостава и отделений штабных работников. При отряде должен быть арт. дивизион, трёхбатальонного состава (одна из батарей гаубичная). Тогда будет полная возможность прорабатывать и полковую артиллерию и артиллерию П.П.

С увеличением удельного веса танков в пехоте, необходимо иметь свой взвод лёгких танков»^[73].

2 января 1929 г. была закончена разбивка зачисленных на Курсы слушателей по отделениям^[74] и началась учёба. Для Власова и его товарищей она закончится в апреле 1929 года^[75], после чего командиры разъедутся по своим частям.

Всё военное образование будущего генерала Власова, как это видно из его личного дела, весьма скромное, что, собственно, характерно для многих командиров того времени:

- 6.1920 — 11.1920 — курсант 24 Нижегородских пехотных курсов.
- 11.1928 — 4.1929 — слушатель курсов усовершенствования «Выстрел»^[76].

Кроме этих десяти реальных месяцев обучения военному делу, Андрей Андреевич сдал экстерном за нормальную школу при Владикавказской пехотной школе в 1924 году и окончил 1-й курс Военно-вечерней академии РККА в Ленинградском отделении в 1935 году^[77]. Откровенно скажем, не густо. При этом, какое образование на «Выстреле» получил Власов, можно предположить из вышеупомянутого докладной записки начальника курсов Смолила. Но точно так же, как и на курсах, непросто было и во всей Красной армии. Например, в своих тезисах доклада в РВС СССР о состоянии боеготовности стрелковых частей и подготовке командного состава начальник Командного управления ГУ РККА Н.В. Куйбышев писал

(24 октября 1927 г.):

«Нормальному выполнению задач мешали нижеследующие общие условия и причины:

1. Задержка в издании Боевого устава пехоты, ч. II и Боевого устава артиллерии, ч. II.

2. Текучесть личного состава (до 60%), перегрузка нарядами (до 20 000 на дивизию в 1 мсс.) и несоответствие штатов требованиям службы и обучения в кадровых частях.

3. Пестрота в качестве оружия и патронов, с большими процентами изношенного, недоброкачественного, и недостаток вооружения, боевых приборов, снаряжения и учебного оружия и учебных пособий.

4. Неполная обеспеченность тирами, стрельбищами, учебными полями и в большинстве — примитивным оборудованием их.

5. Ограниченность средств связи, кроме проволоки, почти ничего нет.

6. Отсутствие противогазов в должном количестве.

7. Невозможность для подавляющего большинства частей ознакомиться с многочисленными видами боевой техники: танки, броневики, пехотные пушки и миномёты, ружейные гранаты и т.п.

8. Пестрота в руководстве штабов боевой подготовкой.

9. Перезагрузка начсостава и связанный с этим недостаточный рост активности и инициативы его в руководстве обучением и боем»^{78}.

Подвода итоги подготовки по категориям, Куйбышев фиксирует:

«в) В качественном уровне старшего и среднего начсостава cadres частей разнородность по своей подготовке значительно стабилась. В тактической подготовке старшего командного состава отмечается увеличение знаний в умении оценивать обстановку, принять правильное решение, поставить задачу подчиненным частям и артиллерии, правильно использовать имеющиеся технические средства борьбы, организовать наступление и оборону. Слабым местом является неумение сохранить непрерывность в управлении в процессе боя, отчасти — по причине недостатка технических средств связи.

Средний командный состав теоретически по тактике подготовлен удовлетворительно, но в практическом применении не умеет быстро оценить обстановку, излишняя осторожность, нерешительность и отсутствие уверенности в своих действиях. Слабо усвоен вопрос организации огневой системы и выбор целей для обстрела. Особенно существенный недостаток — неумение командовать»^{79}.

К слову сказать, низкий уровень боевой подготовки Красной армии

оставался и в 30-е годы. Кандидат исторических наук А. Смирнов объясняет это так:

«Главная причина заключалась в слабой подготовке и крайне слабом воинском воспитании младшего, среднего и старшего командного состава — от отделенного командира (соответствующего нынешнему младшему сержанту) до полковника.

Кажется, у нас до сих пор не осознают, насколько низок был уровень общего образования командиров РККА в 30-е годы — не только после репрессий, но и раньше таковых. Например, в 1929 году у 81,6 процента (а в пехотных школах — 90,8 процента) принятых в военные школы сухопутных войск было лишь начальное образование или не было вовсе никакого! В январе 1932 года начальное образование было у 79,1 процента курсантов военных школ, в январе 1936-го — у 68,5 процента (но в бронетанковых — у 85 процентов). Таковы были плоды погони за «процентом рабочих и крестьян»... Но, «как известно, отмечал в 1935 году комкор С.И. Богомяков, — тактически грамотные командиры — это на 99 процентов люди с хорошим общим развитием и широким кругозором. Исключения единичны»»^[80].

Проблема командира Власова, как и многих его товарищей, заключалась в том, что «военные школы не могли подготовить из малообразованных курсантов знающих дело средних командиров. Кроме того, в отличие от германских юнкера и фенриха, советскому курсанту конца 20-х — начала 30-х годов не преподавали военную психологию, военную педагогику, дидактику. В результате ещё в конце 20-х отмечалось отсутствие у выпускаемых курсантов... командирских навыков и методических приемов. Вследствие этого средний комсостав не мог как следует обучить младшего командира, на котором лежала основная работа по одиночной подготовке бойца»^[81].

А. Смирнов называет безобразной и тогдашнюю методику обучения:

«Повсеместно нарушался её основополагающий принцип: “учить не рассказом, а показом”. Имевшиеся учебные пособия младшим комсоставом упорно не использовались. (...)

Принятый в русской армии индивидуальный метод подготовки стрелка был забыт... И наконец, повсеместно пренебрегали тщательной и настойчивой отработкой деталей, не добивались чистоты выполнения тех или иных приёмов (изготовки к стрельбе, прицеливания, перебежек, переползания и т.п.)»^[82].

По авторитетному мнению доктора исторических наук О. Будницкого,

боеспособность Красной армии и качество работы промышленности того времени были в значительной мере обусловлены степенью урбанизации и уровнем образования населения. Как считает профессор, причины были следующими:

«Во-первых, СССР оставался крестьянской страной. Сельское население вдвое превосходило городское (114 млн. и 56 млн. соответственно, цифры округлены), две трети населения (67,1%) жило в сельской местности...

Во-вторых, уровень образования населения был весьма невысок. На январь 1939 года почти пятая часть населения страша (18,8%) была неграмотна. Правда, уровень неграмотности у населения в возрасте 9 — 49 лет был ниже — 10,9%. Критерии грамотности, которыми руководствовались переписчики, были своеобразными: умение читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке. На 1000 человек приходилось 6,4 человека с высшим образованием и 77,8 со средним (причём в графу “среднее образование” включались и те, у кого было неполное среднее — 7 классов)^[83].

Что касается армии, то на 1 января 1941 года высшее и среднее военное образование имели, соответственно, 7% и 56% командно-начальственного состава. То есть Красная армия испытывала настоящий кадровый голод. Да и профессиональная подготовка командного состава оставляла желать лучшего: не хватало квалифицированных преподавателей. (...)

В половине 1941 года дефицит квалифицированного комсостава усугубился: численность ВС выросла более чем на 1150 тыс. человек (с учётом призванных на сборы из запаса) — с 4207 тыс. на 1 января 1941 года до 5373 тыс. на 1 июня 1941 года.

Опыт приобретался дорогой ценой: потери среди комсостава были чудовищными. В 1942 году на фронтах погибло (в том числе от ран) около 162 тыс. средних и старших командиров ВС, пропало без вести около 125 тыс. Среди погибших были 11 командиров корпусов, 76 командиров дивизий и 16 командиров бригад. Всего же за годы войны погибли, умерли от ран и болезней, пропали без вести или пропали в плен 35% общего числа офицеров, служивших в Вооружённых силах СССР. В абсолютных цифрах — 1 023 100 человек»^[84].

Печальной оказалась и судьба некоторых однокашников Власова по курсам «Выстрел»: помощника командира дивизиона 83-го стрелкового полка Критина Ивана Авксентьевича, помощника командира батальона

135-го стрелкового полка Шилов Фёдора Николаевича, начальника полковой школы 135-го стрелкового полка Верзина Сергея Владимировича и командира пулемётной роты 31-го стрелкового полка Эйтингона Саула Абрамовича^{85}.

Подполковник Критин И.В. (1901 г.р.), помощник по тылу начальника штаба 2-го механизированного корпуса, пропал без вести в июне 1941 года^{86}.

Генерал-майор Шилов Ф.Н. (1903 г.р.), командир 218-й стрелковой дивизии, умер от ран 4 сентября 1941 года. Похоронен на восточной окраине Твери^{87}.

Генерал-майор Верзин С.В. (1898 г.р.), командир 173-й стрелковой дивизии, пропал без вести 19 сентября 1942 года. Известно, что он застрелился во избежание плена^{88}.

Бригадный комиссар Эйтингон С.А. (1904 г.р.), военный комиссар 6-го механизированного корпуса, пропал без вести в 1941 году^{89}.

В 1942 году советская военная разведка смогла добыть и отправить в Москву записку, составленную после первых месяцев боев командующим 2-й танковой армией вермахта генерал-полковником Гейнцем Гудерианом. В начале ноября немецкий генерал направил этот документ в Берлин, а через три месяца, в феврале 1942 года, этот же документ лежал на столе у Сталина^[90]. В нём, в частности, говорилось:

«а) Оборона. Оборона осуществляется с упорством, глубоко эшелонирована, но лишь в редких случаях располагает достаточно сильными резервами для эффективной защиты против охватов. Имеет место частое применение контратак небольшими подразделениями. При этом русские являются мастерами в использовании местности при исключительно умелой маскировке.

б) Наступление. При наступлении отсутствует резко выраженная концентрация сил для главного удара, не хватает умения сосредоточить и использовать действие огневых средств. Проведение наступления всегда сопровождается излишне массированным использованием пехоты. Часто применяются ночные атаки.

в) Марш. При глубоких расчленённых маршах войска показывают хорошую маневренность на бездорожной местности»^[91].

«а) Пехота. Почти всегда упорная в обороне, искусная в ночных и лесных боях, обученная коварным приёмам борьбы, очень умелая в отношении использования местности, маскировки и постройки полевых укреплений; неприхотлива и закалена. Имеет в своём составе много снайперов. Часто недостаточно обученная, она проявляет тупость и несамостоятельность в наступлении. Её вооружение ниже немецкого, за исключением автоматической винтовки», — подчёркивал Гудериан в разделе «Боеспособность русской армии»^[92].

Как известно, А.А. Власов начало войны встретил командиром мощного механизированного корпуса. Когда его назначали на эту значимую должность, он, разумеется, отказаться не посмел, хотя с танками и прочей техникой до этого никогда не сталкивался. Впрочем, это неважно... Вот что, например, написал про советские танковые войска Гейнц Гудериан:

«Снабжены хорошей материальной частью и имеют хороший личный состав. Располагают многочисленными тяжёлыми танками с отличной бронёй и вооружением. Одиночная подготовка личного состава танковых

частей лучше по сравнению с другими родами войск, но руководство ими уступает немецкому, а в настоящее время при применении крупных соединений оказывается совсем несостоятельным. В настоящее время танковые части более сильны в обороне, чем в наступлении. Если русским удастся массированно ввести в бои более крупные соединения, то необходимо считаться с тем, что при отсутствии достаточного количества противотанковых средств у противника они смогут добиться значительных успехов»^[93].

Не менее любопытно мнение немецкого генерала и о «Русском командовании»:

«а) Высшее командование. Высшее командование показывает себя очень энергичным. Оно стремится руководить по немецким принципам и приспособиться к немецким методам боевых действий. Но здесь оно не может полностью развернуться, так как ему мешают:

1. политические требования государственного руководства;
2. недостаточная ориентировка соседей и подчинённых командиров в общей обстановке и, как следствие, недостаточное понимание и увязка с собственными намерениями. Издание приказов о необходимых мероприятиях, в особенности о контрмерах, большей частью производится с запозданием. Введение сил при самом по себе хорошем оперативном и техническом замысле производится большей частью в недостаточной степени и не массированно. Трения между военным и политическим руководством едва заметны. В отношении личных качеств почти всегда храброе.

б) Среднее командование. Большой частью хорошо обучено, но во многих случаях ему не хватает сообразительности. При склонности к схематизму их приказы большей частью примитивны, и в них отсутствует ясное выставление своей собственной воли. Об общей обстановке оно бывает осведомлено лишь в очень редких случаях. Оно не в состоянии организовать наступление силами, превышающими численность полка. В отношении личных качеств большей частью храброе. Трения между военным и политическим руководством проявляются чаще.

в) Низшее командование. Низшее руководство по своему составу очень разнообразно. Наряду с личностями, всецело отдавшимися борьбе, имеется большое количество командиров, которое быстро прекращают борьбу. В низших служебных инстанциях эти две крайности выступают наиболее резко. В большинстве случаев низшие командиры не в состоянии вполне продуманно исполнять приказы вышестоящего командования и претворять их собственные распоряжения. У них преобладает

медлительная и обстоятельная отдача приказов, а также придерживание к схемам. Они почти никогда не ориентируются в вопросах обстановки, выходящих за рамки их собственных приказов. Часто выступают трения между военным и политическим руководством.

г) Политическое руководство. В высших и средних командных инстанциях оно большей частью ограничивается поддержкой военного руководства путем издания распоряжений для поднятия и поддержания морального состояния армии. В военное руководство оно вмешивается только тогда, когда возникает подозрение в недостаточной воле к борьбе со стороны военного командования. В низших командных инстанциях политическое руководство часто пытается оказывать влияние на военное руководство, что приводит к трениям и конфликтам.

д) Общая оценка. В общем высшее и среднее командование, оказавшееся более подвижным, чем его первоначально считали, все время пытается вырвать инициативу и взять ее в свои руки. Низшее командование ни в какой степени не соответствует предъявляемым к нему требованиям. Повсюду душой сопротивления является политическое руководство, проявляющееся здесь со всей силой. Вследствие своей расовой ограниченности и связанных с ней неповоротливости, косности и прежде всего боязни ответственности (последняя усиливается под влиянием политической системы) низшее командование не в состоянии быстро использовать те преимущества, которые ему могут представиться. Следует отметить беспощадность русских при введении в бой своих частей. Русское командование стоит ниже германского»^{94}.

В полной мере это касается и Андрея Андреевича. С его «пулемётными» курсами, с его вечерним и единственным курсом академии (как в вечерней школе), с его резким и молниеносным выдвижением наверх, он мало чем отличался от тех, про кого писал генерал Гудериан:

«Налицо имеется стремление следовать немецким принципам и приспособляться к немецкой тактике, но для этого у руководства и армии недостаточно подготовки и сообразительности»^{95}.

Напрямую к А.А. Власову можно отнести и мысли Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, которые он выразил в августе 1944 года, в письме начальнику Главного управления кадров НКО СССР генерал-полковнику Ф. Голикову:

«При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны. Чему нас учит

полученный опыт? Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые провалили одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.). На армии ставились также малоизученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных ещё в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат Обороны в мирное время не только готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями. Ещё хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры. Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Вывод: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, корпусами и дивизиями. Затраченные средства окупятся успехами войны. Видимо, в мирное время нужно иметь два-три комплекта командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развёртывание армии и трёх-четырёхмесячное ведение войны. Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя»^[96].

О том, как командовал недоученный и неподготовленный командарм Власов после появления в Волоколамске, можно узнать из неопубликованных страниц рукописи «На московском направлении», бережно хранящихся в личном архиве генерала Сандалова:

«Надо сказать, что Власова не интересовало состояние штаба армии. Он вообще игнорировал штабы. Посещая соединения и части армии, Власов лично ставил задачи командирам, не находя нужным ставить в известность об отданных распоряжениях штаб. Он ежедневно формировал и переформировывал оперативные группы. В опустевшие группы Катукова и Ремизова он включал стрелковые полки дивизий и их артиллерию. Из оставшихся войск 331-й стрелковой дивизии он создал группу генерала Короля. Эти импровизированные группы несли большие потери и быстро таяли. Каждый раз после неудачного наступления Власов кардинально переформировывал группы. Мои и Куликова советы прекратить это вредное прожектёрство во внимание не принимались.

Особенно значительные потери понесла из-за более чем легкомысленных экспериментов Власова 352-я стрелковая дивизия. На

правом фланге армии нашу оборону пересекал глубокий, покрытый кустами и мелколесьем овраг. Он тянулся далеко в глубину обороны противника в направлении к селу Ильинское и выходил там в лесу. Овраг простреливался миномётным и перекрёстным пулемётным огнём противника. Однако по ночам наша разведка не раз пробиралась по оврагу в тыл вражеской обороны и приводила пленных. И вот Власов решил использовать этот овраг для прорыва всей обороны противника. Он отдал устное приказание командиру 352-й стрелковой дивизии полковнику Прокофьеву:

— В течение ночи провести дивизию по оврагу в тыл врага и ударом во фланг и тыл прорвать его оборону.

Противник пропустил половину войск дивизии в свою полосу, а затем, когда они вошли в лес, отрезал их. В течение нескольких дней продолжались тяжелейшие бои по освобождению попавших в окружение частей дивизии Прокофьева. И только с помощью усиленной группы Ремизова и при поддержке всей армейской артиллерии удалось справиться с этой задачей. Рассерженный на Прокофьева, Власов включил всю его дивизию в группу Ремизова. Об этом я и Куликов донесли во фронт. В результате Г.К. Жуков прислал Власову приказание прекратить формирование оперативных групп»^[97].

Что касается Ю.М. Прокофьева, то в отличие от Власова он прошёл более сложный путь военной карьеры. Прежде чем окончить 1-е Бакинские военно-инженерные курсы в 1922 г., Юрий Михайлович успел повоевать в кавалерии на Кавказском фронте, затем участвовал в боях с вооружёнными формированиями в Азербайджане и в Дагестане. Был ранен. В период обучения в 21-й Тифлисской пехотной школе участвовал в ликвидации бандформирований на Кавказе. После выпуска был командиром взвода, командиром роты, начальником полковой школы, начальником штаба батальона, помощником начальника штаба полка, помощником начальника 1-го отдела штаба округа, помощником начальника 1-го отдела штаба особого корпуса.

В 1939 г. Прокофьева назначили командиром стрелкового полка, который в составе 36-й мотострелковой дивизии участвовал в боях на р. Халхин-Гол. После боевых действий был выдвинут на должность начальника пехоты мотострелковой дивизии, а весной 1941-го стал заместителем командира дивизии.

Летом 1941 г. Прокофьев сформировал свою 352-ю стрелковую дивизию, которая в сентябре вошла в состав 20-й армии Западного фронта и участвовала в Смоленском сражении. Через два года, когда Власов

пристроится у немцев, Юрий Михайлович примет под своё командование 72-й стрелковый корпус, а весной 1944-го возглавит 84-й стрелковый.

До самого окончания войны генерал-майор Прокофьев (1943 г.) будет успешно командовать своими частями и соединениями, что отразится в его аттестациях. Так, командующий 68-й армией Западного фронта генерал Е.П. Журавлёв писал:

«Товарищ Прокофьев Юрий Михайлович — грамотный, культурный, скромный, дисциплинированный, требовательный командир. Решителен. Смел. Умеет организовать и руководить боем... В обстановке разбирается хорошо».

Мнение командующего 39-й армией генерала И.М. Людникова было почему-то лучше мнения генерала Власова:

«...за короткое время командования корпусом генерал-майор Прокофьев хорошо подготовил части и соединения к боевым операциям. В частях и соединениях корпуса повысилась дисциплина, организованность и порядок. 23.6.44 г. части корпуса, прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на подступах к г. Витебск, разгромили группировку противника, нанесли ему большие потери в живой силе и технике, овладели г. Витебск, захватив много трофеев и пленных, за что тов. Прокофьев представлен к правительственной награде — ордену Суворова 2-й степени».

Командующий 4-й ударной армией генерал П.Ф. Малышев также высоко оценивал боевую деятельность Ю.М. Прокофьева:

«...в сложной боевой обстановке быстро ориентируется, принимает правильные решения и настойчиво добивается их выполнения. Лично генерал-майор Прокофьев храбр и решителен. Обладает большой силой воли, требователен к подчиненным. В частях и соединениях корпуса навел твердую дисциплину, организованность и порядок...»

Умер генерал Прокофьев в сентябре 1995 года на девяносто четвертом году жизни^{[198](#)}.

Возвращаясь к неопубликованным страницам воспоминаний генерала Л.М. Сандалова, лично я не перестаю удивляться упрямству его поклонников. Ну никак не хотят они признать своего «героя» неучем и слабым командармом. Почему? Да потому что тогда не вяжется в их воображении красочная картинка «борца со сталинским режимом». Не вяжется она и с несостоявшимся «освободителем России». Не мог же возглавить «антисталинское» сопротивление какой-то, простите, троечник или, хуже того, двоечник. Конечно же, нет! Однако факты вещь упрямая. В общем, перейдем к ним:

«Утром 6 января 1942 г. я приехал к начальнику штаба Западного фронта генералу В.Д. Соколовскому по его вызову, — пишет Л.М. Сандалов. — Он предупредил меня, что по решению Ставки 8 — 9 января начнётся общее наступление всех фронтов.

— На правом крыле Западного фронта 9 января должна перейти в наступление на Шаховскую, Сычёвку ваша 20-я армия, — показывал он мне на карте с нанесенным на ней решением на наступление войск фронта.

— А соседние армии не наступают? — спросил я.

— Левофланговые войска 1-й ударной армии будут наступать во взаимодействии с вашей армией, — ответил Соколовский. — Ну а обессиленная в предыдущих боях 16-я армия участия в наступлении принять не сможет.

Затем генерал Соколовский вручил мне только что подписанную директиву фронта на наступление № 0141/оп и проект директивного письма Ставки, которое, по его словам, через пару дней будет подписано. В этом письме, на основе передовой теории советского искусства о глубокой операции и исходя из практики предшествующих операций, Ставка дала подробные указания по организации и проведению наступательных операций. В письме творилось, что прорыв вражеской обороны следует производить мощными ударными группами на узких участках. На поддержку и обеспечение ударных групп массировать все силы и средства. Артиллерийскую подготовку перед наступлением заменить артиллерийским наступлением. (...)

После просмотра представленного мной решения на наступление 20-й армии Соколовский подчеркнул:

— Ваше решение в основном соответствует и нашей директиве, и директивному письму Ставки. Однако участок ударной группы надо несколько сузить. После ознакомления с врученными вам документами командующего армией сообщите, какие он несет коррективы в решение, и я доложу его командующему фронтом.

Утром 7 января я зачитал Власову и Куликову исправленный план армейской операции и проект боевого приказа армии.

— Ну вот, теперь все приведено в соответствие с письмом Ставки, — усмехнулся Куликов.

— Вы нравы, — ответил я. — Армия наступает в направлении на Шаховскую в узкой двадцатикилометровой полосе. Прорыв будет производить ударная группа Ремизова и Катукова и 352-й стрелковой дивизии. Участок прорыва второй ударной группы всего лишь 8 километров. Второй эшелон ударной группы — морская и 55-я стрелковые

бригады.

— А удалось ли достичь артиллерийской плотности, указанной в письме Ставки? — поинтересовался Власов.

— Плотности на один километр участка прорыва достигают 76 орудий и миномётов и 12,5 танков, — ответил я. — Таких плотностей удалось достичь впервые за войну. На поддержку прорыва выделен 601-й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять ПВО прорыва назначена 47-я истребительная авиадивизия. Да и большая часть авиации фронта брошена на помощь нашей армии.

— А корпус Плиева? — спросил Куликов.

— Усиленный гвардейский кавалерийский корпус я планирую ввести на второй день операции, — ответил Власов.

— Войска займут исходное положение для наступления в ночь с 8 на 9 января, а наступление начнётся утром 9 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки, — огласил я концовку.

Тотчас же по получении армейского приказа на наступление в войсках началась усиленная подготовка командиров и штабов войск к прорыву вражеской обороны. (...)

И вдруг вечером 8 января, когда части начали занимать исходное положение, Власов заявил Куликову и мне, что 9 января армия наступать не будет.

— Я установил, что в некоторых частях задачи знают плохо, а два артиллерийских полка не имеют пристрелочных данных, — пояснил он нам. — Начало наступления надо отнести не меньше чем на два дня.

Я и Куликов убеждали Власова отказаться от этого решения.

— До начала атаки войска успеют изучить задачи, запаздывающая бригада встанет во второй эшелон, а артиллерийские полки устанавливают батареи на огневые позиции соседних артиллерийских полков и используют их пристрелочные данные, — говорил я.

— Если мы завтра не начнём наступать, противник обнаружит нашу ударную группировку, — поддержал меня Куликов.

Однако Власов остался непреклонным. Он стал по телефону просить Жукова об отсрочке наступления.

Я и Куликов в свою очередь доложили своему фронтовому начальству, что оттягивать наступление армии вредно. Жуков, насколько я знаю, не согласился с предложением Власова. Между тем войска армии занимали исходное положение для предстоящего утром 9 января наступления. В полночь Пётр Николаевич Куликов решил ещё раз попытаться переубедить Власова и пошёл в занимаемый им домик. Меньше чем через полчаса он

вернулся в крайне возбуждённом состоянии и с возмущением рассказа мне:

— Не хочет и слушать о начале наступления 9 января. Надеется, что на днях противник будет перебрасывать свои силы из-за реки Лама против наступающих войск Калининского фронта. Хвастает, что во время поездки в Москву его принимал Сталин, который якобы назвал Власова самым талантливым командармом и объявил первым кандидатом на должность командующего фронтом. Поэтому Власов расценивает себя таким же начальником, как и Жуков.

— Если наступление отменяется, надо известить об этом войска, — огорчённо сказал я Куликову.

— Об этом спросите сами у Власова, — ответил Куликов. — Он здорово выпивши и, как я знаю, таким бывает каждый вечер. Медсестра его на последнем месяце беременности. Вот, оказывается, почему он никого не принимает. По-видимому, Лизюков был прав, когда говорил об особом умении Власова лавировать: если теперь Жуков вопреки предложению Власова прикажет наступать 9 января, а успеха не будет, виноватым окажется Жуков; если наступление начнётся 10-го или 11-го января и не получит развития, то виноватым опять будет Жуков. Власов заявит в Ставку, что командующий фронтом своими разноречивыми распоряжениями скомкал ему планомерную подготовку к операции»^[99].

Такое отношение командарма объяснить можно только одним: знания и опыт этому человеку из крестьянской среды заменяли обыкновенная человеческая хитрость и коварство. Но, как можно заметить дальше, на фронте и без Власова хватало подобных командиров и военачальников.

75-я морская стрелковая бригада (позже 3-я Гвардейская) была сформирована из моряков-черноморцев, каспийцев и курсантов военноморских училищ. Под командованием капитана 1-го ранга К.Д. Сухиашвили она сдерживала натиск врага на рубежах Волоколамского шоссе. Весной 1942 года Константин Сухиашвили направил в адрес наркома Военно-морского флота адмирала Н. Кузнецова доклад, в котором прямолинейно рассказал о том, какой ценой его бригаде доставались победы. Главной проблемой на фронте каперанг называл повальный обман и очковтирательство:

«Элементы очковтирательства, ложные доклады проходят безнаказанно. Трудно получить от соседа правдивую обстановку, для установления правды приходилось производить разведку на соседа и разоблачать его во лжи. Примеры: а) 8 ГСД, обойдя укрепленный узел Сичева и 4-х деревень вокруг Сичева, даёт мне обстановку: дорога открыта. Сичева взята, моя дивизия уже прошла и продолжает двигаться по своему

маршруту (от Сичева наши пути расходились, а до этого я шёл за 8 т.д.). Авангард бригады, а за ним и вся бригада подошли к очень сильному укрепленному узлу, где оборонялись батальон усиленный, рота СС и 250 человек сапёров, строящие этот узел, а я был информирован соседом, что проход очищен. Необстрелянная бригада попала под сильный оружейно-пулемётный огонь, а потом и миномётный огонь. Желание рапортовать, что, мол, я быстро продвигаюсь вперёд, заставили, видимо, командира дивизии обмануть вышестоящее командование и меня как соседа; в результате лишние жертвы, но только не у него, а у соседа, б) Второй пример. Командир 45 бригады без боя оставил Дуброво и открыл левый фланг моей бригады, а в оперсводке докладывает только через сутки: “После упорных боёв противник выбил мои части из Дуброво”. Мною через свою разведку было установлено, что Дуброво оставлено соседом без боя, а немцы, не предполагая такую глупость, тоже не вошли; посланный мною взвод не успел занять, так как немцы уже успели без боя войти в Дуброво. в) Третий пример. Командир 8 ГСД докладывает, что Соколово им взято и он продвигается вперёд, тогда как я своими глазами видел, что у Соколово идет бой, и бой длился ещё 2-е суток. Много таких примеров, когда значительно преувеличивают размер своего успеха»^[100].

По мнению Сухиашвили, такое повсеместное очковтирательство ведет к колоссальным потерям:

«Безнаказанно проходит дело по отношению виновников больших потерь. Из практики убедился, что, если армейские командиры докладывают: “Приказ выполняется, медленно двигаюсь вперед мелкими группами”, это значит, что сосед стоит на месте и хочет обмануть необстрелянного соседа, а своим подчинённым передаёт: “Вы так, полегонечку, делайте вид, что наступаете”. Противник наваливается сначала на одного, самого активного, а самые активные бывают новые, необстрелянные части. Под таракановским узлом сопротивления на моих глазах разбиты наши 45 СБ, моя 75-я СБ, 8 ГСД, 117 СД, 391 СД. Все эти часта подошли довольно полнокровными, но так как проходили последовательно, то все делают вид, что наступают, а свежая часть разбивается. Очковтирательства и неправильного доклада младший должен больше бояться, чем неисполнения приказа. За неисполнение приказа кругом пугают расстрелом, а докладывать: “Выполняем приказ, медленно ползём вперёд мелкими группами” можно, и никто не расстреляет»^[101].

Любопытно мнение Сухиашвили и во взгляде на командный состав:

«Бои проводятся с большим отступлением от устава, и за это

виновных не наказывают. На низком уровне взаимодействие родов оружия. Наши генералы недооценивают разведки и плохо её организуют, поэтому мало знаем о противнике. Дается боевой приказ без анализа сил, и часто бросаем людей в наступление без должной подготовки. Удары наши часто получаются растопыренными пальцами. Пока подтягивается артиллерия и боеприпасы, нет людей, которые могли бы закрепить результаты артогня. Вот мы уже целый месяц топчемся на месте, и целый месяц наши генералы повторяют одну и ту же ошибку. Пехотные большие даже командиры слабо знают другие рода оружия; пассивно используя свои огневые средства, непрерывно требуют огонь артиллерии, и до начала общего наступления весь боезапас уже израсходован по частям. Ни разу никто толком не организовал наступление, и в этом командир 3-й армии Пуркаев, по-моему, очень виноват.

Пока я имел независимое направление, дело шло, но как вступил во взаимодействие с Холмской группой, т.е. в состав 3-й армии Пуркаева, ни одной удачной операции в целом, хотя за последний месяц набили очень много немцев. Почему это так? В перерывах от наступления к наступлению операции проводили сами, в порядке активной обороны и с хорошими результатами, почти без потерь. Как общий приказ наступления, так большие потери и никаких результатов, потому что ни разу штаб армии не смог организовать общее наступление по-уставному. Большие штабы плохо знают состояние частей, в частях почти не бывают, операции не готовят, проявляют беспечность в тылу, объясняя это желанием уберечь штабы и командиров соединений, а наши донесения плохо читают или иногда даже не читают, не чувствуют пульс и сердцебиение фронта, не производят осмотр местности и поэтому в приказах задачу ставят не впопад. Когда после боёв части еле дышат и требуют время для приведения в порядок, в это время приказывают наступать, тратят боезапасы, а наступать нечем, тогда соберёшь людские ресурсы, приведёшь их в порядок и ждёшь боезапас для артиллерии, в это время опять не впопад приказывают наступать без арт. подготовки — опять большие потери. Если сложить силу нашу и противника, и людей, и оружие, то у нас минимум в три раза больше сил, но силы эти действуют разновременно, много потерь, а результатов нет, тут творится что-то непонятное. Устранить недостатки, учесть свои ошибки мы могли бы, если бы делали анализ и привлекали бы к ответственности виновников, но этого не делается, и одни и те же ошибки повторяются уже при мне 6 — 7 раз»^{102}.

Возвращаясь к неопубликованным страницам воспоминаний генерала Сандалова, следует обратить внимание на одну незначительную деталь, где

начальник штаба 20-й армии упоминает про некую медсестру Власова, из-за беременности которой тот никого не принимал. Это ей — Подмазенко Агнессе Павловне Андрей Андреевич напишет 14 февраля 1942 года:

«Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой — медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль за боевые заслуги, а ты уже сразу получила вторую: “за отвагу”. Искренне рад, да не только я. Меня поздравляли все наши сотрудники. Кроме тебя из наших ещё несколько также наградили разными медалями. Кроме того, скоро ожидает тебя и очередное звание. Как получу, немедленно сообщу»^[103].

Само по себе наградное представление на начальника медпункта штаба 37-й армии военврача 3-го ранга Подмазенко Агнессу Павловну уникально тем, что его диктовал не кто иной, как сам Власов. Какие-то отдельные фразы звучат в документе из его собственных уст. Кроме того, представление к ордену Красного Знамени любовницы генерала явно надуманно, и только с одной целью — сделать женщине «красивый подарок», отблагодарив за её реальные «заслуги» в постели.

«При обороне города Киева с июня месяца 1941 г. активно лично оказывала медпомощь бойцам и командирам, героически отстаивающим город Киев. Под сильным обстрелом артогня и бомбёжки с воздуха лично оказывала своевременную помощь работникам штаба 37 Армии при налёте противника на штаб (начальнику артиллерии — генерал-майору СТЕПАНОВУ и др.).

При выходе из окружения лично участвовала в боях с оружием в руках. Совместно с старшим политруком СВЕРДЛИЧЕНКО вывела из окружения и спасла жизнь большому — Командующему 37 Армии генерал-майору ВЛАСОВУ. Достояна награждения ордена “Красного Знамени”.

Командующий 20 АРМИИ генерал-майор Власов»^[104].

Можно только представить себе удивление Г.К. Жукова который, скорее всего, ухмыльнувшись, 7 февраля 1942 г. начертил чуть ниже представления: «Медалью “За Отвагу”»^[105].

Генерал Л.М. Сандалов:

«9 января фронтовая авиация, в том числе и бомбардировочный полк, бомбили противника перед намеченными участками прорыва 20-й армии. А наступление войск армии было отменено, хотя они и заняли исходное положение. В полдень 9 января генерал Жуков прислал комиссию для расследования причин отмены намеченного на этот день наступления армии. Комиссию возглавлял один из начальников управления фронта.

Власов пренебрежительно отнёсся к этой комиссии. Но после разговора по телефону с командующим фронтом генералом армии Жуковым его самоуверенность исчезла. Армейский КП опять опустел: все уехали помогать готовить войска для наступления.

Утром 10 января шёл сильный снег, видимость была плохая. Авиация действовать не могла. Артиллерийская полуторачасовая подготовка при такой видимости должного эффекта дать не могла. В 9 часов 30 минут после артподготовки войска ударной группы перешли в атаку. Однако наступление наших войск для противника, к сожалению, не было неожиданностью. В жестоких, кровопролитных боях, отвоёвывая у противника метр за метром, наши части продвинулись в этот день на 2 — 3 километра. Группа Ремизова овладела сильно укреплённым населённым пунктом Захарино, разгромила подразделение и штаб полка 6-й танковой дивизии. В то же время 352-я стрелковая дивизия овладела таким же укреплённым пунктом — Тимонино. (...)

На второй день операции и в течение первой половины 12 января войска ударной группы армии преодолели ещё три километра вражеской обороны. Левофланговые части 1-й ударной армии также продвинулись вперёд. Медленное продвижение наших войск в значительной степени обуславливалось глубоким снежным покровом, затрудняющим наступление войск, применение танков, передвижение артиллерии. Власов решил в этот день ввести в бой кавалерийский корпус.

По его мнению, конница поможет ударной группе закончить прорыв вражеской обороны, а затем устремится на Шаховскую, Гжатск. Однако Г.К. Жуков запретил ввод подвижной группы до прорыва обороны противника на всю тактическую глубину. К исходу 12 января войска 20-й армии пробились на глубину 6 — 7 км. Группы Ремизова, Катукова и морская бригада под командованием молодого энергичного командира Кулешева вышли на подступы к Шаховской. Перешла в наступление действовавшая левее ударной группы дивизия генерала Короля. Продвинулись вперёд и левофланговые части 1-й ударной армии.

С утра 13 января был введен в прорыв на Шаховскую кавалерийский корпус генерала Плиева. В последующие дни наши войска продвигались вперёд со скоростью 4 — 5 км в сутки. Преодолевали многочисленные оборонительные рубежи противника на Ржевском направлении. Конница двигалась на уровне пехоты.

Утром 15 января я докладывал по телефону обстановку генералу армии Г.К. Жукову, и он отдал такое приказание:

— Чего вы все войска направили на Шаховскую и еле-еле

продвигаетесь вперед?! Перенацельте корпус Плиева на Середу, Гжатск для перехвата начавшей отход Можайской группировке противника.

Передать это приказание Плиеву Власов поручил мне. Я поехал к начальнику штаба корпуса полковнику А.И. Радзиевскому и изложил ему приказание генерала Жукова. В это время подъехал Плиев и быстро принял решение на поворот корпуса. Он имел в виду обойти Середу с севера и юга и устремиться на Гжатск. После возвращения на армейский КП я доложил решение Плиева Власову. Он с раздражением упрекнул меня:

— Какую же пользу принес нам ввод кавалерийского корпуса? Мы ему прорубили ворота, а он теперь уйдёт к Гжатску для действий совместно с другими армиями. Я поеду сам к Плиеву. Пусть он хотя бы захватит Середу и разгромит находящиеся там войска противника.

16 января перешли в наступление все войска армии, а на другой день заняли Шаховскую и подошли к Середе. (...)

В день взятия Середы Власов направил меня в штаб 1-й ударной армии, которую совершенно неожиданно для нас Ставка выводила в этот день в свой резерв. 20-й армии было приказано сменить войска уходящей в тыл армии. Я нашёл генерала В.И. Кузнецова с его штабом в одном селении поблизости от Теряевой Слободы. После тёплой встречи мы сразу приступили к вопросу замены войск 1-й ударной армии нашими войсками.

— Вы получили от нас перед наступлением из Волоколамска три стрелковых бригады, вот их и направляйте в нашу полосу, — советовал мне Кузнецов.

— Так мы и делаем, — подтвердил я. — Но наступательная сила армии теперь резко снизится.

С этого дня 20-я армия стала правофланговой армией фронта, а полоса её наступления увеличилась почти вдвое.

21 января войска правого крыла фронта получили ещё один удар. В этот день была расформирована 16-я армия генерала К.К. Рокоссовского. Остатки войск этой армии были переданы в 5-ю армию.

Ослабление правого крыла Западного фронта явилось общепризнанной тяжёлой ошибкой Ставки и привело к постепенному “затуханию” наступления 20-й армии и её нового левого соседа 5-й армии. 25 января войска 20-й армии, наступая в направлении на Сычёвку, вышли к новым подготовленным гжатским оборонительным позициям противника (так называемая “линия фюрера”) на рубеже Васильевское, Быково и вынуждены были остановиться. Волоколамская операция 20-й армии завершилась. За две недели боевых действий её войска продвинулись на 40 — 50 км»^{[106](#)}.

В открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», словами А.А. Власова будет написано:

«Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал всё от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску»^{107}.

С одной стороны примерно всё так и было, а с другой? А с другой — было всё немножко не так. О чём-то мы говорили выше, о чём-то говорили в книге «Иуды в погонах». И всё же мне бы хотелось вернуться к взятию Середы, к воспоминаниям генерала армии, дважды Героя Советского Союза И.А. Плиева, который написал их по просьбе генерала Л.М. Сандалова:

«Середа. Так называется большое село, лежащее в верховьях реки Руза, километрах в 15 к югу от автостреды Москва — Ржев. В те дни это был один из наиболее сильных опорных пунктов немцев, расположенный на пути наступления 2-го гвардейского кавалерийского корпуса на Гжатск. Корпус оторвался от пехоты и успешно развивал наступление. Высланные вперёд дозоры донесли, что Середа занята крупными силами противника. На её окраинах и западном берегу Рузы — хорошо подготовленная система обороны. Перед населённым пунктом с севера на юг тянется широкая полоса равнинной, открытой местности с большой толщей снега. Всё это пространство было зоной сплошного заградительного огня. Само собой напрашивалось решение обойти этот опасный пункт и продолжать стремительное движение на Гжатск. Вряд ли немцы удержали бы его, имея в тылу конный корпус. Об этом решении я доложил прибывшему ко мне командующему 20-й армией Власову. Но он приказал не тратить время на обходы, а взять Середу атакой с фронта.

Кстати сказать, у меня тоже имеются личные счёты с этим отъявленным подлецом. Он являет собой редчайший по низости тип предателя. Приказы, которые поступали от него лично, вызывали всегда у нас недоумение. Их мог отдавать или неподготовленный в оперативном отношении человек, или предатель.

Чтобы Вы лучше представили себе, чего могла стоить атака, нарисую кратко обстановку.

Корпус в многодневных ожесточённых боях понес тяжёлые потери, и ударная сила его, естественно, ослабла. Наши успехи достигались за счёт хорошо поставленной разведки, широкого стремительного манёвра (в этом

мы шли на любой обоснованный риск, и он всегда приносил успех) и внезапность. Атака в лоб опорного пункта через открытое, заснеженное пространство, днём, к тому же без заблаговременной подготовки, сводила к нулю наши преимущества и могла привести к затяжному бою с тяжелыми потерями. Но приказ есть приказ, и мы его выполняли. Середка была взята атакой с фронта. Однако расскажу об этом подробнее.

Чтобы достигнуть внезапности удара с фронта, а заодно отрезать пути отхода противника на гжатскую долину обороны, было приказано командиру 3-й гвардейской кавалерийской дивизии захватить переправу через р. Руза у Красного Села, на большаке Шаховская — Середка, и наступать в обход опорного пункта с северо-запада. 20-я кавалерийская дивизия двинулась в обход Середки с юго-востока. Это по замыслу должно было создать у противника впечатление, что наши основные усилия нацелены на обход опорного пункта с севера и юга. В сущности, это так и было. Но мы помнили, что взять опорный пункт приказано атакой непременно “в лоб”.

Бой за Середку начался с утра 18 января и продолжался весь день. С наступлением темноты 3-я гвардейская кавалерийская дивизия захватила переправу на р. Руза севернее Середки. 20-я кавалерийская дивизия попала под удар 30 пикирующих бомбардировщиков и укрылась в лесу. Но как только самолёты улетели — продолжала углубляться в обход Середки с юга. В то же время под покровом ранних сумерек в тыл противника на широком фронте просочились многочисленные разъезды казаков. Всю ночь они активно и дерзко действовали вокруг опорного пункта, имитируя окружение, разрушая связь и управление, внимательно наблюдая за всеми движениями по тыловым дорогам. Только 4-я гвардейская кавалерийская дивизия, затаившись, стояла в лесу перед Середкой в готовности к атаке.

Ранним утром 19 января 3-я гвардейская кавалерийская дивизия возобновила наступление из района захваченной накануне переправы. Разъезды донесли, что из Середки навстречу дивизии движется колонна немцев. Одновременно была обнаружена колонна пехоты,двигающаяся к Середке с северо-запада. Эти силы противника оказались на время движения выключенными из борьбы. Теперь все решала мощная внезапная атака. Атака без артподготовки, но такая, чтобы в неё была вложена вся воля и безудержный натиск казаков.

В установленное время, по заранее сверенным часам, без сигнала, почти одновременно из леса вынеслись эскадроны 4-й гвардейской кавалерийской дивизии и быстро исчезли в темноте. Снежный покров поглощал drobный гул копыт. Это была по-настоящему казачья атака —

лихая и стремительная. Первыми в Середу ворвались эскадроны 37-го кавалерийского полка старших лейтенантов Ильи Бурунова и Ивана Картечкина. Артиллерийские батареи сразу открыли заградительный огонь по западной окраине села. Все это произошло в считанные минуты. Так был взят крупный опорный пункт немцев — Середка. Улицы и окраины селения были покрыты трупами вражеских солдат и офицеров. Однако и наши потери из-за лобовой атаки противника были очень большими.

50-му и 74-му кавалерийским полкам заблаговременно ставилась задача произвести сквозную атаку, не задерживаясь в селе. Они должны были проскочить в тыл противника и, выйдя на большак, разгромить колонну пехоты, создавшую угрозу правому флангу 3-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Полки успели выйти на указанный им рубеж и развернуться на опушке леса. А когда колонна пехоты противника подошла, казачья конная лава вырвалась из леса и, сверкая клинками, пронеслась через большак, пересекала поле и скрылась в противоположном лесу. А позади остался кровавый след казачьей атаки — поле, покрытое трупами врагов. Всё это произошло буквально в считанные минуты...»^{108}.

К слову сказать, методы работы командарма Власова очень напоминают те, о которых писал секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову с фронта 10 июля 1942 г. командир 141-й стрелковой дивизии полковник Тётушкин:

«Возьмём вопрос о взаимоотношениях высшего комсостава. Я был в 33 армии зимой этого года. Там дело обстояло просто. Вызывает к телефону командарм или его начальник штаба, или даже начальник оперативного отдела командира дивизии, его начальника штаба или ВК дивизии и кричит: “Сволочь, оболтус... твою мать... почему ваш полк не может взять деревню, сегодня приеду и расстреляю вас всех”.

Конечно, никто из них за полгода к нам в дивизию не приезжал, а на телефону расстреливали командование дивизии по пять раз в день. Я задаю вопрос — когда и в какой армии были и есть такие отношения между высшим комсоставом? Разве это поможет успеху боя? Как раз наоборот. Эта закваска спускается вниз во все звенья. Кругом стоит сплошной мат. А дело, конечно, не улучшается и улучшиться не может от этого. Командарм 33 армии даже бил по лицу командиров, причём совершенно ни за что.

Применяя эти методы, командир расписывается в своём бессилии, значит у него нет более эффективных способов воздействия. Для такого лица, как командир дивизии, достаточно одного замечания в вежливой форме, и он уже чувствует. А помочь ему выиграть бой можно толковым

указанием — как лучше организовать операцию, вовремя придать необходимые средства, дать необходимое время на подготовку боя. Смешивать командира с землёй ежечасно и ежеминутно, это значит — создавать такое положение, чтобы командир не имел никакого авторитета у подчинённых. История военного искусства говорит наоборот, что во все времена и во всех армиях принимались меры к созданию огромного авторитета для офицеров. Это имело и имеет решающее значение в войне и непосредственно на поле боя. Такое отношение к командирам, возможно, имеет место не во всех наших армиях. Но почти везде не считаются с мнением командиров дивизий (который лучше, чем кто-либо другой, знает условия обстановки в своей полосе), а просто ему говорят: “Записывай, что я приказываю, и делай”. А вот история всех войн подсказывает нам, что, организуя какую-либо операцию, собирается совещание высшего комсостава для обсуждения вопроса — как лучше организовать эту операцию. У нас совещаний и заседаний миллион, но такие, что я сказал выше, не практикуются»^{109}.

В винницком лагере «Проминент», где содержался Власов, немцы вели работу по разложению военнопленных и привлечению их к службе в германской армии. Хозяином здесь был начальник «Группы III» (трофейный пункт) отдела Генерального штаба «Иностранные войска Востока» (ФХО) при ОКХ (Верховном штабе сухопутных сил), руководимого генерал-майором Рейнхардом Геленом, — полковник Генерального штаба барон Алексис фон Ронне. Уроженец Курляндии, барон хорошо владел русским языком, как и все сотрудники группы — прибалтийские и русские немцы: инженеры, пасторы, адвокаты, коммерсанты, профессора, музыканты, журналисты и учителя. Люди высокообразованные и достаточно опытные.

В мае 1945 г. Власов расскажет, как с ним работали в «Проминенте»:

«Первым ко мне стал обращаться майор Сахаров, который, находясь уже на службе у немцев, предлагал мне взять в свое подчинение воинскую часть из военнопленных Красной Армии и начать борьбу против советской власти. Позже меня и полковника Боярского вызвали к себе представители разведотдела при Ставке верховного командования германской армии полковник Ронне и отдела пропаганды верховного командования капитан Штрихфельдт, которые заявили, что на стороне немцев уже воюет большое число добровольцев из советских военнопленных и нам следует также принять участие в борьбе против Красной Армии.

Я высказал Ронне и Штрихфельдту мысль, что для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действиям, чтобы они не казались наемниками Германии. Ронне ответил, что немцы согласны создать из русских правительство, к которому перейдёт власть после поражения советских войск. Я заявил Ронне, что подумаю над его предложением и позже дам ответ.

После этой беседы 10 августа 1942 г. в лагерь приехал советник министра иностранных дел Германии Хильгер — бывший советник германского посольства в Москве, свободно владеющий русским языком, который, вызвав меня к себе, спросил, согласен ли я участвовать в создаваемом русском правительстве и какие в связи с этим у меня имеются предложения.

Высказав Хильгеру мысль о том, что надо подождать конца войны, я тем не менее стал обсуждать с ним, какие территории Советского Союза

следует передать Германии. Хильгер говорил, что Украина и Советская Прибалтика должны будут войти в состав Германии»^[110].

В августе 1942 г. Хильгер действительно допрашивал генерала Власова, полковника Боярского и полкового комиссара Кернеса. В своей записке в Берлин он изложил следующие мысли:

«...В течение своей 22-лстпей военной карьеры генерал Власов продвигался по службе с трудом, так как окончил духовную семинарию и был принят в партию только в 1930 г. Несмотря на своё высокое положение в Красной Армии, он в глубине души никогда не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами ее властителей. Ход войны и сделанные Сталиным ошибки окончательно открыли ему глаза на то, что существующая система ведет страну в пропасть. Несмотря на это, Власов не допускает, что Красная Армия уже разбита, а Советское правительство в связи с потерей важных индустриальных и сельскохозяйственных областей не окажет больше никакого сопротивления. Власов, видимо, действительно убеждён в том, что ни сила Красной Армии, ни экономический потенциал Советского Союза ещё до конца не исчерпаны. Несмотря на то что Власов знает о бедственном положении в области снабжения продовольствием и о растущей усталости в связи с войной, он считает, что Сталин никогда не сдастся и не будет свергнут изнутри. Проводимой Советским правительством пропаганде удалось добиться того, что каждый русский уверен в том, что Германия хочет уничтожить Россию и свести её на положение колонии. По его мнению, сила сопротивления русского народа может быть сломлена только указанием на то, что Германия не преследует подобных целей и намерена предоставить России и Украине существование в форме протектората. На этой основе многие русские военнопленные вступят под руководством Германии в борьбу против ненавистного сталинского режима.

Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны Советского правительства их ожидает только смерть. Они не мечтают ни о чём другом, кроме падения Советского правительства и победы германского оружия. С другой стороны, они не могут себе представить, чтобы эта победа могла быть достигнута посредством только немецких военных сил.

В связи с этим генерал Власов и особенно полковник Боярский высказали преувеличенные представления о военных и экономических возможностях США и Англии. Это представление является прямым

следствием соответствующей советской пропаганды и является показательным в смысле того, как интенсивно действует эта пропаганда даже на расположенные к критике натуры.

Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно, по мнению обоих офицеров, ввести в бой против Красной Армии русских военнопленных. Ничего не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. Для осуществления этого необходимо создание соответствующего русского центра, призванного для того, чтобы рассеять царящие в широких кругах и среди командования Красной Армии опасения относительно намеченных Германией целей войны, а также для того, чтобы убедить эти круги в беспечности дальнейшего сопротивления и тем самым помешать Сталину продолжать войну. На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией и её вождями будет работать над созданием нового порядка в Европе.

Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было ли это при царском или при большевистском режиме.

Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской основе.

Советские офицеры возразили, что между самостоятельным русским государством и колонией имеются ещё различные промежуточные решения, как, например, создание доминиона, протектората с временным или постоянным введением оккупационных войск. В настоящее время решающим является вопрос относительно того, возможно ли освободить русских от представления, будто Германия намерена превратить их страну в колонию, а их самих в рабов. Пока живы подобные опасения, сопротивление Красной Армии будет продолжаться, пока не будут исчерпаны имеющиеся в её распоряжении средства.

На замечание, что указанные средства уже на исходе, оба офицера заявили, что Германия не имеет правильного представления о военно-экономических возможностях Урала и Сибири. Недостаток в бакинской нефти, по их убеждению, будет возмещён добычей нефти между Уралом и Волгой, причём её будет вполне достаточно для ведения оборонительной войны.

Генерал Власов и полковник Боярский изложили вышеприведённые соображения в меморандуме, который был представлен в моё распоряжение полковником Генштаба фон Ронне»^{111}.

Любопытны на этот счет факты, которые приводит К.М. Александров:

«7 августа, спустя четыре дня после того как Власов и командир 41-й стрелковой дивизии 6-й армии Юго-Западного фронта полковник Владимир Боярский (Баерский) предложили командованию Вермахта “создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию”, с военнопленным № 16901 встретился политический советник Имперского МИД Густав Хильгер, специально приехавший для этого в Винницкий лагерь. Это был первый влиятельный представитель политической элиты рейха, проявивший неподдельный интерес к Власову. Берлинский визитёр имел богатый опыт общения с советскими гражданами, в том числе с военнопленными, и в военно-дипломатических кругах считался знатоком России. Уроженец Москвы, служивший в 1910-е годы в Российской империи дипломированным инженером и никогда не скрывавший симпатий к русским, затем он занимал должность советника в Германском посольстве и работал в столице Советского Союза вплоть до 22 июня 1941 года. Во время войны дипломат находился в Берлине, в группе экспертов, которых предполагалось привлечь в качестве консультантов на случай сепаратных переговоров между Германией и СССР. По собственным словам, он “с отвращением и ужасом” наблюдал “неразбериху германской оккупационной политики на завоёванных территориях Востока”»^{112}.

По мнению Александрова, политический советник Имперского МИД Хильгер был «хорошим человеком» только потому, что родился в Москве и служил в России при царе инженером. Однако трудно согласится с таким доводом. Ибо теперь он работал против России. И неважно, какого цвета флаг развевался над этой страной. Хильгеры и прочие бывшие граждане России теперь были врагами русским, жившим по другую сторону Восточного фронта.

Меморандум, подписанный Власовым и Боярским в Виннице 3 августа 1942 г., текстуально выглядит так:

«Перевод с немецкого

Перевод с русского

Принимая во внимание внутреннее положение Советского Союза, растущую оппозицию против существующего режима, а также международное положение, можно прийти к следующему заключению:

1. Правительство Сталина в связи с потрясающими военными поражениями, нанесенными немецкими войсками, а также в силу его неспособности организовать военные действия и тыл (например, голод в стране, расстройство народного хозяйства) потеряло свою популярность среда населения и особенно в армии. Оно держится только на

организованной раньше и поддерживаемой теперь системе НКВД — системе террора.

2. В ведущих кругах армии и народа все яснее пробуждается создание бесполезности и бесперспективности дальнейшего ведения войны, которое приводит лишь к уничтожению миллионов людей и разрушению материальных ценностей.

Эта группа людей стоит перед дилеммой: или же бесполезно погибнуть на войне, или быть уничтоженными в подземельях НКВД. На фронте и в самой стране казнят офицеров, которых обвиняют в военных неудачах. При этом отдельные командиры частей вовсе не виноваты в этих неудачах. В проведении оперативных действий командирам частей мешают комиссары. В связи с этим имеются случаи сдачи в плен высшего командного состава.

3. Офицерский корпус Советской Армии; особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путем может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия. Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединённым Штатам? Главная задача — содержание правительства — говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединёнными Штатами и Англией в случае, если Германия не внесёт ясность в этот вопрос.

4. Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа, поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдёт на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности.

На возможность внутреннего переворота при теперешних обстоятельствах рассчитывать не приходится.

5. Если принять во внимание миллионное население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию повой Европы.

Эти силы в настоящее время не используются. Исходя из

вышеизложенного, мы передаем на ваше рассмотрение следующее предложение:

- создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

- независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устраним ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и оккупируемых областях, тормозящих дело создания нового порядка;

- это мероприятие легализует выступление против России и устраним мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях.

Мы считаем своим долгом перед нашим народом и перед фюрером, провозгласившим идею создания новой Европы, довести вышеизложенное до сведения верховного командования и тем самым внести свой вклад в дело осуществления упомянутой идеи»^{113}.

Екатерина Андреева появление этого документа, подписанного Власовым, описывает без всяких эмоций, в совершенно спокойных тонах:

«В лагере он встретился с другими советскими военнопленными высоких рангов. Совместно с одним из них, полковником Владимиром Боярским, Власов написал письмо немецким властям. В письме они предложили немцам использовать антисталинские настроения среди населения вообще и военнопленных в частности. Они также высказывались за создание русской национальной армии.

Судя по восклицательным и вопросительным знакам на полях письма, выдвигаемые в нём идеи с немецкой точки зрения были совершенно непонятны. Тем не менее, письмо, по-видимому, явилось катализатором для ряда встреч Власова с различными немецкими деятелями, не согласными с нацистской политикой.

Через четыре дня после написания письма Власова посетил Густав Хильгер, дипломат, до войны работавший в Москве с немецким послом фон дер Шуленбургом. После встречи с Власовым Хильгер представил офицеру связи между немецким верховным командованием и немецким Министерством иностранных дел фон Этцдорфу докладную записку, где подчеркивал, что неправильная нацистская политика по отношению к СССР и его населению, то есть проведение мер по обращению России в немецкую колонию, достигает только одного, а именно — усиливает советское сопротивление»^{114}.

Однако утверждение о совместном написании письма Власова с

Боярским является маловероятным, так как известно, что Андрей Андреевич грамотностью не отличался, писать не любил, а если и писал, то в соответствии со своим полученным образованием. А оно было, прямо скажем, не ахти каким. Следовательно, писал этот меморандум другой человек... Считается, что полковник Боярский.

Баерский Владимир Гелярович (Боярский Владимир Ильич) родился в 1901 г. в селе Бродецкое Бердичевского уезда Киевской губернии в семье рабочих. Поляк. В 1922 г. окончил рабочий факультет, в 1926 г. — экономический факультет института. В РККА с 1920 г., в партии с 1941-го. Воевал на Польском фронте, против отрядов Махно, в Дагестане, в Грузии. Несколько раз ранен.

С августа 1920 г. — красноармеец стрелкового полка, с апреля 1922 г. — курсант 4-х пехотных курсов, с января 1923 г. — курсант 2-й Тифлисской пехотной школы, с августа 1925 г. — слушатель Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования «Выстрел». По окончании — командир роты, с декабря 1928 г. — помощник командира батальона, с октября 1929 г. — командир батальона, с января 1930 г. — помощник начальника штаба полка. В июле — начальник штаба полка. С июля 1932 г. — временно исполняющий должность командира полка. С 1934 г. — слушатель Военной академии им. Фрунзе. С 1937 г. — преподаватель тактики на Высших стрелково-тактических курсах усовершенствования командиров пехоты «Выстрел». С сентября 1938-го по март 1939-го майор Баерский в запасе. После возвращения в армию, назначен помощником начальника штаба 3-й стрелковой дивизии. В 1940-м — заместитель начальника штаба стрелкового корпуса на Дальнем Востоке, подполковник. В 1941 г. — полковник, начальник оперативного отдела стрелкового корпуса, начальник штаба стрелкового корпуса. В сентябре 1941 г. назначен командиром 41-й стрелковой дивизии.

В плену с 25 мая 1942 г., где принял псевдоним Владимир Ильич Боярский^[115].

Мог такой офицер написать меморандум? Думаю, что мог. Но опять-таки не один. Значит, был третий. И он действительно был, оставшись за спинами предавших Родину генерала и полковника.

Как мы помним, в записке Хильгера о допросах военнопленных Власова и Боярского была третья фамилия: Иосиф Кернес. Там он значится как полковой комиссар.

Иосиф Яковлевич Кернес до плена — комиссар 914-го полка 244-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. В боях на харьковском направлении в июне 1942 года попал в окружение и в плен. Но был в

биографии Кернса один весьма интересный факт. Спустя всего год после окончания педагогического факультета Военно-политической академии его оставили адъюнктом на кафедре истории СССР. Правда, учебу Кернес так и не завершил. Началась война. И все же, в отличие от других коллег по несчастью, комиссара трудно назвать человеком без способностей. Так, собственно, оно и было^{116}.

Выдержки из протокола допроса Кернеса от 25 июня 1942 года пусть косвенно, но всё-таки подтверждают его авторство в написании меморандума:

«Отношение к политическим вопросам. К теперешней системе Сталина, имеется, по мнению К., довольно значительная оппозиция, которая в политических военных кругах, а также в армии имеет якобы многочисленных сторонников. Оппозиция признает, что война для России проиграна, и хотела бы с помощью сепаратного мира с Германией спасти страну от невыразимого хаоса... Продолжение войны с Россией, которая, по мнению К., в состоянии вести войну приблизительно ещё один год, стоило бы также и немцам очень больших жертв и переутомило бы немецкую экономику настолько, что с наступлением англосаксов, которое ожидается в 1943 году после полной перестановки США на войну, Германия может изнемогнуть. Русский народ и армия хотят мира. Этому сильному народу, который поддерживается также и верхушками среди ведущих кругов (оппозиции), не может на долгое время сопротивляться даже Сталин, но все же мирные условия должны быть приемлемыми. Необходимыми условиями К. считает: положение, существовавшее с августа 1939 года, и господство русской части населения, которое понесло самые большие жертвы и является ядром государства. Немедленное изменение большевистской государственной системы следует не отклонить, а, напротив, стремиться к постепенной ее переустановке, например, восстанавливая частную собственность, увеличивая крестьянские подсобные хозяйства без немедленной ликвидации колхозов, освобождая ремесла и многое другое. Армия поддержит правительство, которое приведёт к миру, а Сталин после заключения мира долго удержаться не может. Сокращение русской армии до состава полицейских войск — об этом можно говорить свободно. В дальнейшем следовало бы стремиться к достижению немецко-русского сотрудничества против капиталистических держав, в результате которого Россия заняла бы должное ей место в новой Европе»^{117}.

А вот что записал о Кернесе Хильгер 7 августа 1942 г.: «Полковой

комиссар Иосиф Кернес родился в 1910 году в Кировограде. Держится он положительно и дипломатично, однако не внушает доверия. До 1941 года Кернес являлся сотрудником Главного политического управления Красной Армии в Москве и одновременно политическим комиссаром пачка. Кернес заявил, что перешёл на нашу сторону в связи с полученным им от русских оппозиционных кругов заданием выяснить возможность заключения сепаратного мира. На вопрос, что это за люди, Кернес ответил, назвав несколько ничего не говорящих имён, что значительное количество известных лиц, а также влиятельных членов Советского правительства не согласны с политикой Сталина и готовы, в случае если Германия предложит приемлемые условия сепаратного мира, свергнуть его и вступить в переговоры с германским правительством. На вопрос, что это за лица, Кернес назвал такие имена как Молотов, Калинин, Шапошников, Тимошенко и др. Кернес утверждает, что всё, касающееся данного вопроса, он изложил письменно и передал военным властям в Харькове. По поводу этих заметок запрошены соответствующие сотрудники ОКХ... Ни моя беседа с Кернесом, ни содержание его письма в адрес г-на министра иностранных дел не убедили меня в том, что в его сообщении есть нечто большее, чем стремление к личному выдвижению. Я побеседовал с Кернесом соответствующим образом и заявил ему, что время окончания войны зависит не от желания русской “оппозиции”, а будет установлено немецкими пушками. Генерал Власов и полковник Боярский высказывались о Кернесе сдержанно, но не отрицательно. Они считают его интеллигентным, пригодным к использованию.

Разница между обоими офицерами и Кернесом заключается в том, что первые считают невозможным революцию в Советском Союзе или дворцовый переворот в Кремле, в то время как Кернес указывает на то, что оппозиция против Сталина настолько сильна, что её можно привести к власти предложенным им способом (сепаратный мир с Германией). Кернес не дал доказательств правильности своего мнения. Напротив, предложенное офицерами введение русских формирований в бой против большевизма позволяет сделать благоприятные выводы»^{118}.

Только благодаря своей твердолобой «оппозиционной версии» Иосиф Кернес в декабре 1942 года смог перейти линию фронта и оказаться у своих. При себе он хранил два свернутых в трубочку тонких листа бумаги. На одном было письмо маршалу Тимошенко, на другом письмо маршалу Василевскому. Однако упрямство комиссара на Родине было встречено без энтузиазма. В 1955 г. Кернеса освободили по амнистии и только в 1989 г. реабилитировали. Двадцать лет спустя после смерти.

Именно Кернес очень много дал свидетельских показаний по делу генерала Власова. И, как отмечают специалисты, показаний смелых [{119}](#).

В Виннице по приказу полковника фон Ронне с Власовым встретился капитан Штрик-Штрикфельдт. Несколько слов об этом офицере германской армии.

Вильфрид Карлович родился в 1897 г. в Риге и был старше Власова всего на 4 года. В 1915 г. он окончил гимназию в Петербурге. До конца Первой мировой войны служил офицером в русской армии. С 1918 по 1920 г. участвовал в Белом движении. Затем 4 года работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России.

С 1924 по 1939 г. представлял в Риге германские и английские предприятия. С 1941 г. — переводчик и офицер вермахта^{120}.

Вот как вспоминал первую встречу с русским генералом капитан Штрик-Штрикфельдт:

«Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определимой чертой характера, в котором чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление ещё усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стёкла очков, звучным басом, которым он не спеша, чётко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки лёгкого юмора.

Он рассказал мне о своей жизни».

Вообще Андрей Андреевич очень любил поговорить, пофилософствовать. Бесспорно сказывалось и духовное образование. При этом он часто выдавал желаемое за действительное...

Основной стержень в этой беседе — это прозрение Власова в плену. Об этом хорошо написал Штрик-Штрикфельдт:

«Первоначальное недоверие Власова рассеялось благодаря тактичному обращению с разбитым противником со стороны немецких офицеров и рыцарскому отношению его врага в боях у Волхова генерал-полковника Линдсманна. Этим подтвердилось то, во что он, в сущности, хотел верить: что немцы были не чудовищами, а людьми и, как солдаты, уважали противника...

При следующем моём посещении генерала Власова я должен был много рассказывать ему о Германии. Его интересовало всё. Но прежде

всего он хотел знать больше о германских целях войны. Надо сказать, что знал он поразительно много».

Вскоре капитан поставил решающий вопрос пленному генералу: «Не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза? Он задумался. Потом он рассказал мне о долголетней борьбе за свободу, которую вели крестьяне и рабочие, офицеры и студенты, мужчины и женщины. А мир наблюдал и молчал. Из экономических и иных корыстных побуждений с советской властью, держащейся на крови, заключались договора и союзы.

“Может ли все это ободрить народ, чтобы он взял в свои руки свою судьбу?” — спросил он».

Вопрос на вопрос — показатель сомнения. Видимо, у Власова оно еще было. С одной стороны, Власов считал: «В Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления».

С другой стороны, он спрашивал: «И как вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина?»

Снова вопрос на вопрос!

Штрик-Штрикфельдт: «Я сказал, что мы сами в начале похода верили в освободительную войну, в освобождение России от большевизма. Я говорил о бедственном положении военнопленных, которое, к сожалению, нам изменить не удалось. Я сказал ему и о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием; а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Следствие этого, прежде всего, катастрофическое положение 50 — 70 млн. людей в занятых областях. Позиция же германского офицерского корпуса иная».

— Что же все-таки мы можем сделать? — спросил Андрей Андреевич. — И что думает об этом ваш фюрер?

— Ну, фюрер, к сожалению, все еще окружен пораженными слепотой людьми. По фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в Генеральном штабе, делают что могут в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?

— Против Сталина — да! Но за что и за кого? И как?

— Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

— Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наёмников. Она должна получить свое задание от национального русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны.

В конце разговора капитан Штрик-Штрикфельдт попросил изложить свои мысли в письменной форме. При этом в своей книге «Против Сталина и Гитлера» он отметил:

«Момент был благоприятный: начальник генерального штаба Гальдер ждал от Гелена возможно более полной информации, исходящей из советских офицерских кругов, о реакции в Красной Армии на то, что проведённое упразднение института комиссаров».

В общем — обыкновенная работа разведки.

При разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный полковник Владимир Ильич Боярский, который в отличие от Власова был настроен более резко антисталински.

Андрей Андреевич часто советовался с ним. В итоге на основе соображений, обсуждённых в беседах, Власов и Боярский составили и подготовили доклад в виде плана. В своих воспоминаниях Штрик-Штрикфельдт написал: «Набросок плана был хорош, но, увы, слишком многословен. Из моего опыта я уже знал, что “пруссакам” следует все давать в сжатом, сухом изложении».

После получения указаний начальника Ронне Вильфрид Карлович добросовестно сократил и переработал доклад, который получил название меморандума^{121}.

После прочтения доклада полковник Ронне остался вполне доволен. Он несколько раз беседовал с Власовым и в заключение процесса вербовки сказал Штрик-Штрикфельдту: «В случае совместной работы с русскими я отдал бы генералу Андрею Андреевичу Власову предпочтение перед всеми другими».

И что бы ни говорили кураторы Власова, а потом и историки об этом предпочтении, ясно одно: в целях немецкой пропаганды фигура Власова была наиболее приемлемой и целесообразной.

Во-первых, он имел высокую должность как военнопленный генерал Красной армии, самое высокое воинское звание в плену — генерал-лейтенант. Таких у немцев в лагерях были единицы.

Во-вторых, внешний вид: рост, заметная худощавая фигура. Народные корни и духовное образование.

В-третьих, умение говорить и говорить много, философствуя. Знание

народа, народной жизни. Умение преподнести себя, умение поторговаться. Некая независимость.

На всё это и было обращено внимание немецких хозяев. По их единодушному мнению, глава Русского освободительного движения должен быть именно таким^{122}.

Как пишет Е. Андреева, «другим посетителем Власова в Винницком лагере был лейтенант Дюрксен из Отдела пропаганды верховного командования Вермахта. Его начальник капитан Николаус фон Гроте также активно разыскивал антисталински настроенного советского генерала, который подписывал бы пропагандные листовки для разбрасывания над расположениями частей Красной Армии с целью интенсифицировать дезертирство красноармейцев»^{123}.

И снова возвращаясь к письмам Власова своим жёнам, нельзя не отметить, что до плена Андрей Андреевич был весьма доволен своим положением, своей карьерой, своим питанием, обмундированием, встречами с вождём. Словом, всё у него было прекрасно. Была у него и молодая походно-полевая жена, которая родила ему сына. Его показывали в кинохронике, о нём писали газеты. И вдруг такой удачливый и счастливый человек оказывается в плену... Вся прошлая жизнь переворачивается с ног на голову, все планы и надежды рушатся в момент. В одно мгновение советский генерал-лейтенант лишается привычного положения, комфорта, благ и прелестей жизни командующего. Психологически не каждый человек способен в стрессовой ситуации справиться с таким потрясением. Не каждый способен выдержать такое резкое падение с Олимпа власти из князи в грязи. Не выдержал его и Власов. Более того, именно на этом сыграли немецкие офицеры, работавшие с ним. В частности, Штрик-Штрикфельдту удалось подобрать ключик к советскому генералу в том плане, что он ему смог весьма просто объяснить его предательство. И это оказалось немаловажно для обиженного и амбициозного выходца из русской глубинки.

Например, всё тот комиссар Кернес более подробно о планах гитлеровцев в отношении советских военнопленных узнал именно от бывшего командующего 2-й ударной армии, «которого немцы усердно обрабатывали, проча в командующие Русской национальной армии». Встретились они так, словно давно были знакомы друг с другом:

— Как же, как же, слышаны о ваших мытарствах, — говорил, пожимая руку Кернесу, бывший советский генерал. — Поведайте-ка нам о себе.

Слушал он, как бы это точнее сказать, со вкусом. Когда речь зашла об отношении Кернеса к коллективизации, часто вставлял:

— Помилуй Бог, как хорошо!..

В течение месяца, что Кернес провёл в Винницком лагере, они встречались с Власовым почти каждый день, чаще всего в отдельной комнате, где квартировал последний, расписывая столь любимую «пульку». Был он одет обычно в гимнастёрку защитного цвета, синие брюки, на ногах — большие болотные сапоги. Карты всегда располагают к общению, и день за днём Иосиф Яковлевич довольно подробно знакомился не только с биографией бывшего командарма-2, но и с планами будущего командующего РОА, предполагаемого главы будущего нового Российского государства. Во всяком случае, на реальную возможность подобной перспективы генерал намекал не единожды.

Несмотря на существенную разницу в воинских званиях (по советской военной номенклатуре), в их положении было немало общего. И тот и другой являлись военнопленными. Оба с самого начала стремились добиться расположения немецкого командования демонстрацией лояльности к Германии и заверениями о своей готовности сотрудничать в деле строительства новой России без большевиков, за что им сохранили жизнь и позволили даже иметь определённую свободу. Правда, если Власов определился со своей будущей ролью, то для Кернеса перспективы оставались весьма туманными, что, впрочем, не мешало им проводить время в обществе друг друга, без соблюдения субординации, не подчеркивая разницы в положении:

— Я ведь сын простого деревенского мужика, — рассказывал Власов. — Учился на гроши, всего добился сам. В Красной армии с самого её рождения, дослужился до генерал-лейтенанта. Но и после этого, друг мой, поддерживал контакты со своими земляками до самой войны, часто бывал на родине, в Нижегородской губернии, кому чем мог — помогал.

В отличие от Кернеса, который проявлял осторожность и лишнего не болтал, Власову постоянно хотелось выговориться. Он много рассказывал о себе, о своей советнической деятельности в Китае, о службе в Киевском особом военном округе, говорил о контузии, полученной в бою. Наверное, это покажется странным для читателя, привыкшего представлять себе генерала Власова эдаким эталонным монстром предательства, по в откровениях Кернеса о нём, в материалах допросов самых разных людей вполне отчётливо прослеживаются нотки уважительности к этому незаурядному человеку, сочувствия к изломанной судьбе.

Изменник, отщепенец, ничтожество. Несомненно, есть в таких

презрительных словах вполне определённая доля истины, однако, как неоднократно приходилось убеждаться, образ человека, нарисованный одной краской, никогда не соответствует оригиналу.

Судя по документам, имеющимся в делах, Власов в Винницком лагере никак не хотел признавать себя побеждённым.

Воспоминания

« — Имейте в виду, — убеждал он Кернеса, отложив карты в сторону, — Вторая ударная армия фактически была отдана нашей Ставкой немцам на растерзание. Мы оказались в окружении, однако бойцы и командиры продолжали героически сопротивляться превосходящим силам противника. Потеряли убитыми и ранеными две трети личного состава. Кончились снаряды, патроны. И лишь тогда было принято решение уничтожить технику, чтобы она не досталась немцам.

— Примерно в такую же ситуацию, Андрей Андреевич, на Северном Донце попала и паша дивизия, — вставил Кернес. — Если бы не контузия, я живым в плен бы не сдался.

— Во время отступления, в большинстве своем беспорядочного и неуправляемого, — продолжал свой рассказ Власов, глядя куда-то вдаль мимо собеседника, — штаб армии был отрезан от своих частей. Тем не менее я вместе со штабом пытался пробиться к своим, ждал и надеялся, что за нами пришлют самолёт. Не пробился и не дождался, тем не менее до последней минуты я оставался со своими бойцами и командирами. С горсткой голодных и измученных красноармейцев мне целый месяц удавалось скрываться в лесах и болотах. Я получил контузию, был ранен в ногу, но уверен, нам все равно удалось бы добраться до своих. Нас выдал немцам один продажный холуй, в доме которого мы остановились передохнуть»^{124}.

А 17 сентября 1942 г. Власова привезли в Берлин, в так называемый «штаб» русских сотрудников отдела пропаганды Верховного командования на Викториаштрассе, 10. Как говорится, процесс пошел!^{125}

В конце августа 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельд приехал в Берлин:

«Так называемый штаб русских сотрудников отдела Военной пропаганды (ВПр) ОКВ находился на Викториаштрассе 10, в помещениях отдела, по за замками и запорами. Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечером запирались и двери комнат. Я был потрясен: значит, даже ОКВ в Берлине не смог добиться для своих работников ничего лучшего. Скучную еду приносили ежедневно из какой-то столовой на Потсдамер-плац, а солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственного пайка, чтобы несколько улучшить питание русских. Они считали, что тот, кто работает с нами, должен быть, по крайней мере, сыт. Не были ли они лучшими политиками, чем их высокое начальство?

Старший лейтенант Дюрксен дружественно встретил меня. Моим непосредственным начальником стал капитан Гроте. Начальником отделения ВПр/IV, к которому принадлежали Гроте и Дюрксен, а теперь и я, был полковник Мартин».

Капитан Николай фон Гроте происходил из балтийских немцев. По профессии журналист, он с началом войны стал сотрудником отдела армейской пропаганды (ВПр).

Старший лейтенант Дюрксен был чистокровным немцем. Именно он по приказанию отдела пропаганды ОКВ был командирован в ОКХ с целью уговорить Власова подписать листовку, которую Гроте должен был размножить и организовать её «распространение» за линией фронта. Идея была такова, что если эта листовка увеличит число перебежчиков, то, значит, ОКХ и отдел пропаганды не зря едят свой хлеб. Эта листовка и стала для Власова дорогой в Берлин.

Ещё до приезда Дюрксена полковник фон Ронне спрашивал Власова:

— Готовы ли вы подписать обращение к Красной армии, призывающее солдат прекратить сопротивление и переходить на германскую сторону?

Сначала Андрей Андреевич категорически отказался. Но это диктовала не его совесть. Это был трезвый расчёт. Ведь был уже меморандум — первый шаг.

А Ронне продолжал упрашивать Власова:

— Вы поймите, без явных успехов трудно заставить начальство

согласиться на следующий шаг. Этот явный успех в глазах высшего командования был бы очевиден из роста числа перебежчиков после вашего призыва к красноармейцам.

— Они будут переходить и без моего призыва нарушить свой долг, — немного помолчав, заметил Власов.

Возможно, Власов боялся продешевить. Ему все же не хотелось быть на уровне простой уличной проститутки. Нужно было поломаться.

После Ронне к уговорам Власова приступил Штрик-Штрикфельдт:

— Генерал, ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остаётся ничего иного, как идти тернистым путём борьбы против Сталина и против...

— Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера.

— Совершенно верно!

— Здесь всё совсем иначе, чем в Москве! Вы берёте на себя ответственность и действуете по вашей совести. Такое у нас немыслимо. Малейший намёк диктатора — и все падают ниц.

— Так вы поможете нам? — спросил Вильфрид Карлович. Власов попросил сутки на размышление, и первая листовка появилась. Текст был составлен Боярским и дополнен Власовым.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал:

«В своём заношенном обмундировании военнопленных с большими буквами “SU” на спине русские “сотрудники” ОКВ могли выходить в город лишь строем в сопровождении конвоя. Власов отказался участвовать в этих “прогулках” для увеселения гуляющих в Тиргартене берлинцев. Он оставался в своей комнате.

Время от времени этих “сотрудников” привлекали некоторые министерства для консультаций, в качестве знатоков по различным специальным вопросам (например, по сельскому хозяйству). Из этого сама собой возникла необходимость в ослаблении их изоляции. Мы решили, прежде всего, добыть гражданскую одежду и улучшить общие условия жизни и работы пленных»^{[126](#)}.

Прошли месяцы, прежде чем Штрик-Штрикфельдту и его начальникам удалось приступить к созданию «русского центра генерала Власова». Был создан «Отдел Восточной пропаганды особого назначения». Его начальником был назначен Вильфрид Карлович.

Отдел приравнивали к батальону. Первоначальный штат предполагался

на 40 — 50 человек, но Штрик-Штрикфельдт попросил разрешения на 1200. Начальник отдела ВПр/IV полковник Мартин скрепя сердце подписал бумагу. Отделу Восточной пропаганды особого назначения в конце концов был выделен барачный лагерь неподалеку от деревушки Дабендорф, к югу от Берлина. Раньше он использовался для французских военнопленных и был подчинён командующему 3-м военным округом (Берлин) ...

Лагерь Дабендорф, расположенный на опушке леса (с траншеями на случай воздушной бомбардировки), был маленьким барачным городком с собственным снабжением. Бюджет по русскому персоналу включал: содержание восьми генералов, 60 старших офицеров и нескольких сотен младших. Соглашение с Отделом Иностранные армии Востока предусматривало размещение русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В целом штатное расписание в будущем должно было охватить 3600 плановых офицерских должностей.

По немецкому личному составу штат включал двадцать одну офицерскую должность.

После этого Власов и его сотрудники, а также и весь редакционный штаб с Викториаштрассе были формально освобождены из плена и переведены на бюджет Дабендорфа. А в нем разместились русская редакция, которая готовила регулярные выпуски обеих русских газет — «Заря» (для военнопленных) и «Доброволец» (для добровольцев и «хиви» — «вспомогательный персонал»).

О том, что было дальше, Власов расскажет на допросе советскому следователю:

«В декабре 1942 г. я поставил перед Штрикфельдтом вопрос о передаче под мое командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию. Штрикфельдт ответил, что передача мне всей работы по формированию русских частей задерживается из-за отсутствия русского политического центра. Украинцы, белорусы, кавказцы, как заявил Штрикфельдт, имеют в Германии свои руководящие политические организации и в связи с этим получили возможность формировать свои национальные части, а поэтому и я, если хочу добиться успеха в своем начинании, должен прежде создать какой-то русский политический центр. Понимая серьёзность доводов, выдвигаемых Штрикфельдтом, я обсудил этот вопрос с Малышкиным и Зыковым, и при участии Штрикфельдта мы выпустили от себя документ, в котором объявили о создании “Русского

комитета”».

Все дело в том, что план деятельности «Русского освободительного комитета в Смоленске» родился в недрах отдела Генерального штаба «Иностранные войска Востока» (ФХО). В августе 1942 г. штаб группы армий «Центр» одобрил этот план. По соглашению между отделами ФХО и ОКВ/ВПр воззвание комитета должно быть отпечатано и сброшено на Сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров. В воззвании предполагалось ясно наметить политические цели.

Прошло время, но ничего не было сделано. В свое время получивший разрешение на издание листовки с 13-ю пунктами, включавшими политическую программу, капитан фон Гроте все же подготовил такой документ. Публикация его также не состоялась.

Тем не менее Штрик-Штрикфельдт его передал Власову. Зыков переработал все 13 пунктов, внося туда призыв к населению, а Вильфрид Карлович добился разрешения на публикацию через своего знакомого военного врача частей СС у министра по делам Востока Розенберга. Уже через несколько часов ротационные машины отпечатали несколько миллионов листовок со «Смоленским воззванием»^{[127](#)}.

Думаю, что не очень трудно понять, для чего Власов был так нужен немцам! Благодаря недолгим уговорам и недолгим убеждениям советский генерал сломался и стал работать на своих новых хозяев, а проще говоря, на врагов своего Отечества. Проще не бывает!

«Появление на политической арене Власова, — пишет авторитетный историк А. Окорочков, — было принято антисоветскими силами с надеждой. Они увидели в нём (в первую очередь благодаря стараниям немецкой пропаганды) авторитет, способный повести за собой массы. Правда, немецкое руководство, создавшее ему соответствующий имидж в исключительно пропагандистских интересах, было само иного мнения о лидере РОД. В связи с этим интересно привести выдержку из речи рейхсфюрера СС Г. Гиммлера перед рейхсляйтерами и гауляйтерами в Познани 6 октября 1943 года:

“Теперь мы обнаружили русского генерала Власова. С русскими генералами дело особое. Наш бригаденфюрер Фегеляйн взял в плен этого русского генерала. Я гарантирую вам, из почти каждого русского генерала мы можем сделать Власова! Это будет стоит неслыханно дёшево. А этот русский, которого мы взяли в плен, нам вообще ничего не стоит. Он был командующим одной ударной армией. Наш brave Фегеляйн сказал своим людям: попробуем-ка пообщаться с ним так, будто он и взаправду генерал! И лихо встал перед ним по стойке смирно: господин генерал, господин

генерал!.. Это ведь каждому приятно слушать. Это во всём мире так. И здесь это тоже сработало. (...)

Итак, с этим генералом обращались должным образом, ужасно вежливо, ужасно мило. В соответствии со своими особенностями, славяне охотно слушают, когда им говорят: “Это вы знаете намного лучше нас”, любят быть любезно выслушанными, немного подискутировать. Этот человек выдал все свои дивизии, весь свой план наступления и вообще всё, что знал.

Цена за эту измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад вам пути нет, вам, верно, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война кончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы. Вот так дешево можно купить такого генерала! Очень дёшево. Видите ли, в таких вещах надо иметь чертовски точный расчет. Такой человек обходится в год в 20 тысяч марок. Пусть он проживёт 10 или 15 лет, это 300 тысяч марок. Если только одна батарея ведёт два дня хороший огонь, это тоже стоит 300 тысяч марок. Но опасно делать из славянина большую политическую программу, которая в конечном счёте может обернуться против нас самих”.

Такого же мнения относительно Власова и Русской освободительной армии придерживались и другие руководители Третьего рейха. Так, например, рейхминистр и главнокомандующий ВВС Герман Геринг на допросе 17 июня 1945 года заявил, что “никаких реальных расчётов на Власова и его армию не возлагалось”. То же самое подтвердил и начальник генерального штаба генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, заверивший следствие, что “верховное главнокомандование никогда не имело никаких серьёзных расчётов на использование власовских войск”.

В целом же, на наш взгляд, “власовская акция” стала для немцев вынужденным шагом — ответом на провозглашение Сталиным войны как Великой Отечественной и обращение руководства к историческим победам России под водительством Александра Невского, Суворова, Кутузова и др.

Забегая вперёд, заметим, что немецкая контрпропагандистская акция так и не смогла существенно изменить исход войны. Подтверждением тому является заявление одного из авторов “власовского” проекта, офицера СС Понтера Долфена, сделанное им на допросе в советских следственных органах в 1945 году: “Сталин ещё в 1941 году переиграл Гитлера, обратившись к национальным, патриотическим чувствам русского народа. После этого у нас не было ни малейших шансов выиграть эту войну”.

Тем не менее военные неудачи вермахта на Восточном фронте и

перспективы поражения вынудили германское командование использовать генерала Власова и формально подчиненные части РОА в своих пропагандистских акциях.

Впоследствии продолжатели “власовского движения” будут оправдываться, что многие документы, вышедшие от лица Власова и его соратников, были исключительно немецкими пропагандистскими, а имена лидеров РОА использованы для убедительности, причём часто без их согласия. Возможно. Тем не менее важен результат. А он трагичен — это загубленные или сломанные судьбы многих русских людей, которые поверили лично генералу Власову. Это тысячи жизней русских парней, ставших пушечным мясом, в боях на территории Франции, Бельгии, Германии и других европейских стран в составах “восточных батальонов”. Это мучительная ностальгия по родине, “съевшая” сотни наших соотечественников после войны»^{[128](#)}.

Одной из центральных фигур в Русском освободительном движении сами власовцы и их сторонники называют Мелетия Александровича Зыкова. В.К. Штрик-Штрикфельдт называет его из уже находившихся на Викториаштрассе «сотрудников» Отдела ОКВ/ВПр самой значительной личностью:

«Зыков уже давно был в немецком плену. Он называл себя сотрудником центральных советских газет. Разумеется, этого мы не могли проверить, как и его, якобы близких, отношений с Бухариным и другими крупными советскими руководителями, позже ликвидированными Сталиным. Зыков был человек подкупающего ума и исключительно обширных знаний. Хотя он и подчеркивал, что он никогда ранее не бывал в Западной Европе, что, без сомнения, соответствовало истине, он, однако, хорошо знал её. Он не предавался иллюзиям относительно Германии, ясно видел немецкую политику, амбиции национал-социалистической партии и её организаций, хаос в различных министерствах... колеблющиеся позиции Розенберга и, наконец, трудное положение ведущих офицеров ОКВ/ВПр, которые, как сказал Зыков, должны служить чистой истине, независимой от каких-либо идеологий и даже если это против любимых теорий Гитлера.

Характерной для Зыкова была его оценка положения, сделанная им, безо всяких прикрас, в разговоре с Власовым и со мной:

— Национал-социалисты свою войну проиграли, но это открывает большие возможности для антисталинской Европы. Эти возможности надо использовать, уважаемый Андрей Андреевич. (Когда мы вели эти разговоры осенью 1942 года, немецкие войска ещё успению продвигались на кавказском и сталинградском направлениях.) — И потом:

— Если немцы слишком узколобы для большой политики, придётся использовать до предела политику “малых шагов”.

Этой линии Зыков придерживался до своего исчезновения осенью 1944 года. Зыков не был максималистом, он не стремился, как большинство русских, получить сразу всё. Он делал первый шаг, а за ним второй.

Однажды Власов спросил меня — сумеем ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей? Я ответил, что за безопасность Зыкова поручился Гроте, которому подчинялся “штаб русских сотрудников”. Но когда будет сформировано наше собственное русское воинское соединение и начальником станет он, Власов, то нам с ним вместе придётся отстаивать

Зыкова.

На это Власов заметил, что он считает сотрудничество Зыкова крайне ценным, что ему нужны люди крупного формата:

— Зыков единственный такой из всех, встреченных здесь мною до сих пор; второго Зыкова мы так легко не найдём. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра — всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

Зыков, проведший четыре года в ссылке в Сибири, был страстным врагом Сталина, но не советской системы, как таковой. В этом он несколько отличался от Власова и многих других генералов из его позднейшего штаба сотрудников. Но никто из них не был лично обижен на советскую власть, которая дала им возможность стать тем, чем они были. И это их объединяло»^{129}.

Член НТС А.С. Казанцев в своих мемуарах также выделяет Зыкова, как наиболее яркого представителя и одного из замечательнейших людей из советского мира, с которыми ему приходилось встречаться:

«Ленинская гвардия, вожди без кавычек, организаторы и руководители Октябрьского переворота и гражданской войны, часто были людьми большой культуры, эрудиции и знаний. Это был цвет русского марксизма, дань, взятая с русского народа коммунистическим интернационалом. Одни были расстреляны потом Сталиным почти поголовно. Среди этих подлинных вождей большевизма нужно особенно выделить Бухарина, Рыкова, Бубнова и целый ряд других.

Зыков молодым комсомольцем, журналистом, попал в эту среду. На дочери Бубнова, наркома просвещения СССР, он был потом женат. До ежовской чистки он был одним из заместителей редактора правительственной газеты “Известия” и постоянным её сотрудником. Потом карьера кончилась чисто по-советски — арест, допросы, таскание по тюрьмам и ссылка. Как была его настоящая фамилия, узнать мне так не удалось, да я и не пытался, несмотря на очень близкие отношения, какие у нас потом сложились. В те времена это было не принято. Советское правительство за сдачу в плен привлекало к ответственности и семью виновного. Вполне понятно, что очень многие из них, попадая в плен и тем более выходя на волю, меняли имена и фамилии. Немцы не препятствовали этому и даже охотно шли навстречу. Мне иногда казалось, что и фамилия Зыков родилась в результате такой же перемены.

Познакомились мы при обстоятельствах не совсем обычных. Как-то летом 1942 года, придя на службу, я увидел в коридоре странное зрелище — в цинковой ванне, в которой заключённые стирали бельё, наполненной доверху водой, сидит незнакомый мне человек с намыленной головой и

немилосердно трёт себя щёткой. Одевшись в очень потрёпанную и замазанную красноармейскую форму со стоптанными развалившимися сапогами, он представился Мелетием Зыковым.

Появился он у нас при обстоятельствах несколько таинственных. Его привезли с передовой линии фронта откуда-то из-под Ростова, на самолёте. Перешёл он к немцам добровольно и назвал себя комиссаром батальона. Потом, гораздо позднее, рассказывал мне, что был на самом деле комиссаром дивизии и чуть ли даже не корпуса. Я не уверен, что и это было точно, но во всяком случае во всём знакомом мне подсоветском мире, оказавшемся с этой стороны, я не встречал человека такого масштаба, таких способностей, каким был он. Общее убеждение было, не знаю, насколько оно верно, что он был евреем. Может быть, это, в конце концов, послужило причиной его гибели.

На следующий день после приезда он решил написать брошюру о советской экономике, что и было им сделано в течение нескольких дней. Написана она была так, как мог написать только очень крупный специалист по этим вопросам. Прогнозы его потом не оправдались (брошюра называлась «Неминуемый крах советской экономики») только потому, что он не смог предвидеть размеров американской помощи Советскому Союзу. Я часто заходил к нему во время работы, он писал её до последней буквы без единой строчки пособий, без справочника. От первого до последнего слова по памяти.

Брошюра была закончена в несколько дней. Написана она была блестяще. О сложной технологии производства цветных металлов, о возможностях десятков, незнакомых многим и советским гражданам даже по имени, фабрик и заводов Зыков писал как крупный специалист. О распределении сырья, о способах его переработки писал как геолог. О работе транспорта, об использовании каналов и железных дорог — как путеец. Специалисты по всем этим вопросам могли соглашаться или не соглашаться с его выводами, но что работа была написана с большим знанием дела — признавали все.

Как журналист он поразил меня ещё больше. Ничего подобного я не видел в жизни.

Отделение пропаганды для той стороны выпускало нерегулярно выходящую газету, носившую название “Боевой путь”. Она была закамуфлирована под одну из советских фронтовых газет. Я однажды присутствовал при том, как Зыков продиктовал стенографистке весь номер с начала до конца, от первой до последней строчки. Там была передовая, какой-то очерк, фельетон, сообщение с фронта и телеграммы из-за

границы, отдел развлечений с какими-то головоломками для солдат, заканчивающийся чуть ли не шахматной задачей. Всё это он продиктовал, не поднимаясь из-за стола, как будто прочёл по книге. Работа продолжалась около трёх часов»^{130}

Бывший инженер и сын владельца большого коммерческого предприятия Риги Сергей Фрёлих работал у Власова связным офицером между штабом СА и штабом РОА. Он также оставил воспоминания о Зыкове, в которых немного «прочитал» этого человека:

«Самой значительной фигурой в штабе был, без сомнения, Мелетий Александрович Зыков, вызывающий интерес персонаж, чей подлинный идентитет до сих пор остался невыясненным. О своём прошлом Зыков рассказывал многое и каждый раз разное. Когда он напивался, хвастал своими подвигами, в которых принимал участие с саблей в руке на диком скакуне в рядах знаменитой кавалерийской армии Буденного. Это, конечно, было выдумкой, потому что Зыков, вне всякого сомнения, был сугубо штатским. В этом можно было убедиться, видя, как военная форма висела на нём, как мешок из-под картофеля. Зыков должно быть был высоким партийным функционером, предположительно или заместителем главного редактора “Правды”, или даже редактором этой газеты. Главным редактором в то время был Бухарин. Во время сталинских чисток, при которых Бухарин стал жертвой, Зыкова сослали в Сибирь, но через три года, в 1940 году, о нём вспомнили, вернули его обратно, восстановили в партии и послали как комиссара на фронт.

Зыков принадлежал к первым сотрудникам Власова ещё на Викторияштрассе 10. Он уже в апреле 1942 года попал в плен к немцам и был привезён в Берлин в специальный маленький лагерь за несколько месяцев до Власова. В этот лагерь собирали военнопленных и перебежчиков, которые поступали в распоряжение немцев для борьбы против сталинского режима. Зыков отнюдь не скрывал, что он — убежденный марксист, может быть с более скромной идеологией, как например меньшевистской. Злоупотребление догмой марксизма при Сталине его разочаровало. Вскоре по прибытии в специальный лагерь Зыков разработал план мобилизации русского народа на борьбу со сталинским режимом, который во многом совпадал с соображениями немецких офицеров Отделения WPr.IV.

Зыков предложил также поручить руководство этим антисоветским движением какому-нибудь популярному генералу Красной армии. Постепенно Зыков превратился в одного из самых значительных идеологов власовского штаба. Он стал редактором двух издаваемых Отделом восточной пропаганды газет — “Добровольца” и “Зари”. Первая была

предназначена для отрядов добровольцев и “хиви” и вначале имела тираж в 20 000 экземпляров, а с осени 1944 года — уже в 60 000. “Заря” выходила тиражом в 100 000 номеров и предназначалась для остарбайтеров и военнопленных. Немецким коллегой Зыкова по редакции был журналист зондерфюрер Вернер Борман. Он был прибалтом и хорошо говорил по-русски. Обе газеты выходили два раза в неделю. (...)

Для Гестапо Зыков представлял скрытую угрозу особенно потому, что он был еврей, что в конце концов вышло наружу, хотя все, кто об этом знал, упорно молчали. Он чувствовал симпатию к западным союзникам. Эти чувства, которые, однако, он скрывал, просачивались то к одному, то к другому из руководящих деятелей Власовского движения. И его немецкие собеседники были неприятно поражены его духовным превосходством.

На основании моего личного опыта, скажу, что Зыков был в состоянии и отступать. В присутствии Штрикфельдта однажды я поспорил с ним относительно принципа прибавочной стоимости. Тема эта рассматривается в “Капитале” Карла Маркса на примере одной фарфоровой фабрики. Под прибавочной стоимостью Маркс понимал разницу между себестоимостью и продажной ценой. Я задал Зыкову вопрос: “Как вы объясните факт, когда две одинаковых фабрики с одинаковой программой производства, одинаковым расходом сырья и одним и тем же рабочим персоналом целиком отличаются, одна преуспевает и добывается прибыли, другая же приходит к банкротству?” Зыков задумался и признался, что не знает ответа.

Штрикфельдт при такого рода разговорах обыкновенно оставался молчаливым свидетелем. Очевидно, он сам делал выводы, но никогда о них не говорил.

Летом 1944 года Зыков был похищен и, по всей вероятности, убит. Он жил тогда вместе со своей женой, русской эмигранткой, с которой повенчался в Берлине, и со своим адъютантом Ножиным в маленьком пригороде Берлина Рангсдорфе.

Я знал, что Гестапо насильно завербовало его жену в агенты с тем, чтобы она постоянно давала информацию о своем муже. Похищение и необъяснимое исчезновение его довело её почти до безумия, так как она не могла никак оправдать возможную свою вину.

За два дня до командировки Зыков сидел у себя дома за столом со своей женой и адъютантом. Из ближайшего трактира прибежала хозяйка, сообщив, что его вызывают к телефону. (Поскольку у Зыкова в квартире не было телефона, его вызывали по телефону трактира.) Зыков с адъютантом и хозяйкой вышел из дома. На углу улицы их задержал человек в длинном

кожаном пальто, в то время это было обычной одеждой чинов Гестапо. О дальнейшем хозяйка рассказала следующее. Человек этот завязал с Зыковым разговор, который становился всё резче. Постепенно они втроем подошли к автомобилю, который стоял у опушки леса и в который Зыков, протестуя, сел. По словам хозяйки, этот человек ещё и раньше расспрашивал о Зыкове в её трактире.

После этого никто больше не видел Зыкова и его адъютанта. Согласно немецкой официальной версии, советские партизаны прикончили Зыкова. Однако, скорее всего, вину за это убийство следует возложить на самих немцев, что позже и подтвердилось сведениями из многих источников. По всей вероятности, Зыков был убит одним из командо убийц Гестапо. Когда Власовское движение летом 1944 года перешло в ведение СС, мне пришлось общаться со многими эсэсовцами, и из отрывков разговоров я мог заключить, что такие специальные командо или командо убийц действительно существовали. (...)

Зыков должен был принять участие в пропагандном задании, которое находилось под руководством полковника войск СС, штандартенфюрера Гюнтера д'Алксна, и было известно под термином “Скорпион Восток”. Неудачи на Восточном фронте заставили высшее командование немцев проявить большую пропагандную активность, особенно по тылам противника. Было принято решение создать в передовых линиях на южном участке Восточного фронта своего рода немецко-русский пропагандный клин и поручить ему выполнение специальных заданий. При этом опять-таки вспомнили про Власова, чтобы использовать его имя в пропаганде.

Д'Алкен обратился к Власову с просьбой предоставить в его распоряжение лучших русских пропагандистов из Дабендорфа, причём он в первую очередь думал о Зыкове, которого считал самым способным журналистом в штабе Власова. Сразу же при первом собрании, подлежащем созданию штаба под руководством д'Алкена, в котором принимали участие немецкие офицеры СС, генерал Жиленков и Зыков, последний твёрдо заявил, что он — русский националист. Он также не скрывал своего отрицательного мнения о применяемых до того времени методах немецкой пропаганды, касающихся русской проблемы. В случае своего сотрудничества он требовал для себя полной независимости в своих действиях. Д'Алкен обещал ему полную поддержку и свободу в его работе.

Ряд немецких групп, однако, возражали против сотрудничества с Зыковым, опасаясь этого защитника русской национальной идеи. Многие считали его большевиком. И среди русских проявлялось недоверие к Зыкову, некоторые даже подозревали, что он большевистский агент. Кроме

того, его не любили из-за его резкого характера и грубого обращения с подчиненными».

Так кем же на самом деле был Мелетий Зыков или самая значительная фигура в штабе Власова?

Ответ на этот вопрос даст в своем расследовании Игорь Петров. Вот что он пишет:

«Многие современные авторы отождествляют Зыкова с Цезарем Вольпе. Вводится это примерно так:

“По сей день в точности неизвестно, кем был Зыков в действительности. После краха СССР появилась возможность кое в чем разобраться. А началось вот с чего. А. Неймирок, чьи воспоминания приводит Л. Артемов, сообщает, что как-то Зыков ему сообщил, что является одним из составителей книги “Поэты — современники Пушкина”, в частности он же — автор статьи о Венееинове. Одним из составителей этой книги и автором упомянутой статьи был Цезарь Вольпе, известный до войны литературовед. Б.И. Николаевский сообщил, что до революции в Питере жил известный меньшевик Вольпе. Цезарь Вольпе весьма напоминал его. В “Краткой литературной энциклопедии” сообщается, что Цезарь Самойлович Вольпе умер в 1941 году. В 70-е годы, сообщает Артемов, в “Посеве” вместе с ним работал некто В.Н. Чернявский, из “третьей волны” эмиграции. Как-то увидев портрет Зыкова, он сказал, что это Вольпе, которого он помнил по литературным вечерам в свое школьное время. (Вилен Люленчик. Тайна Мелетия Зыкова)».

Рассказ кочует из книги в книгу, между тем, как минимум, история с прозрением В.Н. Чернявского представляется сомнительной. Дело в том, что версия Вольпе была высказана вовсе не в 70-х, а самое позднее в 1950-м, когда в журнале “Посев” № 34 А. Николин опубликовал заметку “Кто был Зыков?” Если добавить, что Николин — это псевдоним Неймирока, то история закольцовывается, не оставляя в ней место для Чернявского.

В ноябре 1950-го в журнале “Часовой» № 310 Неймироку ответил А. Несин:

“По поводу гипотезы Николина, что “Зыков был довольно известным в СССР литературоведом — Цезарем Вольпе” можно сказать лишь одно, что Николин жестоко ошибается. Те, кто знал и Вольпе и Зыкова, ехидно посмеялись над этой гипотезой. Прежде всего Цезарь Вольпе был старше Зыкова на добрых 10 — 15 лет. Вольпе проживал в Ленинграде и сотрудничал в журналах “Звезда», “Литературный Современник” и долгое время был постоянным редактором по отделу критики в литературном отделе Государственного Издательства.

Зыков был экспансивным, энергичным человеком. Цезарь же Вольпе был флегматиком, нерешительным, застенчивым и к тому же мало разговорчивым. С 1939 г. он исчез с литературного горизонта”...

Каноническим считается рассказ одного из главных летописцев и архивариусов власовского движения В. Позднякова (“Мелетий Александрович Зыков”, Новый Журнал, № 103, 1971 г.):

“В самых последних числах июля 1942 г. я вместе с двумя своими солагерниками прибыл в Берлин... По распоряжению комендатуры Шталага 3Д мы были направлены в специальное отделение этого лагеря, размещавшегося в самом Берлине на улице Шлифенуфер, д. 7...

В конце августа или в самом начале сентября в наш лагерь прибыл Зыков... Прежде всего следует отметить, что военнопленный носил знаки различия “батальонного комиссара” и красная звезда политработника не была спорота. Обмундирование выглядело непоношенным и даже не помятым. Офицерские хромовые сапоги были начищены. Военнопленный был побрит и не был истощён, следовательно, в плену находился недолго. Никаких вещей у него не было, даже шинели. На вид ему можно было дать не более 35 лет...

Твёрдая походка, но без особой военной выправки, показывала, что З. не был кадровым командиром...

Батальонный комиссар представился нам как Мелетий Александрович Зыков. Он сказал, что только несколько дней тому назад попал в плен на Ростовском направлении и прибыл сегодня в Берлин на самолёте. Ни в каких лагерях военнопленных он не был. Привезли его в Берлин по распоряжению Геббельса и завтра он должен быть у него. Зачем его вызвал Геббельс — он не знает.

О своём прошлом З. тогда рассказал очень немного. Упомянул, что работал в редакции газеты “Известия”, в 1937 г. был арестован и сослан. В 1941 г. реабилитирован, восстановлен в партии, аттестован на звание “батальонного комиссара” и назначен заместителем военного комиссара стрелковой дивизии, в качестве какового и попал в плен...

На другой день майор А. рассказал мне про уход З. Рано утром, когда мы ещё спали, пришёл немецкий фельдфебель и, подойдя к койке З., начал его будить. Тот спросонок вскочил и на своём ломаном немецком языке стал объяснять фельдфебелю, что он не пленный, а перебежчик и имеет соответствующий “аусвайс”. Через минуту, придя в себя, З. оделся и спокойно прошёл через комнату майора А. вслед за фельдфебелем. Больше мы З.... не видели”.

Поздняков рьяно держится за “батальонного комиссара”. Когда М.

Китаев в мемуарах указывает, что Зыков попал в армию в качестве старшего политрука. С этими знаками различия его видели многие русские офицеры в интернациональном лагере на Шлиффенуфер, где он провёл один или два дня.

Поздняков, издававший мемуары уже покойного к тому времени Китаева, поправляет в комментариях:

“В лагере на Шлиффенуфер М. Зыков носил знаки различия батальонного комиссара, а не старшего политрука”».

Сегодня, однако, мне на глаза попалась “Объяснительная записка о пребывании в плену немецко-фашистской армии батальонного комиссара Чугунова Якова Абрамовича” от 29.07.1943. Попавший в плен со Второй ударной армией Чугунов летом 1943-го перебежал к партизанам.

В записке, между прочим, говорится вот что:

“16.7. я был доставлен в Берлин в гестапо. При обыске в комендатуре у меня обнаружили орденскую книжку, за что после избиения посадили в одиночную камеру. Через месяц в мою камеру привели ст. политрука Зыкова Милетия Александровича, который, по его словам, якобы сдался в плен сам. Зыков рассказал мне своё прошлое, что он как будто шурин Бубнова и в одно время работал зам. редактора газеты “Известия”, а затем якобы 5 лет находился в ссылке как оппозиционер. Последнее время он будто бы работал директором одной из текстильных фабрик и в марте 1942 г. был призван на фронт... Этот Зыков стал предлагать мне работать в газете для военнопленных, которую, по его словам, ему должны были на днях поручить редактировать.

Когда я отказался сотрудничать в газете и изменять своей родине, Зыков пытался запугать меня будущим, стремился доказать, что он мне делает услугу и т.д. Через два дня я снова остался один”.

Оставим за скобками содержание разговора... но обратим внимание на дату. Середина августа — это никак не начало сентября, о котором рассказывает Поздняков. А ведь в его версии Зыков только прилетел в Берлин. Мог Чугунов напутать с датой, сознательно или случайно? Теоретически да.

Но о лете говорит и А. Казанцев в “Третьей силе”...

Вспомним и уже известного нам М. Китаева:

“Впервые я встретил [Зыкова] в редакции московских “Известий”, тогда он был одним из заместителей Бухарина. Он происходил из семьи интеллигентов, социал-демократов по убеждениям, его отец любил политические дебаты и в целом придерживался либеральных взглядов. Зыков получил образование в духе “легального марксизма”. Истории о его

приключениях во время гражданской войны, которые он любил рассказывать, выпив, казались мне сомнительными. Потом он стал журналистом и преподавал в институте Герцена. Потом он был редактором в Ташкенте, молодой смелый парень, разделявший взгляды “правой оппозиции”. Его отправили в Магадан. Когда он вернулся, разразилась война, и он попал на фронт младшим политруком. когда его взяли в плен, он написал то самое знаменитое письмо Геббельсу и через несколько дней был вызван в Берлин. Удивительно, что в отличие от множества писем его письмо произвело немедленный эффект.

На Шлиффенуфер, 7 в Берлине располагался спецлагерь для военнопленных всех национальностей, представлявших интерес для ОКВ. Именно там я встретил Зыкова в июле или августе 1942 г. ^{131}

Итак, вырисовывается вот такая картина. В июле, августе, сентябре 1942-го в различных камерах лагеря Шлиффенуфер то в форме старшего политрука, то в форме батальонного комиссара появлялся человек, называвший себя М.А. Зыковым и рассказывавший одну и ту же легенду об “Известиях”, ссылке и пр. После одного-двухдневного зондажа этот человек из камеры исчезал. И это не совсем та история, которую рассказал нам Поздняков». ^{132}

Из других источников выясняется, что в начале 30-х годов Зыков работал корреспондентом в газетах «Коммуна», выполнял функции корреспондента в газете «Социалистическое земледелие» по Центрально-Чернозёмному округу ^{133}.

Из интервью Ойгена Дюрксена для книги Ю. Торвальда, ок. 1950 г.:

«Зыков — маленький, плотный, но не толстый, ярко выраженная еврейско-арабская голова, толстые губы, низкий лоб, очень живые подвижные глаза. Произносил каждое слово обдуманно и не спускал взора с собеседника. Беседы с Зыковым были напряжёнными.

Он попал в плен где-то на южном участке восточного фронта в звании дивизионного комиссара. “В/Пр” [отдел “Вермахт/Пропаганда”] получил сообщение об этом пленном (предположительно через отдел “Иностранные армии Востока” или напрямую от группы армии) с подробной характеристикой и работой Зыкова об оборонно-экономическом положении Советского Союза» ^{134}.

Около года (с марта 1935 г. по март 1936 г.) Зыков работал ответственным секретарём газеты «Ханты-Манчи Шоп». Параллельно он был корреспондентом «Омской правды» в Остряко-Вогульском (ныне Ханты-Мансийском) округе. Опубликовал десятки статей, фельетонов,

экономических обзоров и заметок^{135}.

Из статьи Эллы Максимовой («Известия») о М.Л. Зыкове:

«Старший научный сотрудник Публичной библиотеки Нина Антоновна Зубкова, узнав о цели моих разысканий, вдруг невзначай заметила: в каталоге, который она проверила, стоит карточка с фамилией Зыков. Да-да, именно Мелетий Александрович.

Как это? Значит, Зыков — реальное лицо?

Назавтра я держала в руках сочинённые им в 1930 — 1931 годах, напечатанные издательством воронежской газеты “Коммуна” жиденькие брошюрки на сельскохозяйственные темы “Хохол — село колхозное”, “Возглавить новый подъём колхозного движения”. Что стиль, что содержание — не оторваться. “Отлив из колхозов происходил не в результате неправильной линии партии, а вследствие прямого извращения партийных директив. А кулак в это время прямо провоцировал перегибы”. Ну не соединяется этот убогий Зыков с тем — публицистом, аналитиком. На каком поле брани, в каком лагере подобрал один имя другого, по всей видимости погибшего.

И тут в Подольске в архиве Министерства обороны обнаруживается карточка на М.А. Зыкова. Родился в 1901 году в Днепропетровске, призван в Красную Армию из Москвы, жена Н.Д. Малькова проживает на улице Карла Маркса, дом 22, квартира 158 [правильно: 58 — О.С.]. В 1942-м он пропал без вести.

Дальше обвальню стали собираться и неожиданным образом совпадать подробности, которые из чужих документов едва ли почерпнёшь. Дочь Бубнова после ареста отца укрывалась на улице Карла Маркса. Дом номер 22 в 30-е годы выстроила для своих сотрудников Библиотека имени Ленина, там работала жена Бубнова, а в 60-е годы некая молодая женщина с той же фамилией Малькова. И наконец, последнее сообщение нашего корреспондента Е. Бовкуна: жену Зыкова звали Наташа. В старой домовой книге значится Наталья Давыдовна Малькова, художник-шелкограф, скончавшаяся — ирония судьбы — 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина.

Всё говорит за то, что Мелетий Зыков и был настоящим Мелетием Зыковым, скрывавшимся под своим же именем (мы нашли продукцию Зыкова и в “Известиях”)^{136}.

По данным архива Министерства обороны РФ значит:

«Зыков Милетий Александрович. 1901 года рождения. Днепропетровск. Призван 27 марта 1942 года Фрунзенским РВК г. Москва.

Рядовой 535 гвардейского полка, 3-й батальон, 7-я рота. Пропал без вести в октябре 1942 г.»[\[137\]](#).

Как известно, данный полк, где служил рядовой Зыков, входил в состав 2-й гвардейской Таманской Краснознамённой стрелковой дивизии. В январе 1942 г. дивизию после пополнения перебросили в район Ростова-на-Дону, и до декабря 1942 г. она участвовала в оборонительных операциях в ходе битвы за Кавказ[\[138\]](#).

Теперь, я думаю, несложно составить портрет человека, чья лепта в идеологию Русского освободительного движения была колоссальной.

Приступая к созданию так называемого «своего штаба», Власов вместе со Штрик-Штрикфельдтом посетили ряд лагерей военнопленных в ближайших окрестностях Берлина.

Вильфрид Карлович вспоминал:

«При наших посещениях лагерей военнопленных мы видели, что настроение было подавленное. Советские генералы в большинстве своем становились просоветскими, вернее, стали думать в отчётливо национально-русских категориях. Во всяком случае, враждебность к немцам росла. Разочарованы и озлоблены были и те офицеры, которые, попав в плен, ещё год назад были готовы бороться против коммунистической диктатуры на стороне немцев...

Власов ездил из лагеря в лагерь и спрашивал, спрашивал. Лишь немногие генералы сами узнавали Власова. Остальным он скромно называл своё имя. Свои разговоры с пленными товарищами он обычно начинал со слов о долге помочь, по добровольному решению, страдающим соотечественникам. При этом он подчёркивал, что это служение народу становится тем более высшим долгом бывших советских штаб-офицеров, что национал-социалисты следят за всем с недоверием и стараются подавить каждое проявление этого осознанного долга. В такой тяжёлой обстановке надо помогать друг другу и быть примером. Это были простые и в то же время необычные слова, и они производили впечатление».

В берлинском лагере, так называемом «штабе Власова», при отделе пропаганды состоялось знакомство Власова с генералом Малышкиным, который пошёл на сотрудничество якобы после заверений Власова, что он не получает от немцев никаких субсидий:

— Я — русский, один, из миллионов пленных. Я не изменник, что бы Сталин ни говорил о военнопленных. Я люблю свой народ и хочу ему служить. Я могу это делать, только выступая за свободу и благополучие каждого. Пока что я больше ничего не могу. Я могу достичь каких-то успехов в борьбе за улучшение положения в лагерях военнопленных, если я твёрдо встану на защиту свободы и человеческого достоинства русского человека. Я не немецкий наёмник! Многие немецкие офицеры искренне хотят помочь русским людям. Они предложили мне поддержку. Я решился сотрудничать с ними. Будущее покажет, что надо делать дальше.

Итак, Малышкин Василий Фёдорович, родился в 1896 г., русский, из

служащих. С 1908 по 1916 г. учился в гимназии. В 1916 г. — рядовой запасного пехотного полка. В 1917 г. учился в Чугуевском военном училище. Прапорщик. Участник Гражданской войны. В 1918 г. дважды ранен. Награждён орденами Красного Знамени и «Знак почёта». Член ВКП(б) с 1919 г. В РККА — с апреля 1918 г.

Командир роты, батальона и помощник командира полка. До 1924 г. командир ряда стрелковых полков. Учился в Военной академии РККА, по окончании которой был назначен начальником штаба дивизии в Могилёве. В октябре 1930 г. — начальник штаба курсов усовершенствования комсостава «Выстрел».

С ноября 1931 г. — начальник сектора управлений военно-учебных заведений. С декабря 1933 г. — начальник пехотной школы в Киеве. В мае 1935 г. назначен военным комиссаром и командиром 99-й стрелковой дивизии.

С декабря 1936 г. — заместитель начальника штаба ЗабВО. С августа 1937 г. — начальник штаба 57-го особого корпуса в Улан-Удэ.

9 августа 1938 г. арестован как «враг народа». На следствии признал себя виновным, но на заседании суда от своих показаний отказался. Реабилитирован в декабре 1939 г. и назначен старшим преподавателем в Академию Генерального штаба. С 12 июля 1941 г. комбриг Малышкин — начальник штаба 19-й армии Западного фронта. В октябре ему было присвоено звание «генерал-майор». 24 октября в окружении под Вязьмой, во время ночевки у костра, взят в плен. В этот момент был одет в гражданскую одежду и представился рядовым. В лагере военнопленных под Вязьмой он был опознан и выдан одним из сотрудников штаба.

Находился в лагерях под Смоленском, в Фюрстенберге на Одере. В плену голодал, перенёс дизентерию и тиф, испытал на себе жестокое обращение немцев.

Работать с Власовым согласился и генерал Благовещенский.

Благовещенский Иван Алексеевич родился в 1893 г., русский, из семьи священника. В 1914 г. окончил Виленское пехотное училище. Участвовал в Первой мировой — штабс-капитан. Участник Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1921 г. В РККА — с 1918 г.

В 1924 — 1926 гг. помощник начальника курса Военно-морского училища им. Фрунзе. С 1926 г. — начальник курса. С 1929 г. — начальник строевого отдела Военно-морского училища им. Дзержинского. С 1931 г. — преподаватель Военно-морского училища связи. В мае 1934 г. окончил вечернее отделение Военной академии им. Фрунзе. 2 декабря 1935 г. присвоено звание «майор». С 1936 г. — начальник штаба Южно-

Кавказского УРа Черноморского флота, с 1938 г — начальник курсов усовершенствования командного состава запаса Черноморского флота. 4 марта 1938 г. присвоено звание «полковник». 10 июня 1939 г. награждён орденом Красного Знамени, а 3 ноября присвоено воинское звание — «комбриг».

С 1939 по 1940 г. — начальник учебно-строевого отдела штаба учебного отряда подводного плавания в Ленинградском ВМУ им. Кирова. В 1940 — 1941 гг. — начальник курсов подготовки начсостава. В апреле 1941 г. назначен начальником училища ПВО ВМФ в Либаве. 21 мая присвоено воинское звание «генерал-майор береговой службы». В конце июня — начальник обороны северо-восточного участка блокированной Либавы.

6 июля при попытке выйти из окружения взят в плен. Доставлен в Шяуляй, а затем этапирован в Тильзитский лагерь военнопленных. С конца июля содержался в Офлаге XIII-D в Хаммельбурге. Пошёл на сотрудничество с немцами добровольно. Подписал обращение к германскому командованию о создании боевых частей из военнопленных. В ноябре 1941 г. вступил в «Русскую трудовую народную партию» и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

25 мая 1945 г. следователь спросил Власова:

— Стало быть, вы вступили на путь вооружённой борьбы против советской власти?

Власов: Да, по предложению Штрикфельдта я написал антисоветскую листовку, в которой указал, что война проиграна Россией из-за неумелого руководства со стороны Советского правительства, которое не способно руководить страной, и призывал русский народ свергнуть это правительство. В октябре 1942 г. немцы предложили мне выехать в Берлин.

Следователь: Для чего?

Власов: Для того, чтобы иметь возможность встретиться с находившимися в плену генералами Красной Армии и использовать их для антисоветской работы, о чём в своё время я просил Хильгера. В Берлине я был помещён в лагерь при отделе пропаганды вооружённых сил Германии. В этом же лагере находились генералы Малышкин и Благовещенский, а также бывший сотрудник редакции газеты «Известия» — Зыков.

Им я рассказал о своём намерении начать борьбу против большевиков. Создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооружённой борьбы с Советской властью.

Малышкин, Благовещенский и Зыков поддержали меня и высказали свою готовность принять участие в борьбе против Советской власти, причём Зыков заявил, что он уже ведёт антисоветскую работу, сотрудничая в издаваемой немцами для советских военнопленных газете “Заря”...»

В декабре 1942 г. капитан Штрик-Штрикфельд организовал встречу Власова в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделеным — бывшим командующим 12-й армией. На предложение Власова принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии Понеделин наотрез отказался. Он заявил, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом же деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды.

Следующая встреча была с генерал-майором Снеговым — бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса. Он также отказался, но по другим мотивам. Снегов боялся за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

Была и ещё одна встреча. Штрик-Штрикфельд отвёз Власова в один из лагерей под Берлином, где Власов встретился с генерал-лейтенантом Лукиным — бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

Власов рассказывал следователю: «В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к Советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и моё предложение не принял». [{139}](#)

После «Смоленского воззвания», а точнее, очередной и самой обыкновенной пропагандистской немецкой листовки (тираж несколько миллионов экземпляров), Власов посетил Дабендорф, где были открыты курсы по подготовке пропагандистов для работы среди военнопленных.

Русским руководителем учебной части Власов назначил сперва генерала Благовещенского, но вскоре заменил его более энергичным Трухиным.

Иван Алексеевич Трухин родился в 1896 г., в Костроме, из дворян, русский. В 1906 г. закончил начальную школу, в 1914 г. — 2-ю Костромскую гимназию, в 1916 г. — первые два курса юридического факультета МГУ и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Беспартийный. В РККА — с 1918 г. Участник Гражданской войны: командир отделения, командир роты. С июля 1920 г. — командир батальона, а в октябре назначен командиром стрелкового полка. С января 1921 г. снова командир батальона, затем в отпуске по болезни. С августа 1921 г. — командир роты на

Костромских пехотных курсах. В сентябре 1922 г. зачислен слушателем в Военную академию РККА. В 1924 г. награждён орденом Красного Знамени. По окончании академии в августе 1925 г. назначен начальником штаба и исполняющим должность командира 133-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии УВО. С сентября 1926 г. — начальник штаба 7-й стрелковой дивизии. В январе 1931 г. назначен начальником штаба 12-го стрелкового корпуса ПриВО. С февраля 1932 г. преподаватель в Военной академии им. Фрунзе, а с апреля 1934 г. — начальник кафедры методики боевой подготовки. В 1935 г. — полковник. В октябре 1936 г. — слушатель Академии Генштаба. В октябре 1937 г. — старший руководитель курса, с ноября 1939 г. — старший преподаватель кафедры оперативного искусства. В 1940 г. ему присвоено воинское звание «генерал-майор». С августа — заместитель начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА.

28 января 1941 г. — начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба ПриБВО, с 28 июня — заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта. 27 июня ранен и захвачен в плен. 30 июня доставлен в сборный лагерь в Шталуленен, а затем в Офлаг XIII-D в Хаммельбург. В октябре дал письменное согласие на борьбу с советской властью, вступил в РТНП...

Вместе с Трухиным в Дабендорф прибыли и представители Национально-трудового союза (НТС). Началась совместная работа эмигрантов с бывшими советскими гражданами^{140}.

После получения согласия от фельдмаршала фон Клюге Власова стали готовить к поездке на средний участок фронта. Инициатором этой акции стало Восточное министерство. Удивительно, но только теперь, после воззвания (листовки) «Русского комитета» и поражения Германии под Сталинградом, особенно резко встал вопрос об укреплении фронта и обеспечении безопасности тыла. Для сопровождения Власова выделили офицера штаба генерала фон Шенкендорфа, подполковника Шубута и капитана Петерсона.

Итак, Белосток — Минск — Смоленск. Подготовку поездки взял на себя отдел пропаганды штаба группы армий «Центр», возглавляемый майором Костом. Майор даже добился разрешения в штабе группы, чтобы Власову была предоставлена радиостанция в Бобруйске для обращения к населению. Но ОКВ запретило это радиообращение. Тем не менее руководитель радиостанции объявил, что в данный момент в радиостудии находится почетный гость: «Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобождённым областям и передаёт свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам...»

А вот как об этой поездке рассказывал следователю сам Власов:

«Я в сопровождении представителя отдела пропаганды германской армии подполковника Шубута и капитана Петерсона выехал в Смоленск, где ознакомился с деятельностью созданных немцами из советских военнопленных батальонов пропаганды и добровольческого отряда.

Там же, в Смоленске, по инициативе городского самоуправления мне была устроена встреча с представителями местной интеллигенции. Я выступил с сообщением о создании «Русского комитета» и переговорах, которые ведутся с немецким командованием, о формировании русских вооружённых сил для борьбы против советской власти».

Была и вторая поездка на Северный фронт:

«В том же, 1943 г., я посетил Псков, где осмотрел батальон добровольческих войск и был на приёме у командования германскими войсками, действовавшими под Ленинградом, генерал-фельдмаршала Буша, который попросил меня рассказать на собрании германских офицеров о целях и задачах «Русского комитета». Выступая на этом собрании, я заявил, что «Русский комитет» ведёт активную борьбу против советской власти и что немцы без помощи русских уничтожить большевизм не смогут. Моё выступление явно не понравилось генерал-фельдмаршалу Бушу.

Возвращаясь в Берлин, я остановился в Риге и выступил с антисоветским докладом перед русской интеллигенцией города, а также имел беседу с проживавшим в Риге митрополитом Сергием.

Встреча с митрополитом Сергием мне была организована немецким офицером, который ведал пропагандой в Риге, с целью установления контакта с русской православной церковью и использования духовенства для совместной борьбы с Советской властью...»

Во вторую поездку Власов поехал по приглашению фельдмаршала фон Кюхлера и генерала Линдемманна. Она состоялась с середины апреля до начала мая 1943 г.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, эта поездка был полным личным триумфом Власова, но в то же время она нанесла их движению страшный удар...

Однажды после выступления Власова в театре Смоленска к нему подошёл заместитель германского начальника Смоленского района Никитин и начал спрашивать: правда ли, что немцы собираются делать из России колонию, а из русского народа рабочий скот? Правы ли те, кто говорит, что лучше жить в плохом большевистском СССР, чем под немецким кнутом? Почему до сих пор никто не сказал, что будет с нашей

родиной после войны? Почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях?

Что мог ответить ему Власов, если он и сам не все понимал. После нескольких секунд раздумий следовали общие слова, общие фразы: «Уже одно моё выступление в этом театре доказывает, что немцы начинают понимать настроения и проблемы русских. Недоверие привело ко многим и тяжёлым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются немцами... Свергнуть большевизм, к сожалению, можно только с помощью немцев. Принять эту помощь — не измена... Чтобы добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, мне нужны доверие и помощь народа».

Власов лгал не только людям, но и самому себе, отвечая на конкретные вопросы, в общем. Так, его спросили: «Господин генерал, почему после воззвания Смоленского комитета ничего не слышно об этом комитете и о вас лично?»

— Россия велика. Словечко «Смоленский» на листовке вы не должны принимать буквально. Но вы же знаете, как было под Сталиным. А обо мне вы скоро будете слышать больше и чаще. Ведь мы только начинаем, — это всё, что мог сказать Власов.

Никакого триумфа у него и быть не могло. Это был триумф капитана Штрик-Штрикфельдта и его начальников, а также всей немецкой пропаганды ОКВ. Сделано было немало. А как благодарят собаку за её верную службу? Ей бросают кусок мяса.

Отблагодарили и Власова: из Дабендорфа, лежащего вне Берлина и находившегося на положении лагеря с установленным распорядком жизни, перевели в скромную виллу на Кибицвег в одном из районов Берлина — Далеме. Здесь он поселился вместе с двумя главными помощниками — Малышкиным и Жиленковым, под охраной русской команды^[141].

Жиленков Георгий Николаевич родился в 1900 г. в Воронеже. Русский. Из крестьян. Член ВКП(б) с 1929 г. С 1925 по 1929 г. работал подручным слесаря и слесарем. С августа 1929 г. на комсомольской работе. С февраля 1930 г. — заведующий производственным сектором Воронежского ОК ВЛКСМ. В 1931 г. закончил индустриально-технический техникум в Москве. С октября по февраль 1934 г. — ответственный секретарь партийного комитета техникума. С февраля по июнь 1938 г. — директор ФЗУ завода «Калибр», затем секретарь парткома этого завода. С января 1940 г. — 2-й секретарь Ростокинского РК ВКП(б) Москвы. 16 апреля 1939 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. В июне 1941 г. член Военного совета 32-й армии, бригадный комиссар. 14 октября взят в плен под Вязьмой. Скрыл должность, звание и фамилию. До мая 1942 г. служил

шофёром в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии вермахта под фамилией Максимов. 23 мая выдан лесником гжатского лесничества и арестован. На допросах дал правдивые показания и заявил желание бороться против советской власти. Переведён в Берлин в отдел пропаганды особого назначения, где находился до августа^[142].

После своего возвращения Власов со своими сподвижниками разработал план операции по захвату ещё не занятой германской армией полосы между бывшими царскими летними резиденциями Ораниенбаумом и Петергофом, а также по овладению Кронштадтом. Власов, по воспоминаниям Вильфрида Карловича, предлагал провести эту операцию сам с русскими добровольцами в составе двух дивизий. Его целью было удержать за собой Ораниенбаум и Кронштадт. Пока доклады об этом через генерала Гелена пошли наверх, готовилась пропагандистская акция под кодовым названием «Просвет». Задача этой акции заключалась в распространении по ту сторону Восточного фронта информации о том, что против советских войск стоят не только немцы, но и их борющиеся за свободную Россию бывшие боевые товарищи, и что при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной части, если они того захотят, или же они смогут мирно работать.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «Гелен возлагал большие надежды на эту операцию, при условии, что она будет проводиться в сотрудничестве с Власовым и в связи с освободительным движением. Санкции на это у него ещё не было. Но уже было дано согласие на то, чтобы придать каждой фронтовой дивизии вермахта специальные группы русских, состоящие из пяти офицеров и пятнадцати иных чинов. Эти русские группы должны были пройти в Дабендорфе краткосрочные курсы, чтобы к концу апреля было подготовлено полторы тысячи человек. Их должны были прислать на Дабендорфские курсы из существующих добровольческих частей при генерале восточных войск. Авторы проекта надеялись, что специальные группы в результате переходов красноармейцев вскоре вырастут до батальонов или даже до полков».

Но случилось так, что фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении Власову какой бы то ни было политической деятельности, вследствие его «наглых» высказываний во время поездки в группу армий «Север».

А.А. Власов: «После возвращения из поездки я имел в городе Астцене встречу с командующим добровольческими частями генерал-лейтенантом Хельмигом.

Хельмиг предложил мне остаться у него в штабе и помогать ему руководить сформированными русскими частями. Я отказался от этого предложения, заявив Хельмигу, что до тех пор, пока русские военнопленные будут находиться на службе в немецких частях, они воевать против большевиков как следует не будут. Я просил Хельмига всю работу по созданию русских частей передать мне, с тем чтобы сформировать из них несколько дивизий, подчинив их “Русскому комитету”.

Не договорившись с Хельмигом, я возвратился в Берлин и от Штрикфельдта узнал, что о моем выступлении у фельдмаршала Буша стало известно Гиммлеру.

Гиммлер на одном из узких совещаний высших начальников германской армии заявил, что отдел пропаганды вооружённых сил Германии возится с каким-то военнопленным генералом и позволяет ему выступать перед офицерским составом с такими заявлениями, которые подрывают уверенность у немцев в том, что они одни могут разбить Советский Союз.

Гиммлер предложил прекратить такую пропаганду и использовать только тех военнопленных, которые заявляют о своём согласии служить в немецкой армии.

После этого выступления Гиммлера я некоторый период не проявлял активности и до 1944 г. никуда из Берлина не выезжал...»

Следовательно, срывалась и акция «Просвет», так как она планировалась при участии Власова. Однако немцы провели её без него [{143}](#).

Главная же причина в снижении активности Власова заключалась, прежде всего, в твёрдом решении Гитлера относительно использования советского предателя, о чем говорит документ, подписанный начальником штаба Вооружённых сил Кейтелем (1 июля 1944 г.):

«1. Начальник отдела пропаганды вооружённых сил доложил мне в Берлине о совершенной им по моему приказанию фронтовой поездке (Восточный фронт).

Согласно его сообщению, власовская пропаганда и параллельно с этим развёртывание “освободительной армии” сведены к масштабам, предусмотренным фюрером, и направлены в желаемое фюрером русло.

2. Министр по делам Востока отклонил использование Власова. Фюрер согласился с доложенным мной предложением полковника фон Веделя об использовании его в целях пропаганды.

3. Сегодня я беседовал с фюрером по поводу обоих предложений, переданных полковником фон Веделем. Фюрер согласен с таким

раздроблением и связанной с этим отменой великорусской идеи Власова.

4. Начальник отдела пропаганды вооружённых сил мною проинформирован».

Так советского предателя генерал-лейтенанта Власова немецкие хозяева поставили на место, напомнив ему очевидную истину: инициатива наказуема! Ведь он действительно переборщил. Но пользоваться им продолжали.

Между этими двумя поездками «родилось письмо» Власова под заглавием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Этот новый заказ был не менее важен, чем «Обращение Русского комитета», опять-таки в целях агитации и пропаганды...

Известно, что Власов рассказывал, а Зыков записывал. Затем немцы отпечатали листовки, в которых русский генерал обращается к русским и при этом как бы раскрывает свою душу?^{[144](#)}

По мнению власовцев и их сторонников, «самым серьезным успехом в “тактике малых шагов”, как называл Штрикфельд мероприятия в поддержку Власовского движения, несомненно стало создание Дабендорфской школы РОА»^[145]. Примечательно, что эта школа, в сущности, являлась главной и единственной кузницей офицерских кадров РОА. Всего через Дабендорф в 1943 — 1945 гг. прошло от 4400 до 5000 курсантов^[146].

Как пишет А. Окроков, «предтечей учебных структур РОА следует считать лагерь Вустрау, организованный летом 1942 года. Фактически он не имел отношения к Русской освободительной армии и к военной части РОД, однако 10 выпускников этих курсов, включая генерала Трухина, составили основной преподавательский костяк курсов пропагандистов РОА в Дабендорфе. Многие пропагандисты РОА также пропит первоначальную подготовку в указанном лагере.

Основой русской части лагеря послужил контингент военнопленных, находящихся в лагере Цитенгорст, в 5 — 8 км от Вустрау. До начала войны этот лагерь служил пунктом для немецких рабочих групп, нёсших трудовую повинность. В первый год войны Цитенгорст стал своего рода фильтрационным лагерем для отбора советских военнопленных в целях их подготовки для работы на оккупированных немцами территориях. Инициатором данной акции выступило Министерство пропаганды. С образованием Министерства по делам оккупированных восточных территорий работа по “перевоспитанию советских военнопленных” была передана ему. (...) Участник отборочной комиссии В.Д. Поремский вспоминает о процедуре отбора так:

“Отбор состоял из нескольких категорий — от 0 до 5. Люди с интеллектуальным уровнем ниже 3 не представляли интереса. Отбирали в основном по оценкам от 3 до 4,5. Человека, получившего 5, талантливого и который способен был сделать многое, — тоже не брали. Это было опасно. Дельвиг характеризовал таких: “хитрый, умный и может быть агентом”. С такими людьми не рисковали, в списках их переводили на 0”»^[147].

«Основой постоянного состава курсов были преподаватели и выпускники курсов пропагандистов в лагере Вульхайде. Первая группа численностью 22 — 25 человек для обслуживания курсов была сформирована в лагере Вульхайде и 27 февраля 1943 года переведена в

Дабендорф. В её состав входили повара, уборщики, фельдшеры, парикмахеры, сапожники, портные и т.п. и 4 руководителя учебных групп Вульхайде, включая 2 офицеров — майора Г. Пшеничного и полковника Н.С. Бушманова. По прибытии в Дабендорф группа была официально освобождена из плена и 28 февраля приведена к присяге генералом Малышкиным. Руководителем курсов был назначен генерал Благовещенский...

1-й сбор в количестве 250 — 300 человек прибыл на курсы в конце февраля и приступил к занятиям 1 марта 1943 года. Контингент слушателей в основном (около 70%) составили офицеры, унтер-офицеры и солдаты “восточных” частей, охранных и полицейских отрядов, находившихся на Восточном фронте.

В основу теоретического курса была положена программа апробирования в Вульхайде с дополнением тем по Русскому освободительному движению: задачи Русского освободительного движения, задачи пропагандистов РОА в частях и лагерях военнопленных; задачи печати РОД.

В программу обучения, кроме теоретической части и экскурсий по Берлину, входили строевые занятия — 6 часов в неделю и занятия по физподготовке — 3 часа в неделю.

Первый сбор, по сведениям майора Пшеничного, продолжался 3 недели и был официально закрыт 22 марта 1943 года. По выводам Пшеничного, “он не дал ощутимых результатов: прошел наспех, курс обучения не был подготовлен, лагерь не оборудован. Курсы не сумели заинтересовать слушателей, пробудить у них интерес к занятиям”.

Второй сбор составили пропагандисты, прошедшие в разное время курс обучения в Вульхайде. Продолжался он 2 недели (закончился 14 апреля).

Формально офицеры постоянного состава не были подчинены немецкому коменданту, но были обязаны приветствовать его при встрече, а при следовании с подразделениями докладывать о маршруте и цели.

Все распоряжения относительно увольнения, отпуска, командировки, банных дней и т.п. делались через коменданта или от его имени.

Курсы не имели своей печати, а подпись начальника курсов на документах признавалась только внутри курсов. Весь учёт — денежный, вещевой, продовольственный — проходил через немецкую канцелярию.

В лагере было организовано 2 офицерских казино, отдельно для немецких офицеров и для русских. Последние не имели права посещать немецкое казино. Русское казино снабжалось нищей из общего котла, для

немецкого готовили специально и завозили спиртное. На территории лагеря существовал немецкий офицерский ларёк (кантина), для русских офицеров ларька не было.

Состав курсов получал денежное содержание (верзольт — карманные деньги) — 16 марок в месяц вне зависимости от чина...

Как и предыдущий сбор, поступившие в Дабендорф принимали присягу. 40 человек из прибывших принимать присягу отказались и были возвращены в лагеря военнопленных.

К 25 — 26 марта 1943 года в Дабендорф прибыла группа преподавателей из лагеря Вустрау, чтобы осуществлять учебный процесс на курсах. В группу входили: Ф.И. Трухин (старший группы), назначенный в апреле 1943 года заместителем начальника курсов в Дабендорфе по учебной части; А.Н. Зайцев — старший преподаватель по идеологии; Н.Г. Штифанов — старший преподаватель по советскому режиму; В.А. Богомоллов — преподаватель взводной группы; Дашков — преподаватель взводной группы; Г.Г. Деменков — преподаватель взводной группы; А.А. Кандауров — преподаватель взводной группы; С. Соболевский — преподаватель взводной группы; Б. Хаханин — преподаватель взводной группы; Мысиков (позже отказался от преподавательской должности в Дабендорфе и вернулся назад в лагерь).

Третий сбор состоялся в апреле — мае 1943 года и длился 3 недели. Личный состав (около 200 человек) комплектовался из военнослужащих “восточных” батальонов, действовавших на кавказском участке фронта (в основном это были казаки). Около 50% прибывших имели высшее образование. В середине мая 1943 года слушатели разъехались по своим частям. Примерно с этого времени курсы пропагандистов в Дабендорфе стали именоваться офицерской школой РОА.

Четвёртый сбор состоялся в конце мая 1943 года. По существу, это был первый нормальный сбор, на котором программа была пройдена полностью, а слушатели состояли из военнопленных. Курсанты составили 5 полностью укомплектованных рот: 1-я и 2-я — офицерские, остальные унтер-офицерские и солдатские, численность — по 100 — 150 человек в каждой...

Срок обучения 4-го сбора составил 6 недель.

Программа курсов включала 3 раздела:

1-й раздел. Германия:

Исторический очерк развития Германии (до Версаля); история национал-социалистического движения; основы национал-социализма; еврейский вопрос; государственное и общественное устройство в

Германии; рабочий вопрос в Германии; сельское хозяйство в Германии; социальная помощь в Германии; семья и воспитание молодежи в Германии.

2-й раздел. Россия и большевизм:

Краткое знакомство с многовековой историей русского народа и развитием его государственности; идеологический гнёт в СССР; земельная политика советской власти; рабочий вопрос и стахановщина; советская интеллигенция и культура; семья, молодёжь, воспитание и образование в СССР; борьба власти с населением; экономическая политика советской власти; внешняя политика СССР; еврейство в России; Россия под властью большевиков; Англия — исторический враг России; русский народ и германский народ; СССР и Германия.

3-й раздел. Русское освободительное движение:

Основы Русского освободительного движения.

Темы 1 — 4, 10 — 15, 24 — 28 преподавались в форме лекций; 5 — 9, 16 — 23 — в форме семинаров с коллективным обсуждением и выступлением слушателей.

10 июля 1943 года четвёртый сбор был официально завершён. Часть выпускников была назначена во Францию, Италию, Бельгию, Данию, Чехию, Австрию и другие места, где дислоцировались восточные батальоны.

Описывая состав 8-го (4-го) курса, бывший лейтенант Красной армии Смирнов, обучавшийся на курсах, отмечал, что на основе анкет, с которыми ему удалось ознакомиться (согласно графе “обижен или не обижен советской властью”), слушателей можно было разделить на 3 категории: первая — около 60% — лица, которые подвергались репрессиям в 1937- — 1938 гг. или были осуждены в первые годы войны; вторая — 20% — это лица, занявшие выжидательную позицию, которые не участвуют в каких-либо активных акциях; третья категория — 20% — это “бывшие большевики”. К их числу он относил группу “старых” пропагандистов, посаженных 30 августа “за проволоку”, так как они вели патриотическую пропаганду. Среди арестованных были Боженко, лейтенанты Иванов, Фирс, Жуков и др.

Говоря о настроениях слушателей, Смирнов отмечает, что к указанному периоду стало нарастать недоверие к немцам, появились сомнения относительно реальности создания при их содействии Русского освободительного движения.

В задачу выпускников входила пропагандная работа в добровольческих частях, информирование о моральном состоянии личного состава соответствующих немецких инстанций и руководства РОА.

Последнее выполнялось в секретном порядке. (...)

О распределении пропагандистов, окончивших 4-й курс, сообщил упоминавшийся уже лейтенант Смирнов. Согласно его показаниям, датированным 4 ноября 1943 года, 40 — 50 выпускников было направлено в части РОА в г. Орёл, 25 человек — в лагеря военнопленных в Норвегию, 20 человек — в лагеря военнопленных в Австрию, 20 человек — в лагеря военнопленных в Латвию, Литву и Эстонию. Часть направили на Украину и в лагеря военнопленных, находящиеся в Германии. Около 50% выпускников курса были отправлены для работы среди гражданского населения»^{148}.

Благодаря этой школе одновременно при немецких дивизиях были созданы группы русских пропагандистов в составе 5 офицеров и 15 унтер-офицеров и рядовых — так называемые «группы перехвата», которые должны были вести через линию фронта агитацию за переход красноармейцев на сторону РОА.

В пунктах сбора военнопленных и в пересыльных лагерях создавались «русские подразделения обслуживания» в составе 1 офицера, 4 унтер-офицеров и 20 рядовых РОА каждое.

О работе таких вот пропагандистов очень интересно рассказал бывший военнопленный, написавший о годах в немецкой неволе очень честную книгу, Ю.В. Владимиров:

«После обеда я надумал полежать, но это не удалось: в барак неожиданно пригнали около 50 пленных из соседних барakov, из-за чего стало очень тесно. Многим пришедшим пришлось стоять в проходах между нарами. Вслед появились немецкий офицер в звании капитана, пожилой мужчина в гражданской одежде и молодой человек в немецком офицерском пехотном обмундировании, но с “русскими” знаками отличия. За ними вошли старший полицай, как всегда, с нагайкой, и средних лет военнопленный. Все они уселись на стульях и скамейках, после чего старший но бараку предоставил слово пришедшему военнопленному. Он оказался руководителем группы агитаторов. Этот руководитель объявил негромким голосом об открытии собрания военнопленных блока IV и предоставил собравшимся пришедших “высоких” лиц из Особой команды. В начале своей речи он сказал, что вчера день на нашей многострадальной Родине считался великим праздником Октябрьской революции. Она должна была, по замыслу её организаторов — Ленина и Троцкого — принести народу мир, социализм, свободу и жизнь в достатке. Земля должна была принадлежать крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим. Далее оратор отметил, что всего этого не случилось. Сталин повел страну совсем не так,

как предполагал Ленин. Сталин выгнал из страны и уничтожил Троцкого, установил в государстве жестокий диктаторский режим, расстрелял почти всех соратников Ленина, отнял у крестьян полученную ими после революции землю, загнав их в колхозы и совхозы, довёл до голодной смерти население в Поволжье и на Украине, вернул крепостное право. Он первым начал войну с Германией, из-за чего и мы, собравшиеся здесь, мучаемся в плену, а наши товарищи на фронтах гибнут массами и истекают кровью. В тылу терпит великие муки гражданское население. Необходимо избавить Родину от Сталина и его приспешников. И это мы можем сделать лишь с помощью Германских вооружённых сил, которые уже близки к победе. После победы мы договоримся с руководством Германии о дальнейшем устройстве нашего государства, следуя принципам, которых придерживался Ленин. Поэтому в данное время нашей первоочередной задачей является всяческая поддержка усилий Германии в борьбе с ненавистным всему народу сталинским режимом. Для этого желательно, чтобы мы вступили в создаваемую генералом А.А. Власовым Русскую освободительную армию (РОА), либо в национальные или немецкие подразделения. Всех желающих сделать это оратор пригласил заходить к нему для записи по рабочим дням.

Многих слушателей, включая и меня, будущее нашей страны, которое можно было представить себе из выслушанной речи, вполне устраивало, и за это вроде стоило бороться с оружием в руках. Позже мой знакомый повар сказал, что подобного рода речами Особая команда лагеря обманывает военнопленных, чтобы легче было вербовать их в антисоветские войсковые формирования. И, между прочим, несколько пленных в лагере, то ли поддавшись этой агитации, то ли своему убеждению или из-за невозможности выносить голод и другие мучения, подали тайком от своих товарищей заявление о зачислении их в РОА. После этого их скоро уводили и незаметно для других пленных увозили из лагеря»^{149}.

Что ж, голод не тетка, а уж в немецких лагерях голод нередко превращал советских военнопленных в животных, и если кто ломался на голоде, то он не мог не знать, что в Дабендорфе курсанты получали паек немецких военных частей второго разряда, на ступень выше, чем им полагалось. Потому что второй разряд был предназначен для частей на фронте; первый для частей на передовой боевой линии, а третий — частям в Германии^{150}. А чем ещё можно было заставить человека встать на путь предательства?

И все же курсы в Дабендорфе были созданы немцами как курсы пропагандистов РОА. Никакой другой цели у них не было, да и быть не могло. Сегодня можно говорить по этому поводу всё что угодно, однако трудно не согласиться с мнением А. Огорокова, который делает в своей книге довольно точный и ёмкий вывод:

«К слову сказать, “массовость антибольшевистского лагеря” являлась внутренним оправданием для многих бойцов Красной армии, взятых в плен и решивших сотрудничать с немцами. Ведь никакие политические мотивы, ненависть лично к Сталину или число в советском руководстве “кагановичей и мехлисов” не могли полностью вытравить из подсознания мысли о сотрудничестве с врагом в период внешней опасности для страны, в которой ты родился. Особенно у людей, прошедших ужасы немецких лагерей для военнопленных и на себе познавших сущность “миролюбивой политики” Германии»^{[\[151\]](#)}.

После того как Гитлер запретил Власову проявлять всякую активность и уточнил, что он «не нуждается во Власове в тылу фронта», генерал Гелен однажды задал Штрик-Штрикфельдту вопрос:

— Как будет реагировать Власов?

— Я должен переговорить с ним открыто. Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключенного между мною и Власовым.

— Фюреру Власов не нужен, но нам всем он очень и очень нужен. Скажите ему это, — заключил Гелен.

Известно, что Власов был потрясён и подавлен. А что, собственно, ему оставалось делать?

Вильфрид Карлович передал ему слова генерала, а больше сказать ему было нечего.

Ещё в апреле Власов был уверен в успехе. Его поездки на Восточный фронт были чем-то новым. Ему выдали военный билет и поставили на довольствие, а 23-го наградили медалью «За отвагу» для граждан восточных народов 2-го класса...

Гораздо серьезнее Власова пострадал Малышкин. Выступая на собрании русских эмигрантов в Париже, он попытался доказать необходимость объединения всех русских формирований под руководством Власова и соответственно высказал отрицательное отношение к деятельности созданного немцами казачьего управления. Сразу же после выступления Малышкина арестовали и в сопровождении немецкого офицера доставили в Берлин.

Власов: «В июле 1943 г. генерал белой армии Краснов заключил договор с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и Розенбергом в том, что казаки обязуются бороться на стороне немецкой армии против советских войск, за что германское правительство предоставит им казачьи земли на Востоке и места для поселения в других странах Европы. К концу 1943 г. немцы, выселив из ряда районов Северной Италии местных жителей, организовали там казачьи поселения. Выступление же Малышкина шло вразрез с политикой германского правительства, что и привело к его аресту. По моему ходатайству Малышкин вскоре немцами из-под стражи был освобождён».

Однако бездеятельность Власова не была таковой в полном смысле

этого слова. Не было только освободительного движения. Сначала Власова вывезли в Магдебург, где он познакомился с условиями жизни и работы немецких промышленных рабочих. Следующие поездки были также ознакомительного характера. Власова повезли в Вену. Там он осмотрел достопримечательности старого имперского города и его изумительные окрестности. В программу вошли венская опера, бега, осмотр промышленных предприятий и посещение школы испанской верховой езды в одном из поместий. В Мюнхене, при входе в отель, Власов в киоске увидел журнал «Унтерменш» («Недочеловек»), тот самый, что изображал русских как преступников и кретинов. Чтобы не портить поездку, жена организовавшего её писателя госпожа Двингер тут же скупилла все имеющиеся экземпляры этого бульварного листка, но через час, когда все выходили из отеля, на том же самом месте вновь увидели пятьдесят экземпляров «Унтерменша».

Путешествуя по Баварии, Власов имел возможность заходить в крестьянские дворы, видеть их чистоту, опрятность, благосостояние. Ему показывали стада на пастбищах, шкафы и комоды крестьян, их одежду, обувь, шерстяные одеяла и фарфоровую посуду. Во Франкфурте-на-Майне Власов бродил по старым, узким улочкам.

После возвращения из поездки Власов сказал Штрик-Штрикфельдту:

— Вот видите! Эта война может быть выиграна только теми, кто способен принести лучший порядок. Нацисты должны были бы это знать: они пришли к власти в Германии в час её нужды, потому что обещали лучший порядок, и сначала у них было искреннее желание выполнить свое обещание. Поэтому мне трудно понять, как те же самые национал-социалисты отказались от своих собственных принципов. Высшая миссия не должна быть эгоистичной. Но вы, немцы, не только эгоистичны, вы хотите отнять у нас нашу землю и наши богатства. И поэтому вы проиграете войну.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, «по возвращении из поездок по Германии обнаружилось, что положение Власова, вопреки всем неудачам и враждебности “сверху”, стало более прочным, чем нам казалось возможным. Без сомнения, это было следствием выдвижения его как пропагандной фигуры после запрета Кейтелем его активной политической деятельности и отказа Гитлера от создания национальной русской армии. Личность Власова, в двойственном свете противоречивых указаний различных ведомств, начала настолько заинтересовывать, что скачкообразно стало расти число лиц, искавших с ним контакта».

С Власовым действительно искали контакты представители различных

кругов немецкой и русской общественности из Германии и с оккупированных территорий. И если Вильфрид Карлович считал, что этому немало способствовала и разъяснительная деятельность его ближайших сотрудников, и работа Дабендорфа, то, судя по фактам, здесь главную и решающую роль сыграла, скорее, германская военная пропагандистская машина генерала Гелена.

К Власову устремился поток посетителей: немцев и русских. Если к первым относились его «старые» знакомые из германских офицеров, знавших его с 1942 г. (плена), или же «новые» знакомые, интересовавшиеся им и представляемым им «русским освободительным движением»; представители прессы; представители хозяйственных кругов, то ко вторым — представители русской эмиграции; офицеры с фронта; представители русского православного духовенства.

Наиболее сложно складывались отношения с эмигрантами. Старые эмигранты, в том числе казаки под командованием генерала Краснова, не принимали «красного генерала» как руководителя всего движения.

Бывший политработник и бригадный комиссар Жиленков говорил: «Если мы не двигаемся с места, действуя через армейцев, мы должны пробиваться через политиков или же через партийцев».

Зыков лишь добавлял: «Мы должны бороться на всех возможных фронтах»^{[152](#)}.

Однако «борьба» была скорее похожа на пассивное ожидание...

Офицер связи от СА при Власове Сергей Фрелих так опишет быт и будни самого главного советского предателя периода Великой Отечественной войны:

«Уже летом 1943 года генерал Власов мог поселиться в достойном его помещении в Берлине-Далеме. Штрикфельдту удалось добиться предоставления Власову пустовавшей виллы на Кибитц Вег № 9. Эта вилла соответствовала дому чиновника. Узкий палисадник отделял ее от улицы, а с задней стороны имелся участок размером в тысячу квадратных метров. В первом этаже было две комнаты, одну из которых с видом на сад превратили в рабочий кабинет генерала, а вторую, выходящую на улицу, скромно меблировали как гостиную и столовую. На втором этаже были три спальни для генерала Власова, его заместителя генерала Малышкина и для адъютантов обоих генералов. Погреб был отделан. В нем была кухня и помещения для денщиков генералов, повара и трех студентов-рижан...

Все мы получали продовольственные карточки и пропитание из полевой кухни в Дабендорфе. Организованная служба курьеров доставляла продовольствие, которое приготавлилось поваром на Кибитц Вег. Генералы

получали месячное жалование по военной табели — по 70 рейхсмарок, а остальные офицеры — по 30 марок. Жизненные условия были, конечно, скромными, но ценились из-за относительной свободы и, особенно, полной взаимного доверия атмосферы, царившей в доме. (...)

Дневной распорядок был неравномерен. Утром генерал Власов чаще всего гулял по саду. Потом слушал доклады и сидел перед военными картами. Ежедневная сводка Ставки сразу же переводилась на русский язык. Кроме того, слушались иностранные, бывшие под строжайшим запретом, передачи. В общем, обычный порядок дня усложнялся обильными возлияниями в любое время, но особенно по вечерам при игре в преферанс, одной из самых популярных карточных игр в России, похожей на бридж. Когда я не хотел пить, Власов каждый раз говорил: “Как ты больше не хочешь! Ты обязан пить за наше дело...”

Атмосфера в доме была своего рода смесью конспирации, домашнего уюта и ожидания. Власов всё время ожидал, что что-то должно произойти. Но ничего не происходило»^{153}.

Возможно, по этому Андрей Андреевич иногда начинал капризничать: «Всё чаще Власов высказывал свои сомнения по поводу поведения немцев. “Я больше не хочу этого, верните меня в лагерь военнопленных! Всё это бессмысленно. Немцы меня обманывают”, — говорил он.

В этих случаях Штрик-Штрикфельдт, которого я информировал о таких настроениях генерала, был мастером убеждения. У него был дар “поговорить по душам”, согласно русской поговорке. Штрикфельдт в совершенстве владел этим искусством, и при этом сам был убеждён в правильности Власовского начинания, как в единственном выходе из создавшегося положения... Такие чисто личные отношения Штрикфельдт создавал и с другими русскими генералами, которые к нам присоединились»^{154}.

А вот как «вождь Русского освободительного движения» принимал ходяков:

«Уголовник, некий Пастернак, приговорённый к смерти в Советском Союзе за разбой, принял заказ убить Власова. За это ему обещали помилование. Этого человека в Советском Союзе соответствующе подготовили пропагандой. Там ему говорили, что Власов изменил своему народу и за деньги и роскошную жизнь продался врагам родины, немцам. Он якобы живёт в полном довольствии, любит шампанское и податливых девиц.

Этот Пастернак... стоял в один прекрасный день перед дверью нашей

виллы и позвонил. Власов сам ему открыл.

— Что вам угодно? — спросил генерал.

— Я хотел бы познакомиться с генералом Власовым!

Без всякой проверки Пастернака пригласили войти. Оба сели у стола друг против друга.

— Ну, теперь мы можем побеседовать, — сказал Власов, очевидно радуясь возможности такой беседой развеять всё время мучившую его скуку. (...)

Как рассказывал Пастернак, Власов достал коробку из-под сигар, в которой лежали немецкие сигары и махорка. Ножницами он разрезал сигары на маленькие кусочки, смешал их с махоркой, скрутил, себе папиросу и предложил гостю: “Скрути себе тоже!” В это время вошёл денщик с бутылкой водки и закуской — маленькими бутербродиками. Они состояли из кусочков солёных огурцов, томатов и двух кусочков хлеба.

После дружественного и откровенного разговора, в котором генерал сообщил своему гостю о своих политических взглядах и развил свои планы на будущее, советский агент был приглашён к обеду. И обед удивил его своей простотой. Он состоял из жидкого супа с капустой и жареной картошки с салатом. Это было всё»^{155}.

Как подчёркивает Фрёлих, «о Власове узнали. Стали появляться женщины, делая ему разные предложения. Он им редко отказывал. Он был очень гостеприимен и приглашал всех, кто только ни приходил»^{156}.

Приводит Фрёлих и один любопытный эпизод, связанный, конечно же, с женщиной:

«В один прекрасный летний день 1943 года у входа в сад звонит звонок. Там стоит молодая женщина, скорее даже девушка, светлая блондинка с ангельским лицом, большими голубыми тазами, длинными ресницами и наивным затуманенным взором. Генерал, который как раз смотрел в окно, приказывает своим басом: “Впустить!” Девушка входит и заявляет, что она слышала, что здесь живет генерал Власов. Она — оstarбейтер и пришла из простого любопытства — познакомиться с таким великим человеком. “Это же настоящий маленький ангел!” — заявляет полковник Кравченко. Как этот “ангел” проявил себя — вы скоро узнаете...

Очень быстро появился слух, что эта Оленька (так себя называла эта молодая женщина) собирается выйти замуж за адъютанта генерала, капитана Р. Антонова. Насколько это соответствовало истине — осталось тайной. Во всяком случае настоящего венчания не было, но у нее были интимные отношения с Антоновым.

Весьма возможно, что она побывала и в других постелях, так как, несмотря на внешность невинного ангела, она проявляла большую любовную активность. Сразу же она стала завоевывать домашние нравы, уходила и приходила по своему усмотрению, как будто бы она была одним из домочадцев. Она только разыгрывала роль жены, иногда невесты, но чаще всего была просто подругой генерала, эти роли менялись весьма часто. Ее поведение в доме вызывало моё большое неудовольствие, так как вся ответственность лежала на мне. По всей вероятности, я был также единственным, который не был покорен шармом этой девицы.

Как-то раз настроение в штабе было подавленное. Надежды на признание Власовского движения были слабы. Разрешение на формирование армии, казалось, откладывается на неопределенное время. В этот день попойка, в которой я не мог не участвовать, началась с раннего утра и продолжалась до позднего вечера. Я устал выше всякой меры и сказал Антонову, что не поеду ночевать в свою меблированную комнату в Берлине, и пошёл вниз в комнату дежурного по канцелярии. Там стояли рядом две кровати. Я разделся, лёг на одну из них и готов уже был заснуть, как вдруг дверь открылась, зажёгся свет, и я увидел Антонова с Оленькой. Антонов сказал: “Уже очень поздно, Оленька не может ехать домой и останется здесь. Ведь вот еще одна кровать тут свободна, она может лечь на нее”. Я был настолько удивлён, что вообще ничего не мог сказать. Антонов исчез. Оленька разделась, подошла к свободной кровати и легла под одеяло.

Несмотря на то, что мой разум был еще под влиянием алкоголя, я сразу понял, какое создалось щекотливое положение. Я предполагал, что этот “ангел” должен был меня обворожить. Советчики считали меня оком немецкого руководства в окружении Власова, и им было известно, что на меня возложена ответственность за все происходящее на вилле на Кибитц Вег. Я встал, оделся и сказал Оленьке: “Здесь в двери есть ключ, когда я выйду, будьте добры — запирайте дверь”. Потом я пошел наверх в кабинет генерала и одетым лег на диван. Рано утром меня там обнаружил Антонов, который не мог скрыть своего удивления. А Оленька после этого меня безгранично возненавидела...»^{157}

В своей книге, кроме всего прочего, Фрелих даёт очень точный портрет Власова и даже отмечает такие детали, на которые никто не обратил внимания:

«Выразительное лицо Власова было отмечено довольно грубыми, но волевыми характерными чертами. Говорил он глубоким басом и носил внушительные очки в роговой оправе. Власов был безупречным артистом и обладал невероятным шармом, который, однако, не был природным, а

скорее приобретённым. Как у многих русских, в нём действовал ярко выраженный инстинкт, который выручал его в неожиданных жизненных ситуациях. По существу он был большим педантом. Любовь к порядку, связанная с энергией, объясняла — почему немцы ему импонировали. Поэтому Власов был в состоянии разрешать ряд проблем с немецкой педантичностью. При этом он не стеснялся в выборе средств и бывал по-русски деспотичен»^{158}.

Первые переговоры о создании денежного фонда велись с референтом начальника Главного управления железа и стали в министерстве Шпеера Клаусом Боррьесом и членом правления Дрезденского банка Раше.

Бывший офицер, воевавший на разных участках фронта и демобилизованный по ранению Боррьес, под свою ответственность стал действовать в пользу так называемого движения Власова. Он же организовал в Берлине на Унтер-ден-Линден «Деловое сотрудничество с Востоком», во главе которого встал Ратае.

Первые переговоры о создании денежного фонда для власовского движения велись с ними. Вопрос стоял о займе для Русского освободительного движения. По инициативе Боррьеса и Раше год спустя удалось организовать переговоры при участии министра финансов графа Шверин-Крозига о предоставлении освободительному движению первоначального кредита в размере полутора миллионов рейхсмарок.

Забегая вперед, скажу, что соглашение о займе было подписано только в январе 1945 г.

Благодаря офицеру военной пропаганды Дюркенсу к власовскому движению была привлечена Мелита Видеман, главный редактор антикоммунистического журнала «Акция». Её задачей было установление связи с офицерами войск СС. Госпожа Видеман знакомила Власова с новыми людьми. Её усилия были направлены на привлечение отдельных людей среда бывших офицеров войск СС на сторону освободительного движения. Хотя даже Штрик-Штрикфельдт отмечал: «Изменение расположения к нам отдельных офицеров СС происходило часто из чистейшей воды практических соображений, как это было и в вермахте».

Власова свели с Робертом Леем, другом Гитлера со времён возникновения национал-социализма, его заместителем, главным руководителем высшего партийного обучения и начальником управления кадров партии.

Интересен вопрос Лея:

— Почему генерал, награждённый орденом Ленина и другими советскими орденами, теперь борется с большевизмом?

Власов стал что-то лепетать про период Гражданской войны и своё отношение к этому событию, но Лей был непреклонен:

— Это все меня не интересует; то, что вы рассказываете, было давно.

Власов продолжил свой рассказ, объясняя свою карьеру и вступление в партию. Лей прервал его второй раз:

— Это тоже меня не интересует. Я знаю ваше открытое письмо, но ведь оно написано для дураков, то есть для быдла. Меня интересуют действительные причины перемены ваших взглядов.

Власов буквально обиделся, но что он хотел услышать от друга Гитлера — сострадание? Самое интересное, что Лей сказал:

— Я думаю, что этот человек рассорился со Сталиным потому, что тот его обидел.

Лей не понимал многое:

— Если бы вы, генерал, сказали мне просто, что ненавидите жидов и вы боритесь против Сталина потому, что он окружил себя жидами, я понял бы вас. Особенно если, как вы сказали, вы лично не обижены Сталиным.

Лей посчитал всё сказанное Власовым напыщенным. Власов после беседы с ним был в мрачном настроении^[159].

Осенью 1943 г. положение на Восточном фронте стало реальным предлогом для разоружения «восточных батальонов». Были отмечены факты реального перехода их к партизанам. Когда Гитлер узнал об этом, он приказал разоружить и распустить все эти формирования, а людей — направить на работу в шахты и на фабрики.

ОКХ возражало. Генерал Восточных войск Гельмих запросил все дивизии фронта и уже через несколько часов представил начальнику Генерального штаба Цейтцлеру доказательства надёжности территориальных частей. По его данным, «число так называемых перебежчиков, а также попавших в плен бойцов «восточных войск» не даёт никаких оснований к беспокойству: потери находятся примерно в тех же пределах, что и в немецких частях.

В середине октября пришло решение: разоружения не будет. Гитлер приказал, видимо остыв, все восточные формирования перевести на Запад — во Францию, Италию и Данию.

Переброска была закончена уже в январе 1944 года. Однако некоторые командиры дивизий схитрили: они перевели своих «добровольцев» на статус «хиви» и не отдали их.

В соответствии с проводимыми мероприятиями был создан командный штаб генерала Восточных войск при командующем войсками на Западе. Большинство «восточных батальонов» было плохо вооружено и

недостаточно технически обучено для Западного театра военных действий. Происходили ссоры и недоразумения, с каждым днём увеличивались трения. Командование уже ожидало мятежа, который вот-вот должен был произойти.

Предупреждая непредсказуемые последствия, в отделе ОКВ/ВПр с помощью Генштаба ОКВ пришли к мысли побудить Власова составить новое открытое письмо. Так о Власове вспомнили. Целью письма было объяснить, что «переброска на Запад лишь временна, и задача освобождения Родины остаётся в силе». Над документом пропагандистского характера работали Гроте, Дюрксен и несколько русских. Первоначальный набросок открытого письма был направлен из отдела ВПр в Генштаб ОКВ. 5 ноября 1943 г. заместитель Кейтеля в Генштабе ОКВ Йодль утверждает текст 5 ноября 1943 г.

Следом в Дабендорф пришло распоряжение командировать во Францию инспекторов, чтобы успокоить находящиеся там Восточные войска. При этом русские части находились в составе «четвёртых батальонов» в немецких частях, размещённых вдоль атлантического побережья. Они находились и в Дании, Норвегии, Италии. Также оставались «добровольцы» и на Восточном фронте. Всех их требовалось обслуживать из Дабендорфа, в том числе и газетами...

1 января 1944 г. генерал Гельмих был заменён генералом от кавалерии и бывшим германским военным атташе в Москве Кестрингом, а наименование «генерал восточных войск» было изменено на «генерал добровольческих частей».

Через несколько недель Кёстринг вызвал Штрик-Штрикфельдта в Егерхеэ под Летценом. Разговор длился около трех часов. Вначале, как и положено, генерал задавал капитану вопросы:

- возникновение Дабендорфа;
- отношения с ОКВ/ВПр и с ОКХ;
- Власов и его сотрудники;
- перевоспитание и обучение в Дабендорфе и т.д.
- Стшшн, как и Черчилль, — сказал Кёстринг, — часто резко менял курс своей политики; Гитлер же никогда не изменит своей политики в отношении России. Фюрер заявил раз и навсегда, что он и не помышляет предоставить народам России независимость. Поэтому Русская освободительная армия останется фикцией.

Когда же Штрик-Штрикфельдт предложил организовать генералу встречу с Власовым, тот сразу же отклонил наивное предложение:

- Власов стал пугалом для фюрера и господ на верхах ОКВ. Поэтому

я предпочитаю выполнять мои чисто солдатские и человеческие обязанности без связи с пим.

По поводу же популярности Власова Кёстринг вообще возразил:

— Этому я не верю. В России военные никогда не были так популярны, как в Германии. Русские думают и чувствуют иначе. А факт остаётся фактом, что Гитлер не хочет ничего слышать о Власове. И если в будущем нам придётся когда-нибудь опереться на какую-либо ведущую русскую личность, — что нужно было бы, кстати, сделать еще в 1941 году, — то мы должны будем найти другого человека.

Старый знаток России и в этом был прав!

Когда Штрик-Штрикфельдт изложил Власову точку зрения генерала Кёстринга, тот просто отказался иметь что-либо общее с «кёстрингскими наймитами»^{[160](#)}.

Положение на Восточном фронте с каждым днем становилось угрожающим. Уже в апреле 44-го советские войска перешли государственную границу СССР. «Власовцы» внимательно следили за обстановкой на фронтах и в самом узком кругу стали обсуждать планы действий на случай крушения Третьего рейха.

Предполагалось установить контакты с англосакскими державами и с французским движением Сопротивления. Для содействия можно было использовать НТС — эмигрантскую организацию.

Власов считал:

— В тазах американцев и англичан мы, вероятно, не «унтерменши» и не «подмастерья мясника», употребляя выражения Гиммлера, но мы — изменники, потому что боремся против правительства своей страны.

Он как всегда, много говорил, но при этом действительно искал выход.

— Думаю, что единственный выход — всеми силами стараться сохранить и по возможности растить русскую «живую силу» до краха нацистов. Только если мы станем фактором силы, мы, вместе с чехами, поляками, югославами, благоразумными немцами и другими народами Европы, можем рассчитывать, что, рано или поздно, англосаксы признают нас, — аргументировал Андрей Андреевич.

В январе 1944 г. Штрик-Штрикфельдт изложил генералу Гелену беседу с Власовым и свои мысли о крахе Германии. Он, в частности, предложил отправиться в Португалию, чтобы там установить связь со старым школьным другом, занимавшим до 1929 г. видное положение на британской службе.

— Подобные контакты немцами по разным линиям недавно уже намечены, так что надо подождать результатов, если же будет нужно, я вернусь к вашему предложению, — успокоил капитана генерал.

Весной Гроте свел Штрик-Штрикфельдта с молодым издателем журнала СС «Чёрный корпус» Гюнтером д'Алькэном. Ему каким-то образом удалось добиться согласия Гиммлера на участие нескольких власовских офицеров в пропагандной СС на Восточном фронте с целью привлечения перебежчиков. Штандартенфюрер д'Алькэн руководил пропагандой СС.

Судя по всему, СС меняла свою политическую концепцию. Так, наряду с бельгийскими, голландскими и норвежскими частями СС были созданы

эстонские и латышские части. В процессе организации находились галицийские формирования, силой до дивизии. Вопрос стоял и о создании русских частей...

Готовилась акция под названием «Скорпион». СС предоставляли русским только технические возможности. Акция должна была повлиять на изменение курса на всем Восточном фронте.

Но не все было просто для Власова.

Во-первых, до начала этой акции бесследно исчез Зыков вместе со своим адъютантом Ножиным...

Во-вторых, д'Алькэн сразу же предложил Жиленкову возглавить «движение» вместо Власова. Жиленков отказался, не желая брать на себя непосильную ношу, чем, по сути, спас своего шефа. Его могло ожидать то же самое, что и еврея Зыкова.

Таким образом, несмотря на нежелание СС сотрудничать с Власовым, другого выбора не было.

Оставался Власов. С обнародованием политических целей Русского освободительного движения появилась надежда расшатать мощь Красной армии. Именно акция «Скорпион» была первым шагом в этом направлении. Тем более что шла речь о судьбе Третьего рейха.

По воспоминаниям Штрик-Штрикфельдта, часть руководящих эсэсовцев начала понимать критическое положение: «Меня бомбардировали телефонными звонками и просьбами об информативных встречах с разных сторон, включая промышленников и министерство Шлесра. Мне говорили: “Это очень важно и срочно. Дело идёт о том, чтобы получить информацию о “Власовском движении” из первых рук. Власову, может быть, удастся помочь. И нам тоже!”»

В итоге случилось невероятное.

Власов: «10 июля 1944 г. ко мне приехал представитель отдела пропаганды вооружённых сил Германии на Востоке капитан Гроте, который предложил мне срочно поехать с ним на приём к Гиммлеру, но в связи с покушением на Гитлера, происшедшем в этот день, встреча с Гиммлером была отложена и состоялась лишь 18 сентября 1944 г.»...

Сам заговор окончательно убедил Гитлера, что он не может доверять армии. С августа 1944 г. Гиммлер стал одной из самых могущественных фигур рейха. Вследствие неудавшегося покушения на фюрера в июле 1944 г. его назначили командующим группой армий. С этого момента он имел гораздо больше титулов и должностей в рейхе: министр внутренних дел, министр здравоохранения, высший руководитель всех полицейских служб, разведки, гражданских и военных спецслужб.

Как командующий войсками СС он имел в своем подчинении целую армию, которая в начале 1945 г. имела в своем составе 38 дивизий, 4 бригады, 10 легионов, 10 специальных групп — командос штабных сил и 35 отдельных корпусных частей.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал:

«Вскоре мы получили более полные сведения о покушении на Гитлера и о смерти графа фон Штауфенберга. Стали известны имена офицеров, ставших жертвами нацистского режима. Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 г. стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные конечные цели, и не все из них были готовы безусловно поддерживать план Власова.

Но, несомненно, эта группа делала всё возможное в отношении Русского освободительного движения».

Это личный взгляд Вильфрида Карловича. Однако летом 1944 г. никакого освободительного движения не было и в помине. Был только русский предатель — генерал Власов, его окружение и какие-то отдельные подразделения русских «добровольцев», большей частью находящихся на Западе. Власов находился в плену уже целых два года, и, кроме военной пропаганды, его деятельность ни к чему не сводилась.

Он ел немецкий хлеб, пил немецкую водку и был доволен до тех пор, пока не пришло время задуматься о дальнейшей жизни. Крах Третьего рейха приближался, и надо было что-то предпринимать, чтобы спасти свою шкуру.

Провал заговора немецких офицеров стал в этом плане роковым событием, ведь возможность договориться с западными державами о перемирии и возобновлении войны с новыми союзниками против Советского Союза теперь исключалась.

Продолжение кампании на Востоке в самом ближайшем будущем грозило катастрофой. Спасительной нитью Власова оказалась лишь связь с ведомством Гиммлера. Надо было торопиться.

В связи с отложенной встречей Власова с Гиммлером у начальника Главного управления СС Бергера удалось получить разрешение на поездку на отдых в Баварию, в местечко Рупольдинг, где для него в доме для выздоравливающих тяжелораненых чинов боевых частей СС была забронирована квартира. С ним поехали Фрелих и Штрик-Штрикфельдт.

Сергей Фрелих вспоминал позднее:

«Находясь в командировке при штабе Власова, я развил особую тактику, стараясь, как правило, внешне казаться мало самостоятельным в

своих действиях. Такая игра в маскировку мне удавалась особенно хорошо. У моих русских сотрудников я пользовался любовью, так как говорил с ними на их языке.

Я старался каждого из них убедить в том, что являюсь только маленькой шестерёнкой в большом механизме и что все ежедневно возникающие проблемы я предпочитаю направлять куда-то на решение. На самом же деле решения я почти всегда принимал самостоятельно и только в редких случаях передавал их дальше, однако с уже принятым мною решением...»

Могу лишь предположить, что не без участия этого человека Власов выехал в дом отдыха СС, которым заведовала симпатичная госпожа Хейди Биленберг, вдова эсэсовского офицера. Ее муж погиб в 1943 г. на Кубани, а его брат являлся приближённым Гиммлера.

Эта дамочка не могла не понравиться Власову, если бы даже была ужасно страшной и грубой...

Вечерами Хейди музицировала в окружении Власова и его «друзей». В новой компании смеялись и шутили, а днем все совершали удивительные прогулки по окрестностям горного курорта.

Немка не говорила по-русски, но это не помешало Власову при помощи ломаного немецкого языка разбить ее сердце, проявив недюжинные способности Казановы. Хейди была близко знакома с Гиммлером, и только через её постель можно было быть уверенным в завтрашнем дне.

«Путеводная» нить в приёмную Гиммлера не только согласилась на любовные встречи, но и приняла предложите руки и сердца. Расчёт оправдался 18 сентября 1944 г., когда Власова из Рупольдинга вызывали на приём к «самому».

Когда Власов вместе с Штрик-Штрикфельдтом подошли к кабинету Гиммлера, к последнему обратился сопровождающий их генерал СС и сказал:

— Господин капитан! До начала общего совещания рейхсфюрер СС хочет минут десять поговорить с Власовым наедине.

Андрей Андреевич колебался, но недолго. Дверь открылась, и Вильфрид Карлович слегка сдавил его руку и буквально подтолкнул через порог.

Вот что рассказывал об этой встрече сам Власов:

«Вопрос. Где вы встретились с Гиммлером?

Ответ. В Ставке верховного командования вооружённых сил Германии, в лесу, близ города Растснбург (Восточная Пруссия).

Вопрос. Кто присутствовал при вашей встрече с Гиммлером?

Ответ. В поезде вместе со мной для встречи с Гиммлером ехали: Штрикфельдт, представитель СС оберштурмбаннфюрер Крeгер и командир полка пропаганды СС полковник Далькен.

В приёмной Гиммлера нас встретил обергруппенфюрер Бергер, который объявил, что Штрикфельдт на приёме присутствовать не будет.

Вопрос. О чём вы разговаривали с Гиммлером?

Ответ. Гиммлер мне заявил, что отдел пропаганды вооружённых сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем этой работой он будет руководить лично.

Всеми русскими делами, как сказал Гиммлер, будет заниматься его заместитель Бергер, и своим представителем при мне он назначает Крeгера.

Для успешной борьбы против Советской власти Гиммлер предложил все существующие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр, предоставив мне свободу выбора именовать этот центр правительством или комитетом.

Приняв предложение Гиммлера, я спросил его разрешить мне создать комитет под названием “Комитет освобождения народов России” и сформировать армию в составе 10 дивизий из числа военнопленных для использования их в борьбе против Красной Армии.

Гиммлер согласился с созданием “комитета” и разрешил сформировать из военнопленных пока 5 дивизий, обещав обеспечить их вооружением.

Тогда же Гиммлер дал мне указание разработать “Манифест комитета” и представить ему на утверждение.

В дальнейшей беседе Гиммлер подробно интересовался событиями в Советском Союзе в 1937 г. Он расспрашивал, был ли военный заговор в действительности, имел ли он сторонников. Желая показать, что внутри Советского Союза есть противники правительства, которые ведут борьбу с Советской властью, я ответил Гиммлеру, что заговор действительно существовал. На самом же деле я всегда считал, что никакого заговора не было и органы НКВД расправились с невиновными людьми.

Гиммлер задал мне вопрос, был ли я знаком с Тухачевским и знал ли других участников военного заговора. Я ответил, что в тот период я был еще маленьким человеком, занимал небольшую должность и никаких связей с Тухачевским и другими заговорщиками не имел.

Гиммлер спросил, остались ли в Советском Союзе люди, на которых в настоящее время германское правительство могло бы рассчитывать и

которые могут организовать в России переворот. Я сказал свое мнение, что такие люди, безусловно, в России должны быть, но мне они неизвестны.

Тогда Гиммлер поинтересовался, как я считаю, может ли Шапошников организовать переворот, как один из офицеров старой армии и занимающий видное положение в СССР. Я на этот вопрос не ответил, сославшись на то, что с Шапошниковым близко знаком не был и только представлялся ему в 1942 г., как начальнику Генерального штаба.

После этого Гиммлер спросил, как я знаю Сталина, Берию, Кагановича, Жданова. Особенно Гиммлер интересовался личной жизнью Сталина, расспрашивал, где Сталин живёт, из кого состоит семья и есть ли евреи в семье и близком окружении Сталина.

Я клеветал на Сталина, но каких-либо подробностей Гиммлеру о личной жизни Сталина рассказать не мог, так как в действительности ничего не знал.

В отношении Берии, Кагановича и Жданова я также ничего Гиммлеру не сумел сказать, ибо мне ничего о них не было известно.

Тогда же Гиммлер задал вопрос, кто может быть преемником Сталина. на моё заявление, что это трудно предположить, Гиммлер высказал своё мнение, что по военным вопросам преемником Сталина, очевидно, будет Жуков, а по гражданским делам — Жданов. Я сказал, что Жуков в прошлом был моим начальником. Я его знаю как волевого и энергичного, но грубого человека.

Перед тем как отпустить меня, Гиммлер спросил, смогу ли я справиться со столь ответственной задачей, как объединение антисоветских организаций всех национальностей. Я заверил Гиммлера, что с этой задачей справлюсь, так как за два года пребывания в Германии я приобрёл необходимые связи среди белоэмигрантов и националистов, а также что в ближайшие дни представлю ему проект “манифеста”».

А через некоторое время Власов получит телеграмму следующего содержания:

«ТЕЛЕГРАММА РЕЙХСФЮРЕРА СС ГЕНЕРАЛУ ВЛАСОВУ

Составлено по указанию обергруппенфюрера Бергера.

Фюрер назначил вас со дня подписания этого приказа Верховным командующим русскими 600-й и 700-й дивизиями. Одновременно на вас будет возложено верховное командование всеми новыми формируемися и перегруппирующимися русскими соединениями.

За вами будет признано дисциплинарное право Верховного главнокомандующего и одновременно право производства в офицерские чины вплоть до подполковника.

Производство в полковники и генералы происходит по согласованию с начальником Главного управления СС, по существующим для Великогерманской империи положениям.

Г. Гиммлер

Просмотрено и согласен

Доктор Кальтенбрунер»^{[161](#)}

«После встречи с Гиммлером, — вспоминает Сергей Фрёлих, — Власов приступил к выработке текста манифеста, который должен был быть оглашен на торжественном учредительном собрании Комитета Освобождения Народов России — КОНРа. Генерала спросили, сколько времени ему будет нужно для этого. Его ответ гласил: “От двух, до двух с половиной недель”. Я точно помню его ответ.

Однако потом оказалось, что для окончательной редакции потребовалось почти два месяца. После бесконечных обсуждений в сотрудничестве со специально для этого созданной комиссией и с прежним Комитетом Освобождения Народов России был выработан проект манифеста. Он содержал 14 пунктов о том, как будет выглядеть Россия, за которую Власовское Движение, Русская освободительная армия (РОА) и сам КОНР готовы были вступить в борьбу. В этой России не должно было быть “ни коммунистов, ни капиталистов”. Ясно было, что искали средний путь.

Манифест... был документом гуманности. Проект текста был послан ряду немецких учреждений, в том числе и Гиммлеру, но не Розенбергу. Как я потом узнал от Власова, текст вернулся, усеянный собственноручными примечаниями самого Гиммлера, главным образом антисемитского характера.

Власов отказался принять эти поправки. В общем Власову и его сотрудникам выработка текста Манифеста была не совсем по силам. Поскольку его написание растянулось почти на два месяца, противники Власовского Движения могли за эти недели создать бесчисленное количество препятствий. К этому времени уже не было централизованного руководства в Третьем рейхе. Сам аппарат часто бывал сильнее Гиммлера и

самого Гитлера. У чиновников оставались ещё в силе его слова: “Для чего нам нужны эти русские? Мы и без них можем победить Советский Союз и овладеть им”. Когда же они узнали, что генерал Власов собирается издать манифест, который выдвигает его как Главнокомандующий русской антикоммунистической армией, они предприняли всё, чтобы торпедировать эту идею. По программе национал-социалистов русские по-прежнему должны были превратиться в народ рабов.

Первоначальный план предвидел обнародование манифеста в годовщину Октябрьской революции, и это должно было состояться в русском городе. Но этого нельзя было сделать. Вместо Смоленска, уже оставленного немецкими войсками, или какого-нибудь другого русского города, пришлось выбрать Прагу»^{162}.

Екатерина Андреева в своей работе «Генерал Власов и Русское Освободительное Движение» пишет:

«Рассказы о том, как составлялся Пражский манифест, разнятся между собой». И далее: «Когда Гиммлер дал разрешение опубликовать программу Русского освободительного движения, Жиленков в конце сентября 1944 г. собрал вместе редактора “Зари”, бывшего зыковского заместителя Ковальчука, старшего дабендорфского преподавателя Зайцева, сотрудника отдела печати Дабендорфа Норейкиса и приказал им составить манифест. Жиленков, в качестве главы отдела пропаганды Русского освободительного движения, видимо, осуществлял переговоры с немецкими властями. Двое из вышеупомянутых, оставшиеся в живых, описывают процесс составления манифеста по-разному. Норейкис вспоминает, что Жиленков, созвав всех троих, потребовал, чтобы они спешно составили манифест, и прибавил, что не отпустит их, пока не получит удовлетворительного текста. Тогда Норейкис написал проект декларации, который Жиленков раскритиковал за журналистский подход. Защищая Норейкиса, Зайцев сказал, что при поставленных условиях можно и ожидать только лишь журналистики. Тогда проект был унесён и о нём больше не говорили.

К этому рассказу Зайцев прибавляет некоторые подробности и вносит оговорки. Например, когда Жиленков просил составить текст, который мог бы служить официальным манифестом, он прибавил, что ему нужен проект политической декларации и что Власов хочет получить его, чтобы внести туда историческое обоснование. Зайцев ответил, что он не может работать в коллективе и под давлением, но только самостоятельно. Было решено, что Ковальчук напишет введение, Зайцев — статьи программы, а Норейкис — заключение. Норейкис в своём рассказе отвергает версию разделения труда. Зайцев заявил, что не может составлять программу без подготовки, и

покинул остальных, с тем чтобы достать программу НТС и другие документы, которые считал необходимыми. Следующей ночью он составил четырнадцать пунктов программы, которые его будущая жена печатала под его диктовку. На следующее утро он передал свой вариант Жиленкову и последний остался им доволен»^{163}.

Однако Власов на вопрос следователя в 1945 г.: «Кто участвовал в составлении манифеста, написанного по предложению Гиммлера?» — отвечал иначе:

«Проект манифеста, который нами разрабатывался по предложению Гиммлера, составляли я, Малыгакин, Трухин, Жиленков и работавший в ведомстве Геббельса генерал-майор Закутный — бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса Красной Армии»^{164}.

Дмитрий Ефимович Закутный родился в 1897 г. на Дону. В 1911 г. окончил сельскую школу, а в 1914 г. экстерном сдал экзамен за 5 классов реальной училища, В РККА с 1918 г. С сентября — помощник командира батареи, с ноября — в штабной роте штаба южного боевого участка Царицынского фронта. 1 февраля 1919 г. — адъютант отдельного артдивизиона, затем адъютант артдивизионов ряда соединений. С 26 мая 1921 г. — исполняющий должность порученца в инспекции артиллерии 2-го Кавказского корпуса. С 21 августа — помощник адъютанта стрелкового полка, с 16 марта 1922 г. — командир взвода конной разведки стрелкового полка, с 25 июня — помощник начальника штаба стрелкового полка, с 25 июля — помощник начальника пулеметной команды, с 30 октября — помощник началытка штаба корпуса. Осенью 1923 г. зачислен слушателем на курсы усовершенствования при разведуправлении РККА, после окончания которых — заведующий разведотделом штаба корпуса. В 1925 г. — помощник начальника разведотдела штаба СКВО. В 1928 г. зачислен слушателем в академию РККА. В 1931 г. — начальник 1-й части штаба стрелкового корпуса. С марта 1932 г. помощник начальника 1-го сектора оперативного отдела Генштаба РККА, затем — заместитель начальника сектора. С 1935 г. — начальник 1-го отделения оперативного отдела Генштаба РККА, полковник. В 1936 г. зачислен слушателем в Академию Генштаба, а в 1938 г. назначен ассистентом кафедры службы штабов Военной академии им. Фрунзе. С 1939 г. — начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, комбриг. В 1940 г. ему присвоено звание «генерал-майор». 21 июля 1941 г. назначен командиром 21-го стрелкового корпуса. 26 июля в Гомельской области взят в плен. До конца лета содержался в особом опросном лагере в Лодзи, Осенью переведён в офлаг XIII-D в

Хаммельбурге. В контакт с Власовым вступил в августе 1944 г.^[165]

По воспоминанию Ф.П. Богатырчука, «13 ноября в специальном поезде члены Комитета отправились в Прагу на подписание Манифеста. Перед торжественным заседанием приём и обед у диктатора Чехии генерала Франка. На обеде присутствуют все члены президиума Комитета во главе с генералом Власовым, члены чешского кабинета министров во главе с премьером д-ром Крейчи и видные немецкие государственные деятели, среди них генерал Кестринг, заместитель министра иностранных дел Лоренц и др. Никаких речей.

Во время обеда мне пришлось сидеть с д-ром Крейчи. Незабываемое впечатление! Исключительно умный, интеллигентный и культурный человек. Интересная деталь: мы всю беседу пашу вели на смешанном русско-украинско-польском языке, несмотря на то что оба знали немецкий язык достаточно хорошо. Д-р Крейчи, намеренно уклоняясь от немецкого языка, очевидно, этим хотел подчеркнуть своё отрицательное отношение к немецкой диктатуре. Во время обеда он заметил иронически: “Что-то уж очень торжественно открывают Комитет”. — “Вы хотите, вероятно, сказать, что торжественностью хотят подменить дело?” — заметил я. Крейчи хитро улыбнулся, но промолчал»^[166].

Сергей Фрелих также принимал участие в этом событии. Он свидетельствует:

«Торжественное обнародование манифеста 14 ноября 1944 года состоялось в старинном дворце Храдчана, высоко над рекой Влтавой. С немецкой стороны хозяином был Карл Герман Франк, министр Богемии и Моравии. Как представитель немецкого правительства участвовал также обергруппенфюрер войск СС Вернер Лоренц. Гостями были: президент государства Эмиль Хаха, известные генералы Вермахта и войск СС, многочисленные русские, среди них глава русских эмигрантов в Германии генерал Василий Бискупский, начальник Русского Общевоинского Союза (РОВСа) генерал Алексей Лампе, начальник Дроздовской дивизии генерал А. Туркул, атаман донских казаков генерал П.Н. Краснов и казачий генерал-майор А.Г. Шкуро. Присутствовали также и родственники русских офицеров и чинов добровольческих отрядов и многочисленные остарбейтеры. Не все они сочувствовали власовской идее...

Профессор Сергей Михайлович Руднев, русский эмигрант из Берлина и старший член Комитета, открыл собрание короткой речью. Он был так взволнован, что плакал, произнося свою речь. Выбранный президиум состоял из генералов Малышкина, Трухина, Жиленкова, Закутного,

профессора Ф.П. Богатырчука и членов-кандидатов профессора Иванова, профессора Будзиловича и Ю. Музыченко (Письменного).

Центральным пунктом при обнародовании манифеста было выступление самого Власова, который спокойно своим глубоко звучащим басом обрисовал цели и возможности своей программы. Переводил его слова барон фон дер Ропп. Это было его последним выступлением для Власовского Движения, так как после перехода его в ведение СС многие сотрудники должны были прекратить свою деятельность, если они не хотели переходить в состав эсэсовских войск.

Для генерала Власова это стало большим днём. С ним он связывал большие надежды. Он верил, что обнародование Манифеста будет означать значительный успех для его движения и что он сможет, наконец, приступить к формированию своей освободительной армии. “Мы должны продвинуться в Россию, и тогда мы будем вести войну главным образом по телефону”, — сказал он. Он верил в возможность возникновения гражданской войны и доказывал это словами: “Как только наша армия появится на фронте, противник начнёт перебегать”»^{167}.

По поводу «обнародования Манифеста» весьма примечателен комментарий известного британского историка Джеральда Рейтлингера:

«Вступительное заседание КОПР 14 ноября 1944 г. было хорошо подготовлено. Специальный поезд доставил 500 делегатов из Берлина, из которых 49 были представителями комитетов, в то время как многие были восточными рабочими, которых гестапо вытасило из трудовых лагерей и снабдило комплектом одежды. Этим задавленным жизнью людям, у которых не было никаких гражданских прав, был навязан фиктивный комитет с председателями Горденко и Янушевским. Русские генералы-пропагандисты из Дабендорфа и Кибитцвега были здесь, конечно, представлены полностью, так же как и ведущие члены НТС — те же самые люди, которые совсем недавно мучились в Заксенхаузене по подозрению в переговорах с союзниками. Казаки были представлены генералами Балабиным и Туркулом, и были ещё многочисленные комитеты от национальных меньшинств, которые выступали в пользу федерализма под началом Власова, включая, как предполагалось, калмыков. Но комитеты, выступавшие от Прибалтийских республик, Белоруссии, народов Кавказа, делегаций не прислали. Как документ манифест КОПР интересен только как демонстрация немецкого камуфляжа. В нём приветствовалась германская военная помощь, и он обещал почетный мир с Германией, но в том, что касалось политики, не было никакого упоминания о чём-либо, что пахло бы Гитлером или национал-социализмом. И тем не менее этот

документ надо было отправить Гитлеру. “Любопытная вещь, — говорил Шерлок Холмс, — это поведение собаки в ночное время”. И Ватсон отвечал, что собака в ночное время ничего не делает. Если бы тут был хотя бы самый отдалённый шанс, что эта безобидная программа будет выполнена КОНР хотя бы на нескольких сотнях квадратных километров Советского Союза, то Гитлер аннулировал бы манифест. Но шансов на выполнение не было, и единственная цель в придании манифесту гласности была в том, чтобы убедить антикоммунистов мира, что Власов не действует по принуждению. По этой причине Власову было разрешено выдвигать идею правительства, которое в западных странах Гитлер осуждал бы как “декадентское, капиталистическое и порожденное средним классом”. Гиммлер настоял на преамбуле, в которой содержалась атака на “державы империализма, возглавляемые плутократами (то есть финансовыми магнатами, в основном евреями) Англии и США”. Это не изменило того факта, что власовские четырнадцать пунктов — снова символизм 1918 г. — были сознательной попыткой оформить свои демократические верительные грамоты для западных держав. И собака не залаяла»^[168].

К слову сказать, до сих пор сторонники Власова продолжают ставить знак равенства между Белым движением и русским коллаборационизмом времён Великой Отечественной войны. Всё это происходит от нежелания понимать суть происходивших событий в период Гражданской и Второй мировой войн. Именно с целью объяснить разницу первого и второго движений взялись В.К. Цветков, А.Н. Алекаев и Р.Г. Гаркуев в статье «Нельзя ставить знак равенства». В частности, они пишут:

«Важнейшим пунктом в программах Белого движения было следование политико-правовой преемственности от дореволюционной (1917 года) России. При этом определялось достаточно чёткое размежевание с представителями так называемой “революционной демократии”, выдвинувшимися на политическую авансцену после февраля 1917 года. Сотрудничество с ними не исключалось (Б.В. Савинков, Н.В. Чайковский), но только после того, как они открыто заявят о поддержке политического курса Белого движения и, в частности, о поддержке власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и его преемников (генералов А.И. Деникина, П.Н. Врангеля) и, следовательно, о признании приоритета норм военной диктатуры в качестве обязательного условия воссоздания в России законной власти. В белых правительствах активно разрабатывались проекты избирательного права применительно к выборам как высшего учредительно-санкционирующего органа власти

(Национального учредительного собрания), так и местного (земско-городского) самоуправления. Окончательное решение вопроса о политическом и государственном устройстве будущей России, а также о форме правления отводилось Учредительному собранию, которым должен был завершиться период “временных властей”, вынужденно образовавшийся после отречения от престола Государя Императора Николая II и отказа от принятой Престола Великим князем Михаилом Александровичем. Главным источником права становилась бы “соборная воля” народа России.

В “Пражском манифесте” ничего подобного не было. Учредительно-санкционирующий порядок установления будущей государственной власти России в нем вообще не упоминался. Более того, исходная позиция в отношении будущей российской государственности определялась достаточно конкретно. Это — февраль 1917-го. “В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную справедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости”, — говорилось в манифесте. Тем самым признавалась не формально-правовая сущность произошедших в феврале 1917-го перемен, а, в первую очередь, фактически сложившаяся система власти — то есть республика, санкционированная отнюдь не “соборной волей” народа, а единоличным решением А.Ф. Керенского (1 сентября 1917 года). Фраза об “отжившем царском строе” свидетельствовала о невозможности и недопустимости возвращения к монархии. “Мы за новую Россию, которую не создал ни царский режим, ни большевизм”, “Белое движение потеряло опору в народе”, “мы должны завершить Национальную революцию 1917 года”, — говорилось в статье газеты “Воля Народа”. Поскольку упоминания об учредительно-санкционирующем способе создания власти отсутствовали, с подлым основанием можно считать, что исполнение функций управления предполагалось структурами, созданными сами Комитетом освобождения, то есть коалиционным органом, составленным из различных военных, политических и общественных деятелей. Можно предположить, что КОНР в перспективе мог бы заявить о себе, как о некоем объединённом правительстве. В Гуверовском архиве сохранился безымянный проект “Конституции Российской державы” (в нём предполагается введение власти Правителя и Земского Собора), однако его идейно-политическая связь с “Манифестом” КОНР не прослеживается.

Однако подобная перспектива (КОНР как основа создания временной, коалиционной власти) опровергается тезисами “Манифеста”, имеющими, по сути, центральное значение: “Возвращение народам России прав, завоёванных ими в народной революции 1917 года... равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность”. Так представляется решение не только вопроса о форме правления (республиканская), но и о государственном устройстве на той территории, которую занимала бывшая Российская империя а в 1944 году — СССР. Это отнюдь не “единая Россия”, а в лучшем случае — союз формально независимых “народных государств” и государственных образований, объединённых только освобождением от большевистской системы. И здесь уместно подчеркнуть ещё одну принципиальную разницу между политическими позициями Белого движения и КОНРа. Белые политики и военные провозглашали лозунг “Единая, неделимая Россия” (допуская отделение от неё линии Польши и Финляндии), внутреннее устройство которой будет, возможно, допускать значительную степень областной автономии или будет построено на федеративных началах, но никоим образом не должно привести к распаду страны. А деятели КОНРа утверждали о невозможности в принципе существования каких-либо унитарных элементов государственности. Это, безусловно, тактическая неизбежность, поскольку в поисках союзников в антибольшевистском сопротивлении приходилось обращаться к различным националистическим, сепаратистским структурам (Украинская повстанческая армия, органы управления в казачьих областях, в Прибалтике и т.д.): Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе”. Но результатом подобного “сотрудничества” не могло стать иное решение, как отказ от единства России, утрата её территориального суверенитета. Военно-политическое “единство” на этапе “борьбы с большевизмом” вполне можно было трактовать как временное. (...)

Таким образом, в “Манифесте” вполне определенно просматривается та же идея создания государственных образований под верховным контролем Германии. Это подтверждает история возникновения и деятельности национальных формирований в составе Вермахта и войск СС, политических структур коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Но могут ли быть “национальными” режимы, находящиеся под непосредственным контролем со стороны агрессора? К тому же установившиеся с помощью страны, всего лишь два десятилетия до этого

бывшей противником России в годы Первой мировой войны? (...)

Тезис о том, что “Европа будет союзом национальных государств”, озвученный Власовым в его речи на пражском собрании, подчеркивал отсутствие принципиальных различий в официальных идейно-политических программах правительств государств, ставших союзниками Германии. Считая РОА и КОНР в числе этих союзников, Власов “раскрывает” этот тезис: “Сегодня мы можем заверить фюрера и весь немецкий народ, что в их тяжёлой борьбе против злейшего врага всех народов — большевизма народы России являются их верными союзниками и никогда не сложат оружия, а пойдут плечо к плечу с ними до полной победы”. В выступлении подчёркивалась важность “свидания с государственным министром Гиммлером... длительной и сердечной беседы, протекавшей в духе взаимного понимания и касавшейся всех вопросов счастливого будущего народов России”, а также “полного понимания” позиций КОНР, полученного Власовым со стороны “имперского министра иностранных дел господина фон Риббентропа”. (...)

Что же касается идеологических позиций лидеров Белого дела, то, несмотря на намерения к сотрудничеству с Германией, высказывавшиеся отдельными политиками, военными, партийными и надпартийными структурами после окончания Первой мировой войны и смены власти в Германии в 1919 — 1920 годах, ни в одном официальном заявлении белых правительств и лидеров движения не декларировался отказ от “союзнических обязательств” перед странами Антанты (хотя политика этих стран в отношении России была крайне противоречивой и непоследовательной).

Можно отметить и другие принципиальные отличия положений официальных документов КОПР от документов Белого движения. В “аграрном вопросе” “Манифест” предусматривал “безвозмездную передачу земли в частную собственность крестьян”. Подобного рода решения не принимались даже в рамках наиболее радикальной “земельной реформы” Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля в 1920 году. За землю, закрепляемую крестьянам в собственность, предполагалась уплата, хотя и незначительного, выкупа в форме “пятикратного среднего за последние десять лет урожая” зерновых в Таврии. Подобного рода проекты “безвозмездного наделения” были характерны именно для программ эсеров и социал-демократов, идейно-политическое сходство с которыми фактически декларировалось КОПР.

И еще одно важное отличие. Во всех без исключения программных заявлениях Белого дела содержались упоминания о значительной роли

Русской Православной Церкви. Связь Церкви, власти и общества предполагалась не в форме возврата к “синодальному периоду”, когда Церковь являлась одним из элементов государственной системы, а в форме сотрудничества с Церковью и деятельной её поддержки со стороны государства. Показательно завершение политического курса Белого дела в России актом благословения Церковью деяний Приамурского Земского Собора в 1922 году, предreshавшего восстановление на Российском Престоле династии Романовых. В “Манифесте” же КОНР нет ни слова о роли Русской Православной Церкви в будущей, освобожденной от большевизма, России. Упоминание в “Манифесте” о “религиозных свободах” употреблялось лишь в контексте предложения о “введении действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати”»^{169}.

В общем, как точно констатируют авторы статьи, единственным общим положением в программе Белого движения и планах КОНР была непримиримая «борьба с большевизмом».

По вернемся ненадолго в тот ноябрьский день 1944 года. После заседания министр Богемии и Моравии во дворце Черни дал торжественный банкет на шестьдесят человек. Для рядовых членов КОПРа вечер устроили в Пражском автомобильном клубе, который очень быстро превратился в банальную пьянку.

Пражское торжество было продолжено в Берлинском доме Европы. 18 ноября там состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНР. Зал, вмещавший около полутора тысяч человек, был заполнен почти исключительно русскими. Духовенство заняло первые ряды. Вместе с ними расположились военнопленные, доставленные прямо из лагерей.

В этот день Власов ещё раз зачитал манифест.

Произнёс пламенную речь и протоиерей Александр Киселёв. В частности, священник сказал: «Вы, глубокочтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России, и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единодушно и смело на святое дело спасения отчизны. Не гордо, потому что “Бог гордым противится, а смиренным даст благодать”, но мужественно и смело, потому что “не в силе Бог, а в правде”. Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своём наставлении сыну — “на добрые дела благословение дам, а на плохие дела благословения нет”»^{170}.

Вряд ли А. Киселёв понимал, как и многие другие присутствующие в зале, что КОНР — это мертворождённое дитя. Фикция «Комитета Власова»

вполне подтверждается дальнейшими событиями, о которых писал Ф.П. Богатырчук:

«Когда я в один из следующих дней пришёл к Закутному, то он меня сразу огорошил сообщением, что он только что от Власова и от него узнал приятную — вернее сказать, навязываемую нам — схему рабочих взаимоотношений с немцами. Оказывается, все наши распоряжения и решения только тогда имеют законную силу, когда они одобрены соответствующими немецкими комиссарами... Все управления и сколько-либо крупные учреждения имели своих эсэсовцев, которым мы должны были представить наши планы. Комиссары связывались с соответствующими учреждениями и после консультации с ними говорили нам, приемлемо ли наше постановление или предложение либо нет»^{171}.

В своём труде Е. Андреева дополняет историческую картинку КОНР такими деталями:

«Документация о дискуссиях в КОПР и деятельности его различных секций и подкомиссий для потомства не сохранилась. Поспешность, с которой русские старались привести организацию в состояние действия, беспорядок, царивший в последние месяцы войны, бомбардировки союзников — всё это не способствовало сохранности документов; протоколы же заседаний КОНР и списки лиц, участвовавших в них, были намерено уничтожены власовской канцелярией перед эвакуацией КОНР из Берлина, чтобы эта информация не попала в советские руки.

КОНР должен был представлять различные слои советского общества и национальности СССР. Из тридцати семи действительных членов, подписавших манифест, тринадцать человек были членами Красной Армии, девять — советскими университетскими преподавателями, семеро представляли старую эмиграцию, была одна крестьянка; среди остальных членов было двое заводских рабочих. По линии представительства национальностей СССР в КОНР, кроме русских, входили украинцы, белорусы, казаки и представители народов Кавказа и Туркестана. После пражского съезда КОНР разросся до 102 членов, но полного списка имён не сохранилось. Хотя назначение в члены КОНР теоретически было чисто внутренним делом «власовской акции», фактически необходимо было получить согласие немецких властей. Предполагалось, что полный состав Комитета будет встречаться ежемесячно для утверждения различных решений, принятых его подкомиссиями. После первоначальной встречи в Праге и подобной же церемонии обнародования манифеста в Берлине 18 ноября, второе заседание КОНР состоялось 17 декабря 1944 года, а третье и последнее имело место 27 февраля 1945 года в “Ричмонд Отель” в

Карловых Варах в Чехословакии, после эвакуации КОНР из Берлина. В марте и апреле полный состав КОНР не заседал, состоялось только собрание президиума, на котором обсуждались, главным образом, трудности вооружения и расположения частей КОНР»^{172}.

Здесь стоит отметить, что КОНР был создан тогда, когда до поражения Германии и её капитуляции оставались считанные месяцы. Отсюда следует вполне закономерный вопрос: на что надеялся Власов и его сподвижники? Ведь в отличие от других Андрей Андреевич не мог не понимать, на что он идёт. При этом же очевидно: обратной дороги у предателя не было. За время своего предательства он зашёл так далеко, что эта жизнь сотрудничества с врагом засосала его окончательно.

Однажды летом 1943 г. в берлинском предместье Власов встретился с капитаном РОА Н. Старицким, из бывших белогвардейцев, прибывшим в отпуск с Восточного фронта. Эта встреча примечательна следующим разговором:

«Затем он обратился ко мне: “Теперь, когда я вас ознакомил со здешней обстановкой и нашими надеждами, я хочу задать вопрос. Вы знаете немцев лучше, чем я, скажите — можно ли вообще работать с ними?”

Я отвечал: “Если мы не можем работать с ними, то что должны мы делать? Я — возвращаться обратно во Францию, вы — в лагерь пленных, и оба пассивно созерцать происходящие события? Если же мы хотим влиять на них, мы должны в них участвовать. Какие же к тому возможности? В рядах Красной армии ни мне, ни вам нет места, пока она не сбросит коммунистическое руководство. В рядах англичан и американцев, славословящих Сталина-патриота, нам также нет места, так как наши стремления к свержению Сталина и его власти им не выгодны, и они не дадут нам действовать в этом направлении. Их существование — на карте, а Гитлер — их главный враг. Нравятся или не нравятся нам немцы, но только здесь есть возможность для нас влиять на события, имея в руках оружие”.

Мой ответ не удовлетворил Власова. “Хорошо, — сказал он, — тогда я спрошу иначе: что будут делать немцы дальше в отношении русского вопроса? Я вам обрисовал обстановку и сообщил о своих надеждах”.

Я начал издаലെка, сказав, что теряю надежду на изменение немецкой политики, указав, что считаю Гитлера таким же фанатиком, как и Сталина. “Один — фанатик мировой революции, другой — теории расового господства немцев на Востоке. По-видимому, факты жизни не учат фанатиков”... Власов остановил меня.

“Всё это верно, — сказал он, — но как вы представляете себе, что практически будут делать немцы в ближайшее время?”

Я видел, что Власов ждал прямого ответа, без всяких теоретических обиняков.

“Я не верю в скорое изменение немецкой политической линии в отношении русского вопроса, — сказал я. — Немцы будут продолжать свою нынешнюю политику, спекулируя вашим именем. Но их уже два раза сильно разбили: раз под Москвой, — вы участвовали в этом, — второй раз под Сталинградом. Они будут разбиты еще и третий и четвёртый раз. Вот тогда можно ждать, что они искренно придут к вам. Но я боюсь, что будет слишком поздно”.

Эффекта, произведённого этими словами, я не предвидел. Власов молча высоко поднял кулак и со страшной силой обрушил его на стол, так что подбросило массивный письменный прибор. “Вы первый мне сказали то, о чём я сам ночами думаю”, — сказал он, продолжая давить кулаком на стол»^{173}.

Позднее, пытаясь объяснить позицию Власова под немцами, Н. Старицкий напишет:

«...безнадёжность положения Германии была Власову достаточно ясна. О том свидетельствует его ответ, перед разговором с Гиммлером, на предупреждение своего ближайшего немецкого советника капитана Штрик-Штрикфельдта, что “уже поздно”.

Власов тогда ответил последнему: “Не могу уклониться, когда столько людей пошло за мной и я должен идти до конца”.

Этот конец не связывался Власовым с концом борьбы Германии. Создание армии должно было объединить разрозненные силы и дать им пережить поражение Германии, чтобы включиться затем на стороне других сил, которые должны были заменить Германию, в борьбе с коммунизмом. К этой цели и стремился Власов в беседе с Гиммлером, не раскрывая свои карты. Завуалированно он раскрыл их в своей речи два месяца спустя, в Праге, при провозглашении своего манифеста: “...Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь со стороны Германии. Эта помощь в данное время — единственная реальная возможность организовать вооружённую борьбу против сталинской клики...” — подчеркнул Власов в своей речи»^{174}.

Но еще более точно позицию Власова выразил Юрий Финкельштейн:

«Найдя покровителя в лице Гиммлера, Власов стал терять старых друзей. Его покинул “домашний святой” Вильфрид Штрик-Штрикфельдт.

Не пожелал немецкий офицер, к тому же кадровый разведчик, сотрудничать с СС и Гиммлером. 14 ноября 1944 года он ещё присутствовал на “пире во время чумы” — торжестве в Праге, когда был обнародован Манифест движения и создан декоративный Комитет освобождения народов России (КОНР) с Власовым во главе. Всей душой сочувствуя военнопленным, А. Солженицын тем не менее назвал этот Манифест “по-прежнему ублюдочным, ибо в нём не разрешалось мыслить Россию вне Германии и вне нацизма”. Всё в Праге было под стать этому “ублюдочному Манифесту” и завершилось грандиозной пьянкой. Пили по-чёрному. Впрочем, так пили уже не первый год.

Штрик-Штрикфельдт советовал Власову, огласив Манифест, выйти из игры, заявив, что правительство Гитлера не сдержало своих обещаний. Он понимал, что углубление связи с нацистами (теперь уже непосредственно с Гиммлером — худшим из них) ведёт как Власова, так и всё Движение к позору и гибели. Лучше уж вернуться в лагерь для военнопленных или оказаться в тюрьме! Генерал ответил, что “миллионы людей надеются на него ...и он не может бросить их, он должен идти по этому пути до горького конца”.

По воспоминаниям Фрёлиха, Власов холодно расстался со своим верным другом и советчиком. Штрик-Штрикфельдт действительно “вышел из игры” и отправился в тихое поместье писать мемуары — историю власовского движения. Власов такой возможности не имел, а потому прощание с Штрик-Штрикфельдтом “было чисто формальным. Поведение Власова, — пишет Фрёлих, — было для меня ещё одним доказательством влияния на него советской школы, а именно: не следует выражать симпатии к другу, попавшему в немилость”.

Но не смог генерал просто так отпустить “домашнего святого”, не излив ему душу, не попытавшись найти себе оправдание. “Я действовал не из честолубия, — говорил Власов. — Я не рассчитывал ни на что. Обстоятельства просто заставили меня действовать так, а не иначе...”»^{175}

Словом, Власов не пошёл против Сталина. Кому, как не ему, было знать о том, что идти против Сталина у него «кишка тонка». Власов, оказавшись в руках обстоятельств, пошел против своей Родины, против своего народа, и лишь в последнюю очередь против той власти, благодаря которой он и стал тем, кем оказался в немецком плену.

В том числе и поэтому Власов был объявлен немцами номинальным «вождём» Русского освободительного движения лишь за считанные месяцы до поражения Третьего рейха, когда об этом не догадывался только больной или ленивый человек.

И, тем не менее, «время идёт, а личность и судьба генерала Власова до сих пор остаются в центре бурных дискуссий, где эмоции преобладают над реальным знанием — пишет Ю. Финкельштейн. — Это и заставляет говорить о “феномене Власова”, в котором отразился трагический пласт русской истории её советского периода»^{[176](#)}.

Что ж, точнее уже и не скажешь!

«ИУДА» ИЗ ГРУ

Если бы Владимир Богданович Резун (Виктор Суворов) захотел бы посвятить своего читателя в эту историю, то в заключение он бы обязательно написал так: такого-то числа и такого-то года Военная коллегия Верховного суда СССР признала такого-то виновным в измене Родине и приговорила его к высшей мере наказания — смертной казни через сжигание. Вы думаете, нет? А зря. В книге «Аквариум» есть пролог, и там он описывает как раз то, чего никогда не было. Однако совершенно бесспорно то, что так интереснее...

«На экране высокая мрачная комната без окон. Среднее между цехом и котельной. Крупным планом — топка с заслонками, похожими на ворота маленькой крепости, и направляющие желоба, которые уходят в топку, как рельсы в тоннель. Возле топки люди в серых халатах. Кочегары. Вот подают гроб. Так вот оно что! Крематорий».

Вам ещё не страшно? Тогда подождите немного, будет страшнее, а как иначе!

«А вот крупным планом камера показывает лицо живого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки. Лицо показывают со всех сторон бесконечно долго. Наконец камера отходит в сторону, показывая человека полностью. Он не в халате. На нём дорогой чёрный костюм, правда, совершенно измятый. Галстук на шее скручен в веревку. Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на ручки так, чтобы человек мог видеть топку». Дальше военно-исторический сказочник с фамилией великого русского полководца, никак не подходящей ему в качестве псевдонима, продолжает:

«Он страшно кричит. Звука нет, но я знаю, что от такого крика дребезжат стёкла. Четыре кочегара осторожно опускают носилки на пол, потом дружно поднимают их. Привязанный делает невероятное усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Титаническое напряжение лица. Вена на лбу вздута так, что готова лопнуть. Но попытка укунить руку кочегара не удалась. Зубы привязанного впиваются в его собственную руку, и чёрная струйка крови побежала по подбородку. Острые у человека зубы, ничего не скажешь. Его тело скручено крепко, но он извивается, как пойманная ящерка. Его голова, подчиняясь животному инстинкту, мощными ритмичными ударами бьёт о деревянную ручку, помогая телу. Привязанный бьётся не за свою жизнь, а за лёгкую смерть».

Ведь здорово пишет, чёрт побери, этот Суворов-Резун. Пишет так, будто действительно там присутствовал! А вот и кульминация: «Носилки вновь на направляющих желобах. И я снова слышу этот беззвучный вопль, который, наверное, способен срывать двери с петель. Я с надеждой вглядываюсь в лицо привязанного. Я стараюсь найти признаки безумия на этом лице. Сумасшедшим легко в этом мире. Но нет этих признаков на красивом мужественном лице. Не испорчено это лицо печатью безумия. Просто человеку не хочется в печку, и он это старается как-то выразить. А как выразить, кроме крика? Вот он и кричит. К счастью, крик этот не увековечен. Вот лаковые ботинки в огонь пошли. Пошли, чёрт побери. Бушует огонь. Наверное, кислород вдувают. Два первых кочегара отскакивают в стороны, два последних с силой толкают носилки в глубину. Двери топки закрываются, и треск аппарата стихает».

Жертву, которую сожгли в топке, Суворов-Резун называет бывшим полковником. «Он был в нашей организации. На высоких постах. Он организацию обманывал. За что его из организации исключили. Вот он и ушёл. Такой у нас закон», — утверждает автор «Аквариума». И всё же непонятно, кого конкретно имел в виду Владимир Богданович. Известно лишь, что тот, про кого мы будем говорить, был первым предателем из ГРУ, о котором на Западе писали, что в назидание другим сотрудникам его заживо сожгли в топке крематория...

Филипп Денисович Бобков прослужил в органах госбезопасности 45 лет. Ему довелось пройти поистине большой путь от рядового до генерала армии, первого заместителя председателя КГБ. Поэтому мнение такого специалиста однозначно авторитетно:

«Проникновение в секретные центры и вербовка агентов являются одной из важнейших задач спецслужб любой страны. И задача это далеко не простая. Человек, признанный выполнять такую работу, должен отличаться не только огромной выдержкой, силой воли и мужеством (помимо специального образования и профессиональной подготовки), но должен обладать ещё интуицией и достаточным интеллектом.

Действуя во враждебной среде, разведчику необходимо уметь быстро ориентироваться в любой самой сложной ситуации, предугадывать возможные действия противника, «просчитывать» варианты, продумывать свои ответные шаги.

Разведчик обязан досконально изучить историю, быт, нравы и обычаи страны, где он работает, изучить во всех деталях.

Известно, что во многих государствах мира ведётся постоянная слежка за большинством людей, впервые появившихся в стране. Проверяют, с кем человек встречается, чем интересуется, знакомятся с его привычками, наклонностями, телефонными переговорами и перепиской, не падок ли он на деньги — короче говоря, внимательно изучается каждый поступок, каждый шаг.

Сотрудник, выполняющий специальное задание, должен обладать хорошей памятью, без труда запоминать лица, тексты, номера телефонов. Он может выполнять порученное ему дело, если способен отказаться от своих привязанностей, привычек и увлечений. Часто разведчикам приходится надолго терять связь с семьей и близкими, скрывая от них причину долгого отсутствия, приходится вести жизнь, полную тревог, не дающую возможности расслабиться ни на час.

Но даже владеть всеми этими качествами недостаточно. Остаётся главное: во имя чего соглашается человек на такую жизнь. Это обычно либо глубокая убеждённость в правоте дела, которому ты служишь, либо желание заработать большие деньги».

Наш «герой», видимо, пришел в разведку заработать большие деньги, потому что 1 января 1953 года он подошёл к вице-консулу США в Вене и

попросил устроить ему выход на американское представительство ЦРУ в Австрии. Кроме просьбы советский офицер передал записку, в которой были указаны предлагаемые им услуги и место первой (вербовочной) встречи.

Ведущий американский писатель, специализирующийся на теме разведки и шпионажа, Дэвид Уайз в книге «Охота на “кротов”» так описывает действия с той стороны:

«Годом ранее П.П., подполковник ГРУ, вошёл в контакт с ведомством в Вене. От советского отдела его руководителем был Джордж Кайзвальтер. П., которому дали псевдоним “Грэлспайс”, стал первым агентом ЦРУ в советской разведке. Приобретение агента на месте, в степях ГРУ (советской военной разведки), было большим событием в Лэнгли. Для обеспечения поддержки операции с П. в рамках советского отдела было создано специальное подразделение, получившее обозначение SR-9». Это обозначение автор комментирует так: «В то время отдел назывался “Отдел Советской России”. Отсюда сокращение SR-9. Впоследствии название изменили на “Отдел советского блока” (SB). Были и другие изменения и слияния. В последние годы отдел известен как “Советский / Восточноевропейский отдел” (SE)».

«Задача Эдварда Эллиса Смита состояла в подборе тайников в Москве, чтобы у ЦРУ имелась возможность держать связь с П. в случае, если его отзовут из Вены обратно в штаб-квартиру ГРУ, — продолжает Уайз.

Смит подыскивал места для устройства тайников и подготавливал их для П., — подтвердил Кайзвальтер. — Его выбор был никуда не годен. П. не понравились места, выбранные Смитом. “Они паршивые”, — жаловался тот. Смит, слава Богу, не знал, что готовит тайники именно для П.

Побывав в Москве, П. проверил тайники, выбранные Смитом. Когда он вернулся в Вену и на конспиративной квартире встретился с людьми из ЦРУ, он был расстроен. “Чего вы пытаетесь добиться — погубить меня?” — спросил он. П. жаловался, что тайники недоступны; было бы самоубийством использовать их».

По этому поводу Уайз уточняет: «Тайники — это потаённые места, где Агент может оставить ролики с плёнкой или документы для последующего изъятия их оперативным работником. Места для тайников должны быть легкодоступными, но не настолько, чтобы дворник или играющие в парке дети случайно наткнулись на них. Как правило, ЦРУ использует пространство за батареями в подъездах домов или полые кирпичи либо пустоты за расшатавшимися камнями в стенах.

Жалобы П. по поводу тайников описаны в автобиографии Пира де

Сильвы, сотрудника ЦРУ, руководившего операцией обеспечения агента из ГРУ. Но де Сильва не указывал, что именно Смит выбирал для тайников».

«Эдвард Эллис Смит родился и вырос в крепкой баптистской семье в Паркеребурге (штат Западная Вирджиния), закончил Университет Западной Вирджинии в 1943 году, во время Второй мировой войны. Он пошёл в армию, служил в Европе и заработал три Бронзовые Звезды за мужество. После войны работал в Вашингтоне, в армейской разведке, и изучал русский язык в разведшколе ВМС. В 1948 году он на два года уехал в Москву в качестве помощника военного атташе. К сентябрю 1950 года вернулся в Вашингтон и теперь был откомандирован в ЦРУ.

В 1953 году советский отдел ЦРУ собрался впервые направить своего человека в Москву. С его знанием русского языка, разведывательной подготовкой и предыдущей командировкой в советскую столицу, Смит, которому тогда исполнилось 32 года, был явным кандидатом. Он ушел из армии, и ведомство направило его в Москву под дипломатическим прикрытием, в качестве атташе». Как рассказывает далее Уайз, Смита уволили из ЦРУ. Причем, вероятнее всего, не из-за плохо выбранных тайников, а совсем по другой причине:

«По мнению Кайзвальтера и других бывших сотрудников ЦРУ, Смит был сексуально скомпрометирован своей горничной, которая оказалась “ласточкой”, женщиной — сотрудницей КГБ.

“В КГБ его прозвали “рыжий”, — сказал Кайзвальтер.

Это был их шифр. У него были светло-рыжие волосы. Не огненно-рыжие. Рыжеволосой была и Валя, горничная. Он хвастался, что она делает отличный “мартини”, и нам это не очень-то и нравилось. Они (КГБ) вынудили Смита один раз выйти на встречу. Мы не знаем, что он тогда передал им. Они готовили вторую встречу, пытались организовать новые встречи».

Но Смит, понимая, что попал в большую беду, признался своему начальству, что угодил в «медовую ловушку» КГБ. По словам Пита Бэгли, который впоследствии занимался вопросами контрразведки в советском отделе, Смит доложил о попытке КГБ завербовать его в 1956 году, его вернули в США, допросили, а поскольку его ответы не вызывали восторга, его уволили.

Ни слова о катастрофе в Москве не просочилось. ЦРУ сумело держать под спудом тот факт, что первый сотрудник, которого оно когда-либо отправляло в Москву, попал в ловушку КГБ...

Эдвард Эллис Смит переехал в Сан-Франциско и сделал блестящую карьеру как директор банка, писатель и эксперт по Советскому Союзу, а его

неблагоразумное поведение в Москве осталось тайной, похороненной в прошлом. В число его книг вошло исследование об охране царской тайной полиции и о молодых годах Сталина...

В 1972 г. Смита избрали в совет управляющих эксклюзивного Клуба содружества. Десять лет спустя, в субботу 13 февраля 1982 г., сразу после полуночи, в Рэдвуд-Сити Смит был сбит пронесшимся, по словам свидетелей, на большой скорости на красный свет белым «корветом», при этом водитель скрылся с места происшествия. Полиция выяснила, что у Смита был портфель, в котором находились заметки для книги, в которой должны были фигурировать ЦРУ и КГБ, но представитель полиции также отметил, что, несомненно, причиной смерти явился несчастный случай.

Известно, что уже на следующий день водитель автомобиля сдался полиции. Его приговорили к уплате штрафа в размере 750 долларов и тюремному заключению сроком на один год.

Со слов Уайза, Джордж Кайзвальтер «походил на крупную лохматую овчарку. Это был самоуверенный человек, не признававший авторитетов, сердцем оперативный работник, но где-то глубоко в душе возмущавшийся клубной атмосферой, царившей в ведомстве, которое, как он понимал, не позволит ему выдвинуться на высокий пост, поскольку он навсегда остаётся аутсайдером, иностранцем по рождению, уроженцем царской России.

Кайзвальтер, старший из двух сотрудников, родился в Санкт-Петербурге в 1910 году. Его отец, специалист по снаряжению царской армии, в 1904 году был направлен в Вену для наблюдения за производством снарядов для войны с Японией. Там он встретил француженку из Дижона, школьную учительницу, которая приехала с ним в Россию и вышла за него замуж. Когда началась Первая мировая война, старшего Кайзвальтера направили в Соединённые Штаты на военный завод близ Честера (штат Пенсильвания), где производились трехдюймовые снаряды для России.

После революции в России он вывез свою жену и сына в Нью-Йорк. Кайзвальтеры стали гражданами США. Их сын Джордж в 1930 году закончил Дартмутский университет со степенью бакалавра, а спустя год получил степень магистра по гражданскому строительству.

Молодой специалист Кайзвальтер устроился на работу в нью-йоркский департамент городских парков, где помогал в строительстве зоопарка для детей в Центральном парке. Затем он поступил на службу в армию. Когда разразилась Вторая мировая война, армейское руководство, узнав, что Кайзвальтер говорит по-русски, направило его на Аляску в качестве офицера связи с советскими лётчиками, перегонявшими порядка

двенадцати тысяч военных самолётов в Советский Союз через Фэрбанк.
(...)

В конце войны Кайзвальтер служил в разведотделе армейской разведки в Германии. Два года он работал с генералом Рейнхардом Геленом, который возглавлял “Иностранные армии Востока” — отдел германского Генерального штаба, осуществлявший сбор разведывательной информации по Советскому Союзу. Кайзвальтер проводил опрос Гелена, которого ЦРУ планировало назначить руководителем западногерманской разведки, “обо всём, что тот знал о Советской Армии”.

Затем Кайзвальтер, оставив службу в армии и работу в разведке, отправился в штат Небраска, где в течение пяти лет занимался выращиванием люцерны. Его фермерская карьера была недолгой. В 1951 году он поступил в ЦРУ и завоевал там себе репутацию, благодаря которой спустя десяток лет он появился на конспиративной квартире в Женеве».

И вот он выезжает в Вену, как Гарри Гроссман, для установления контакта с «инициативником». На первой встрече с агентом Кайзвальтер сделал всё, чтобы установить с ним самые непринуждённые отношения.

В «Империи ГРУ» об этом говорится так: «Силой Кайзвальтера в общении с новым агентом была его способность завоевать доверие П. долгими часами совместных выпивок и разговоров. Ему ничуть не претила крестьянская простота П., и об этих выпивках после удачных операций было хорошо известно сотрудникам ЦРУ, знавшим о П. У многих из них сложилось впечатление, что П. считал Кайзвальтера своим другом. В то время по ЦРУ ходила шутка, что в одном советском колхозе у управления есть своя корова, так как на деньги, данные Кайзвальтером, П. купил тёлку своему брату-колхознику».

Как считает И.Ю. Коротченко, продуктивной работе с П. в немалой степени способствовали доверительные отношения, которые сложились у него с Джорджем Кайзвальтером: «В оперативной практике спецслужб данное обстоятельство порой имеет ключевое значение для достижения успеха. Кайзвальтер был огромным мужчиной мощного телосложения ростом более 6 футов с располагающим лицом дружелюбно настроенного бармена. Коллеги в Лэнгли звали его “медвежонком”. Наружность и поведение Джорджа Кайзвальтера скрывали быстрый ум, сочетающийся с энциклопедической памятью. Среди оперативных работников советского отдела ЦРУ он был первым среди равных».

Возвращаясь к первой встрече с сотрудниками ЦРУ, необходимо отметить: офицер ГРУ сразу же попросил денег, чтобы уладить дела с его любимой женщиной. Естественно, всё тот же Кайзвальтер такую просьбу встретил с большим пониманием. Что же касается тёлки для брата, то об этом не без юмора пишет И.Г. Атаманенко:

«На одной из явок Джордж, дружески похлопав Грэлспайса по плечу, поинтересовался, нет ли у него просьб личного характера.

— Есть! — с готовностью ответил П. — Вы не могли бы ссудить мне немного денег на покупку бычка?

Кайзвальтер от неожиданности чуть было не соскользнул из кресла на пол.

— Как вы сказали? Бычка? Но для кого, для чего?!

— Видите ли, у моего брата, колхозника, пала тёлка... Простудилась и

откинула копыта... Ну, такое случается при нашем, русском климате... Так вот, я хотел подарить брату тёлку или бычка... Если вы, конечно, дадите денег...

— Нет проблем! — едва сдерживая смех, ответил Кайзвальтер и вынул из бумажника три тысячи долларов. — Хватит?

— Вполне! — поперхнувшись от волнения, ответил П. “Боже мой! — мысленно воскликнул Кайзвальтер, — мне бы твои проблемы... Бычок, тёлка... А ведь передо мной — разведчик! Чёрт бы тебя подрал! Ладно, — успокоил себя Джордж, — отбросов нет — есть кадры!..”

Вернувшись в резидентуру, Кайзвальтер доложил шефу содержание беседы с Грэлспайсом. Упомянул и о бычке. Резидент, нахохотавшись и утерев слёзы, заметил: “Джордж, я вас поздравляю. Благодаря вашим стараниям управление теперь имеет собственную корову в советском колхозе!”»

Надо сказать, что на встречах с агентом Кайзвальтер проводил прямой опрос всегда сам. Или почти всегда сам. Потому что, кроме всего прочего, он выступал ещё и в качестве переводчика.

Вечно раскованный Джордж обычно спрашивал «клиента», на каком языке ему удобнее разговаривать: на русском или английском. И если язык выбирался русский, то Кайзвальтер работал больше всех.

Любопытно, что впоследствии Кайзвальтер будет работать с самим Пеньковским. Как известно, он тоже был из ГРУ. Например, из книги «Шпион, который спас мир», в которой очень подробно рассказывается о работе с очередным советским предателем, можно узнать некоторые штрихи к технике такого специалиста ЦРУ, как Кайзвальтер.

Вот он, полноватый, в помятом костюме, старается подбодрить агента: «Вы знаете, теперь вы в хороших руках» или «Кайзвальтер объяснил, что англичане и американцы получили его первое письмо с планом тайника.

— Вы имеете в виду то письмо, которое я дал двум учителям? — спросил Пеньковский. — Если бы вы знали, сколько седых волос появилось у меня с тех пор, если бы вы только дали знак, что письмо попало в нужные руки. Я так из-за этого переживал».

«Кайзвальтер изложил Пеньковскому ряд оперативных требований, которые надо было выполнять. Первым и наиболее важным соображением безопасности Пеньковского, утверждал он, должно было стать абсолютное исключение любых нелегальных отношений всякого порядка с Гревилем Винном и британским бизнесменом... Все контакты должны были ограничиться официальными встречами только с работой».

«Спецгруппу беспокоила безопасность Пеньковского, и Кайзвальтер спросил его, сколько времени он может уделить этой встрече.

— Я очень рад, что моё первое письмо у вас. Я воспрял духом и совершенно не устал, — ответил он.

— У вас не будет неприятностей из-за того, что вас нет на месте? — спросил Кайзвальтер.

Пеньковский сказал, что никаких проблем не возникнет...»
«Кайзвальтер предупредил Пеньковского:

— Во всяком случае, вам необходимо быть постоянно начеку, поскольку очень трудно определить, что представляет для вас опасность, а что — нет.

— Да, я просил вас защитить меня, но и сам себя в обиду не дам, — сказал Пеньковский.

— Вы уже достаточно рисковали, но, слава Богу, всё кончилось благополучно. Тем не менее необходимо быть сверхосторожным, — добавил Кайзвальтер.

— Да, всё, слава Богу, обошлось. Спасибо вам за ваше внимание, — сказал Пеньковский.

Настроение встречи менялось. В комнате нельзя было продохнуть от сигаретного дыма, однако, по соображениям безопасности, окна оставались закрытыми. Мужчины сняли пиджаки и ослабили галстуки. Напряженность возросла. Спецгруппа понимала, что вот-вот завладеет серьёзным офицером высокого ранга с допуском к советским военным секретам и выходом на высшие военные чины».

Даже из этих отрывков можно сделать следующее заключение: обходительность и вежливость — это особенный почерк Кайзвальтсера, который давал определенный шанс на успех. И действительно, он был преуспевающим сотрудником ЦРУ. Этого у него никак не отнять!

В Центральном разведывательном управлении считали, что в целом советские люди представляют весьма дисциплинированных людей. Потому что большая часть из них отличалась бдительностью и подозрительностью, а интенсивная идеологическая обработка вопреки всем психологическим законам не действовала.

И хотя предательство «по самой своей сути» было нетипично для гражданина СССР, все-таки находились те, кто был склонен, так сказать, к самым разным приключениям. На предательство же (шпионаж или побег на Запад), «шли неустойчивые в моральном и психологическом отношении люди».

Именно таких в ЦРУ считали «ненормальными», и потому там более всего были заинтересованы в «нормальных людях». В отношении таковых предполагалось «обращать особое внимание на представителей среднего возраста. Появление различных эмоциональных и умственных расстройств имеет место наиболее часто у людей средневозрастной категории. Период жизни, начиная с тридцати семи лет и позже, включает наибольшее число разводов, алкоголизма, супружеской неверности, самоубийств, растрат и, возможно, измены. Причина этого явления довольно ясна. В это время начинается спуск с физиологической вершины. Некогда дети, теперь выросли и вдруг столкнулись с острым сознанием, что их жизнь проходит, амбиции и мечты юности не сбылись, и иногда наступает их полный крах. В то время наступает момент переломов в служебном положении, перед каждым человеком встаёт мрачная и скорая перспектива пенсии и старости. Многие мужчины в это время зачастую полностью пересматривают свои взгляды на жизнь, религию и моральные представления. Это то время, когда человек как бы заново приглядывается к себе и в результате часто бросается в крайности. С оперативной точки зрения период сороковых штормовых представляет чрезвычайный интерес» (Из документа ЦРУ, относящегося к концу 1960-х — началу 1970-х годов. Империя ГРУ).

Пётр Семёнович Попов родился в 1923 г. в деревне Селище Кадыйского района Костромской области в крестьянской семье. В момент его выхода на контакт с ЦРУ (1953 г.) ему было 30 лет. Следовательно, нашего «героя» с превеликой точностью можно отнести по меркам той стороны к советским людям из числа «ненормальных». В сущности,

подполковник ГРУ Попов таковым и был...

В августе 1942 г. его призвали в армию, и, начав свой путь рядовым, Попову посчастливилось закончить войну офицером тыла. История умалчивает, но именно тогда, не без протекции, Пётр Семёнович назначается порученцем небезызвестного генерала Серова. Историк Никита Петров в книге об этом человеке, в частности, пишет:

«Приказом НКВД № 00780 от 4 июля 1945 года Серов был назначен Уполномоченным НКВД СССР по ГСОВГ. С разворотом деятельности Серова и его аппарата в Германии, немцы познали все ужасы советской карательной системы. На месте нацистских концлагерей были организованы спецлагеря НКВД, куда сажали людей без предъявления конкретных обвинений и без каких-либо формальных санкций. В этих лагерях смертность заключённых была чрезвычайно высокой. За четыре года, с мая 1945 по май 1949 года, в спецлагерях НКВД — МВД в Германии умерло 41 907 немецких граждан, что составило примерно 35% от общего числа немцев, находившихся в них. Смертность советских граждан в этих спецлагерях была несопоставимо ниже».

Пройдут годы, и после смещения генерала Серова с должности председателя КГБ за него всерьёз возьмётся председатель КПК Шверник: «31 декабря 1958 года он направил Хрущёву пространную докладную записку “о фактах преступной деятельности Серова”. В ней Шверник писал, что Комитетом партийного контроля проверены дела бывших начальников оперативных секторов НКВД в Германии Клепова, Сиднева, Бежанова и ближайших работников аппарата Серова в Германии Тужлова, Хренкова и Вихрянова, и, на основании этих дел, Серов изобличается в хищении для себя суммы свыше 2 миллионов немецких марок из Рейсбанка, а также драгоценностей и слитков. Группа чекистов, — говорилось далее, — во главе с Серовым “грабила в Германии не только учреждения — банки, картинные галереи, но и отдельных граждан Германии, а также лиц, находящихся в заключении”.

В 1953 году, отмечал Шверник, именно Серов был инициатором прекращения дел на своих сослуживцев в Германии. В своё время следователи МВД “изобразили Сиднева умалишённым”, чтобы подорвать достоверность его показаний. Решением ОСО МТБ от 6 октября 1951 года он был направлен на принудительное лечение в Казань. Однако вскоре Центральная судебно-психиатрическая комиссия признала его симулянтом, и 4 октября 1952 года состоялось новое решение ОСО МТБ о возобновлении следствия и этапировании Сиднева в Москву. Несмотря на это, писал Шверник, следователь Боханов составил заключение об

изменении меры пресечения и передаче Сиднева на руки родственникам. 25 июля 1953 года это заключение утвердил Серов. А 15 октября 1953 года Сидневу выдали справку о реабилитации.

Далее в записке Шверника говорилось о том, что, став председателем КГБ, Серов “решил скрыть следы своего мародёрства” и дал задание вымарать в архивно-следственных делах Клепова, Бежанова и Сиднева все упоминания о себе. И это было сделано. В качестве доказательства Шверник приложил фотокопии листов из дел с вымаранными тушью фрагментами текста».

Сегодня сложно сказать, какова была роль порученца генерала Серова в тех тёмных делах 1945 г., но как утверждает И.Ю. Коротченко, всё же «по указанию своего шефа Пётр Попов участвовал в деликатных мероприятиях по отбору и переправке в Москву трофейных ценностей, включая золотые изделия, картины, фарфор, мебель и антиквариат, которые Иван Серов использовал для целей личного обогащения».

Как говорят на Руси: долг платежом красен! В соответствии с такой постановкой вопроса, Попову удалось умело использовать высочайшее положение своего покровителя и близость к «генеральскому телу» с абсолютной выгодой для себя. Как подчёркивает автор «Предателя из ГРУ»: «В то время, когда офицеров-фронтовиков, невзирая на боевые заслуги, десятками тысяч демобилизовали из армии, Попов мог рассчитывать на успешное продолжение военной карьеры. В 1947-м, когда он заканчивает Академию тыла и снабжения, Иван Серов становится первым заместителем министра внутренних дел СССР. В 1951-м Пётр Попов в возрасте 28 лет заканчивает Военно-дипломатическую академию Советской Армии, куда поступил по протекции Серова, и сразу же получает назначение за границу — в Вену. Прикрытием Попова стала должность в советской части Союзнической комиссии по Австрии».

Гражданка Австрии Эмилия Коханек работала переводчицей в комендатуре советских оккупационных войск в Австрии. Молодая, изысканная, утончённая иностранка с первого взгляда покорила сердце советского офицера крестьянского происхождения. Собственно, ничего удивительного в этом нет — Попов слишком мало служил в разведке, чтобы вопреки её законам и предостережениям не увлечься за границей весьма обворожительной женщиной. Тем более что в годы войны он не гнил в окопах и не ходил в атаки. Его военная специальность предполагала иное отношение к защите Отечества: «Кому война, а кому и мать родна!»

Однако не на шутку увлечёвшийся красоткой Эмилией офицер ГРУ вскоре понимает, что любовные встречи, посещение ресторанов, съём гостиниц, подарки — всё это не так безобидно и красочно, как могло показаться на первый взгляд. Деньги становятся самой главной проблемой Попова, у которого, кстати сказать, в Калининне проживала семья: жена и двое детей. И если поначалу его расходы были более или менее терпимыми, то, как это обычно бывает, неожиданная беременность Коханек ставит Попова в финансовый тупик, который ему приходится решать только с предложением сотрудничества ЦРУ.

К слову сказать, в Австрию Попов был направлен в 1951 г., как стажер легальной венской резидентуры ГРУ. Работая против Югославии, он занимался вербовкой агентуры. Но, как пишет И.Ю. Коротченко, «в 1955 г. советские оккупационные войска покинули Австрию. Вместе с ними в Советский Союз возвратился и Петр Попов. Надобность его использования в Вене отпала — после нормализации отношений Москвы и Белграда была законсервирована венская группа югославской агентуры, которой руководил Попов. На последней встрече со своим оператором в Вене он высказал намерение продолжить в будущем своё сотрудничество с ЦРУ...

В ГРУ Попов получил новое назначение — в город Шверин (ГДР), в один из опорных пунктов Разведывательного управления ГСВГ, куда он приезжает в сентябре 1955 г. Учитывая краткосрочное пребывание в Москве (менее двух недель), предупредить американцев о своём новом месте службы Попов не сумел. Поэтому три месяца он оставался без связи. 10 января 1956 г. Попов обратился к одному из членов военной миссии Великобритании и попросил передать письмо для американцев. Тот выполняет просьбу русского подполковника, передав документ

представителям МИ-6, а они, в свою очередь, проинформировали об этом коллег из Лэнгли. Таким образом, контакт с ЦРУ был восстановлен».

Ответ не заставил себя долго ждать. В письме, оказавшемся под дверью квартиры советского офицера, говорилось:

«Здравствуй, дорогой Макс!

Привет от Гроссмана. Жду тебя в Берлине. Здесь есть все возможности так же хорошо провести время, как и в Вене. Письмо посылаю со своим человеком, с которым ты должен завтра встретиться в 8 часов вечера около фотовитрины, возле Дома культуры им. Горького в Шверине, и передать ему письмо».

Как утверждают авторы книги «Империя ГРУ», «связь с Поповым в Шверине была установлена с помощью немки по имени Инга, а в дальнейшем поддерживалась агентом ЦРУ Радтке. На следствии 75-летний Радтке говорил, что их встречи происходили всегда через четыре недели. На каждой из них Радаке получал от Попова пакет для Кайзвальтера и передавал Попову письмо и конверт с деньгами».

С апреля 1957 г. руководством ГРУ Попов был переведён в Карлсхорст (предмestье Берлина), где ему доверили работу с нелегальными разведчиками СССР в других странах. Сотрудничество же с ЦРУ продолжалось.

«Пока Попов находился в Шверине, он, несмотря на все старания, не мог лично встретиться с Кайзвальтером, — уточняют А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров. — Эта возможность предоставилась ему в 1957 году, когда он был переведен на работу в Восточный Берлин. Их встречи происходили в Западном Берлине на конспиративной квартире, причём Кайзвальтер изменил фамилию, под которой работал, с Гроссман на Шарнхорст.

— В Берлине, — рассказывал Попов на следствии, — Гроссман взялся за меня основательнее. Он интересовался буквально каждым моим шагом. Например, после возвращения из отпуска, который я проводил в Советском Союзе, Гроссман потребовал наиподробнейшего отчёта о том, как я провёл отпуск, где был, с кем встречался, требовал, чтобы я говорил о мельчайших деталях. На каждую встречу он приходил с заранее подготовленным вопросником и во время беседы ставил мне конкретные задания по сбору информации.

Временное прекращение связи с Поповым после его отзыва из Вены встревожило ЦРУ. Чтобы подстраховаться от подобных неожиданностей, были отработаны условия контактов с Поповым на тот случай, если его отзовут из Берлина. Он был снабжён средствами тайнописи, шифровальными и дешифровальными блокнотами, радиопланом,

подробной инструкцией пользования шифрами и адресами, по которым он мог известить ЦРУ из СССР о своём положении. Для приёма радиосигналов Попову выдали приёмник, и на одной из встреч с Кайзвальтером он прослушал магнитофонную запись сигналов, которые он должен был принимать, находясь в СССР. В инструкции, врученной Попову, говорилось:

“План на тот случай, если Вы останетесь в Москве. Пишите тайнописью по адресу: Семья В. Краббе, Шильдов, ул. Франца Шмидта, 28. Отправитель Герхард Шмидт. В этом письме сообщите все данные о Вашем положении и дальнейшие планы, а также когда Вы будете готовы принимать наши радиопередачи. Радиоилан следующий. Передачи будут по первым и третьим субботам каждого месяца. Время передачи и волна указаны в таблице...”

Помимо этого весной 1958 года Кайзвальтер познакомил Попова с его возможным связником в Москве — атташе посольства США в СССР и сотрудником ЦРУ Расселом Августом Ланжелли, специально вызванным по этому случаю в Берлин, и получившим псевдоним “Даниил”. В то же время Кайзвальтер заверил Попова, что он всегда может уехать в США, где будет обеспечен всем необходимым».

Как известно, кто платит деньги, тот заказывает музыку. Попов, сам того не подозревая, попал в такую зависимость от ЦРУ, которая его стала тяготить, но обратного пути у него уже не было...

В первый раз Попова подвела переписка с любовницей Эмилией Коханек, которую он так и не мог позабыть. КГБ СССР напрямую заинтересовался ей в ноябре 1958 г. По мере чекистской разработки пребывание Попова в ГДР становилось чрезвычайно опасным, и 24 ноября, после последней встречи с Кайзвальтером, подполковника ГРУ отозвали в Москву. Именно там дело оперативной разработки офицера ГРУ получило кодовое наименование «Бумеранг», а его фигурант подполковник Попов — псевдоним «Иуда».

Во второй раз Попова подвёл Рассел Лэнжелли, как, впрочем, и себя самого. В своей статье «Операция “Бумеранг”» Н. Щербаков весьма достоверно рассказывает об этом эпизоде:

«Лэнжелли Рассел Аугуст, 1922 года рождения, вместе с женой прибыл на работу в посольство США в Москве на должность атташе административно-хозяйственного отдела в январе 1958 года. Своими тесными контактами с работающими под “крышей” посольства американскими разведчиками Римстедом и Уинтерсом он привлёк внимание московской контрразведки. Установленное за Лэнжелли наблюдение подтверждало, что он вёл себя очень осторожно, даже дома при разговорах с женой включал радиоприёмник, активно изучал Москву, причём именно в те часы, когда должен был бы заниматься выполнением своих непосредственных служебных обязанностей. Уже этот необычный штрих в его поведении позволял сделать обоснованный вывод о вероятной связи “атташе” с американской разведкой.

28 мая 1958 года предположение московских контрразведчиков получило реальное и окончательное подтверждение. Именно в тот ясный и тёплый день Лэнжелли вместе с семьёй отдыхал на Ленинских горах. И хотя иностранец устроил под деревом пикник, фотографировал на лоне природы детей и играл с ними — всеми своими действиями давал понять, что занят только семьёй и отдыхом, он сумел незаметно заложить под одной из деревянных лестниц тайник, прикрепив его к балке специальным приспособлением. Благодаря мастерству чекистов тайник был обнаружен. В нём находились необходимые элементы шпионской атрибутики: инструкции, средства тайнописи и деньги, которые предназначались одному из жителей Москвы, завербованному американской разведкой и впоследствии арестованному при изъятии им тайника.

С этого момента оперативный контроль за Лэнжелли усилился в расчёте на выявление других возможных американских агентов, находившихся у него на связи. И это нашло свое подтверждение. В один из декабрьских дней 1958 года Лэнжелли вместе со своим напарником Римстсдом на автомашине с дипломатическими номерами выехал в Калинин, где был взят под оперативное наблюдение калининскими чекистами.

Следуя по различным улицам, Лэнжелли пытался настойчиво выяснить, нет ли за ним “хвоста”. Он то следовал с малой скоростью, то давил на перекрёстке на “газ”, проскакивая перед красным сигналом светофора. Калининские чекисты умело создали у иностранца уверенность в том, что ему удалось оторваться от слежки. “Проутюжив” большинство улиц центра города, пища не останавливаясь, Лэнжелли через несколько часов выехал обратно в Москву. Тщательное изучение маршрута передвижения Лэнжелли по городу показало, что медленнее всего он проезжал по Медниковской улице, где притормозил в районе дома номер 53. Чекисты решили установить и проверить всех жильцов этого и соседних домов. Выяснилось, что в одном из этих домов у тещи проживает подполковник Пётр Семёнович Попов с женой и двумя детьми.

При первичной проверке оказалось, что до ноября 1958 года он являлся сотрудником Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Советской Армии и служил в Австрии и ГДР, откуда был отозван за “не вызванную служебной необходимостью связь с гражданкой Австрии”. Из Москвы командирован в Калинин, в НИИ-2 (военный институт). Было принято решение проверить Попова, особенно во время его выездов в Москву. И не напрасно».

Пётр Семёнович Попов был человеком невысокого роста и худощавого телосложения. Знавшие его по службе коллеги отмечали в нём нервозность, отсутствие воображения. Держался Попов всегда особняком, отличался скрытностью и очень плохо сходилась с людьми. Однако вышеперечисленные недостатки Попов с лихвой компенсировал на службе. Для начальства он всегда был исполнителен, дисциплинирован, имел положительные аттестации и характеристики. Особой активностью отличался он и во всех общественных мероприятиях. Как подчеркнет майор КГБ Пётр Дерябин, отвечавший за безопасность советского посольства в Австрии и бежавший на Запад в 1954 г., при этом Попов «успешно справлялся с поручавшимися ему заданиями и был на хорошем счету у руководства».

Неудивительно, что такой офицер попал в разведку исключительно по протекции, то есть по блату, ибо в ином случае двери ГРУ для него были бы закрыты наглухо.

Именно такому разведчику было поручено в середине 1958 г. забросить «в Нью-Йорк нелегала — молодую женщину по фамилии Таирова. Таирова выехала в США по американскому паспорту, принадлежавшему парикмахерше из Чикаго, который она “потеряла” во время поездки на родину в Польшу. Попов предупредил о Таировой ЦРУ, а Управление в свою очередь поставило в известность ФБР. Но ФБР допустило ошибку, окружив Таирову слишком плотной слежкой. Та, обнаружив слежку, самостоятельно приняла решение вернуться в Москву. На разборе причин провала Попов обвинил во всём Таирову, его объяснения были приняты и он продолжил работу в центральном аппарате ГРУ» (Империя ГРУ).

После ареста Попова станет известно, что всего за время пребывания в Австрии он, согласно своим показаниям на Лубянке, имел девять конспиративных встреч с Кайзвальтером: пять в 1954 г. и четыре в 1955 г. Но это, повторюсь, со слов самого Попова. На самом деле таких встреч могло быть гораздо больше. Как пишет И. Коротченко: «Роль и значение “Грэлспайса” особенно возросли после того, как первым председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР 13 марта 1954 г. был назначен покровитель Попова Иван Серов, вскоре ставший генералом армии. В перспективе это открывало дополнительные

возможности для служебного роста Попова. Все послевоенные годы он поддерживал отношения с Серовым и напоминал о себе сувенирами и подарками, которые привозил ему в Москву во время отпусков».

«Среди наиболее значимых документов этого периода, переданных “Грэлспайсом” американской разведке, — закрытый доклад Никиты Хрущева на XX съезде КПСС с критикой культа личности Сталина, состав агентурной сети Разведывательного управления Группы Советских войск в Германии (ГСВГ), а также содержание секретного выступления министра обороны СССР маршала Георгия Жукова перед руководящим составом ГСВГ», — добавляет И. Коротченко.

Н. Щербаков приводит ещё более весомые факты предательства Попова:

«Всего он “сдал” американцам около 100 своих коллег-разведчиков находившихся в Австрии, ГДР, ФРГ. Также он представил отчет о проведении в 1954 году в районе Тоцка первого советского военного учения с реальным применением ядерного оружия. По оценкам специалистов, донесения “крота” позволили сэкономить Пентагону не менее 500 млн. долларов на научно-исследовательских программах.

За шпионские сведения Попов систематически получал крупные суммы денег в иностранной валюте и рублях, часть которых переводилась на его текущий счёт в одном из банков США.

Сейчас трудно сказать, каких бы высот достиг подполковник, если бы он не был вовремя разоблачён контрразведчиками».

В Калинин, рядом с домом, где проживала семья Поповых по улице Медниковская, дом 53, чекисты оборудовали стационарный пост наблюдения, оснащённый современными на тот момент приборами ночного видения. В самом доме была скрытно установлена техника слухового контроля. Кроме того, чекистами просматривалась вся входящая корреспонденция. Наружное наблюдение фиксировало связи подполковника среди новых сослуживцев, его возможные контакты с иностранцами и возможную отправку им почтовой корреспонденции. Все эти и другие мероприятия оперативной разработки Попова очень скоро дали самые неожиданные результаты.

«21 января 1959 года Попов под наружным наблюдением выехал в столицу, — продолжает свой рассказ П. Щербаков. — В это время Лэнжелли на автомашине, а затем пешком ходил по Москве и в 20.00 оказался в районе одной из автобусных остановок, где в это время оказался и подполковник Попов. Их встреча была мимолётной, как бы случайной, лишь на мгновение их пути пересеклись, но этого оказалось достаточно, чтобы американец успел передать подполковнику какой-то предмет.

Благодаря грамотным действиям и нестандартным решениям калининские чекисты обеспечили контроль за проведением и маршрутами передвижения Попова и его выездами за пределы города. (...)

...уже через несколько дней в руки контрразведчиков попадает письмо из Москвы с нанесённой на обычный текст тайнописью. Американская разведка сообщала Попову расписание передачи из разведцентра, задание по сбору разведывательной информации и просила сообщить о будущем назначении. Здесь же они дали высокую оценку ранее переданных им данных о тайнах ГРУ. Кроме того, в доме семьи Поповых скрытно устанавливается техника слухового контроля. С её помощью 3 января 1959 года был зафиксирован приём Петром Поповым шифрованного сообщения франкфуртского радицентра ЦРУ.

Тем временем подполковник развернул активную деятельность: общался с бывшими сослуживцами, встречался в ресторане с офицерами, служившими на особо важных объектах ПВО, но самое главное — посетил штаб ГРУ, где с ним по указанию начальника ГРУ генерала армии Ивана Серова — старинного покровителя Попова — обсуждались варианты его возвращения в военную разведку.

Поскольку добытые в отношении Попова материалы не вызывали сомнений в том, что он является американским агентом, и учитывая, что он мог собрать важную информацию для передачи противнику, калининскими и московскими чекистами было принято решение задержать Попова во время его очередной поездки в столицу. Это произошло 18 февраля 1959 года на Ленинградском вокзале в Москве. При обыске у него изъяли записную книжку, в которой были домашний телефон Лэнжелли и пароль для вызова его на встречу по телефону, шесть листов специально обработанной бумаги, служившей копиркой для написания сообщений тайнописью, и блокнот, на котором при обработке появился тайнописный текст сообщения, подготовленного для американской разведки.

Одновременно произвели обыск на калининской квартире Попова, где также были обнаружены улики и материалы, свидетельствующие об участии Попова в шпионаже. В частности, инструкция по способам связи с американским разведцентром, дешифровальные блокноты и таблетки для проявления тайнописи, которые находились в специально изготовленных американцами контейнерах в рукоятке охотничьего ножа, катушках с леской для спиннинга и помазка для бритья. Также был обнаружен пистолет “вальтер” с заряженной обоймой и боевыми патронами к нему».

До сих пор можно встретить утверждение, будто бы офицер СИС Джордж Блейк, работавший на КГБ, способствовал разоблачению Попова. Об этом писатель Монтгомери Хайд пишет в своей книге «Суперагент Блейк». Однако сам Джордж Блейк в мемуарах «Иного выбора нет», вышедших в Москве в 1991 г., опровергает вымысел мистера Хайда. И вот что он пишет:

«Второй случай, приведённый мистером Хайдом, касается подполковника ГРУ (Главного разведывательного управления) Петра Попова, который, я цитирую:

“...первоначально работал в Вене, где добровольно предложил свои услуги американцам, бросив записку на переднее сиденье американской дипломатической машины. Его предложение было принято, и он попал под опеку Джорджа Кисвальтера, офицера ЦРУ, воспитывавшегося в Санкт-Петербурге до революции и свободно говорившего по-русски. За последующие два года Попов передал Кисвальтеру имена и коды около 400 советских агентов на Западе. В 1955 году во время отпуска он вернулся в Москву и, поскольку ГРУ ни о чём не подозревало, был назначен в Восточный Берлин. Однако этот перевод означал, что у ЦРУ не будет возможности поддерживать с ним связь. Попов тоже понял это, написал письмо Кисвальтеру, объясняя в нём свои затруднения, и вручил его одному из членов британской военной миссии в Восточной Германии. Тот передал послание в МК-6 (Олимпийский стадион, Западный Берлин), где оно легло на стол Джорджа Блейка вместе с инструкцией переслать его в Вену для ЦРУ. Блейк так и сделал, но лишь после того, как прочитал письмо и передал его содержание русским, которым потребовалось некоторое время, чтобы отреагировать.

Попов продолжал встречаться с Кисвальтером, но попал под подозрение после того, как передал американцам, что ему предстояло забросить в Нью-Йорк секретного агента, молодую девушку по фамилии Таирова. Сделать это следовало по американскому паспорту, принадлежавшему парикмахерше польского происхождения, жившей в Чикаго, и “потерянному” во время ее визита на родину в Польшу. ЦРУ с некоторой неохотой предупредило о ней ФБР, и девушку окружили столь плотной слежкой, что она это почувствовала и самостоятельно приняла решение вернуться в Москву. ГРУ отослало Попова в Москву, и он обвинил

во всём Таирову. Его объяснениям поверили, и некоторое время он, как обычно, работал в Главном разведуправлении. тогда же его связным стал Рассел Ленгрелл, сотрудник ЦРУ и американского посольства в Москве.

КГБ, не спуская с Попова глаз, 16 октября 1959 г. перешёл к действиям и арестовал его в московском автобусе во время передачи записки Ленгреллу. Последнего тоже арестовали, однако, воспользовавшись дипломатической неприкосновенностью, ему удалось освободиться. А Попову была уготована участь предателей: так же как и его предшественники, он был приговорен к “высшей мере” (согласно газете “Известия”). Он принял страшную смерть: в присутствии его коллег по ГРУ Попова заживо сожгли в топке”.

Я привожу этот отрывок полностью, так как, по-моему, он объясняет, как на самом деле был пойман Попов. Прежде всего я должен заявить, что никогда не слышал о Попове, пока не прочёл о нем в книге мистера Хайда. Не я предупредил советскую разведку, что он — агент ЦРУ. Письмо, врученное им сотруднику британской военной миссии в Восточной Германии, не могло лечь на мой стол: в берлинской резидентуре не я отвечал за связи с этой миссией и с ЦРУ. Письмо должно было пройти по совершенно другому каналу. Во-вторых, очевидно, что в 1955 году советские власти ещё не знали, что Попов — американский агент, а если бы я их проинформировал, как пишет мистер Хайд, они уже тогда были бы в курсе дела. Знай они об этом, то: а) Попову бы не позволили отправлять Таирову в США с секретным заданием; б) не поверили бы его объяснениям, что Таирова сама его провалила; в) не стали бы его держать столько лет в Главном разведуправлении.

Советские власти узнали о работе Попова на ЦРУ просто в результате слежки за Ленгреллом, который, как сотрудник посольства США в Москве и предполагаемый связной ЦРУ, находился под постоянным наблюдением. Они дождались момента передачи Поповым записки и арестовали обоих. Что же касается способа казни Попова, остаётся только удивляться, откуда он стал известен мистеру Хайду. Происходи всё действительно так, как он это описал — в чём я лично сомневаюсь, — подобный факт держался бы в строжайшей тайне в любой стране, а в столь закрытой, как Советский Союз, особенно».

Для КГБ было достаточно всего двух, документально зафиксированных наружным наблюдением, встреч Попова с атташе посольства США (4 и 21 января 1959 г.), чтобы принять меры к его задержанию.

В ходе обыска, проведенного на квартире подполковника, кроме изъятых средств тайнописи, шифра, инструкций, хранившихся в тайниках, было обнаружено тайнописное донесение, подготовленное для передачи Расселу Лэнжеллу:

«Отвечаю на Ваш номер один. Ваши указания принимаю к руководству в работе. На очередную встречу вызову по телефону перед отъездом из Москвы. При невозможности встретиться перед отъездом напишу на Крабе. Копирка и таблетки у меня есть, инструкция по радио нужна. Желательно иметь адрес в Москве, но весьма надёжный. После моего отъезда постараюсь два-три раза в год выезжать на встречи в Москву.

...Сердечно благодарен Вам за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно. За деньги тоже большое спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения нужной информации. Ещё раз большое спасибо».

Неудивительно, что подполковник Попов стал давать показания на первом же допросе. Сразу же он дал признательные показания и в сотрудничестве с ЦРУ Правда, не будучи дураком, в своих показаниях Попов, как мог, преуменьшал всю степень нанесенного им ущерба. Более того, Пётр Семёнович заявил, что работать на американцев стал под давлением. Словом, как обычно бывает в таких случаях, выкручивался, как только мог, прекрасно понимая неотвратимость наказания за содеянное — расстрела.

Желание избежать высшей меры вынудило Попова принять предложение чекистов:

«План оперативной игры, разработанный под руководством начальника Второго плавного управления КГБ СССР генерала Олега Грибанова, предусматривал проведение нескольких встреч с Лэнжелли на протяжении от шести месяцев до одного года, — пишет И. Коротченко. — Ставились задачи уточнить объекты разведывательного интереса США на территории Советского Союза, провести необходимые мероприятия по дезинформации противника, изучить формы и методы работы московской

резидентуры ЦРУ, выиграть время для завершения вывода из-за границы всех работавших с Поповым нелегалов ГРУ. Незадолго до начала операции Грэлспайсу улучшили условия содержания и питания, чтобы его изможденный вид не насторожил американского разведчика.

Известив Рассела Лэнжелли условленным телефонным звонком о проведении 18 марта в 20.00 агентурной встречи в ресторане “Астория” (пароль “Борис дома”, отзыв “Вы ошиблись, это американский дом”), Попов под негласной охраной КГБ прибыл к месту встречи, оборудованному скрытыми фото- и кинокамерами, а также средствами слухового контроля. “Моментальный” контакт в “Астории” прошёл нормально. В переданном сообщении агент уведомил ЦРУ, что его переводят в город Алапаевск (Свердловская обл.) на должность командира батальона. Это, по замыслу Лубянки, исключало раскрытия факта работы Грэлспайса на советскую контрразведку, так как местом его новой службы стал район, закрытый для посещения иностранцами. Кроме того, теперь инициатива в проведении последующих встреч полностью переходила в руки КГБ, так как, по здравой логике, приезжать в Москву с Урала Пётр Попов мог не тогда, когда этого требовали интересы ЦРУ, а лишь в командировку, или же — с оказией — для посещения семьи, оставшейся в Калинин.

В свою очередь Лэнжелли передал Попову денежное вознаграждение в размере 20 тыс. руб. и очередное задание, обязывающее агента приступить к сбору сведений о советских военных приготовлениях в связи с берлинским кризисом и данных о тактико-технических характеристиках советских МБР, темпах их выпуска, позиционных районах.

Очередные встречи Грэлспайса и его оператора прошли 23 июля в “Астории” и 18 сентября в “Арагви”. Вместе с новыми заданиями Попов получил сначала 15, а затем ещё 20 тыс. руб., а Лэнжелли — умело подготовленную на Лубянке “дезу”. Последний контакт между ними состоялся 16 октября 1959 г. В этот день было решено взять Рассела Аугуста Лэнжелли с поличным в момент операции по связи с Петром Поповым...»

В январе 1960 года «Иуда» предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. В конце ее заседания под председательством генерал-майора юстиции В. Борисоглебского был оглашен и приговор:

«Попова Петра Семёновича признать виновным в измене Родине и на основании ст. 1 Закона об уголовной ответственности подвергнуть расстрелу, с конфискацией имущества».

По воспоминаниям сотрудников КГБ, после оглашения приговора к

Попову подошла жена, обозвав его мерзавцем и подонком. В том же году приговор был приведён в исполнение, но совершенно не так, как об этом пишет В. Суворов, а так, как они всегда приводились в Советском Союзе и до и после Попова.

ИСТОЧНИКИ

1. Атаманенко И.Г., Первый крот в Главном разведывательном управлении. НВО, 23 марта 2012 г.
2. Блейк Дж. Иного выбора нет. М, 1991.
3. Бобков Ф.Д. КГБ и Власть. М., 1995.
4. Википедия: Попов Пётр Семенович. Интернет.
5. Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории Российской военной разведки. Кн. 1,2. М., 2000.
6. Коротченко И. «Инициативник» из ГРУ НВО, 24 января 2003 г.
7. Коротченко И.Ю. Предатель из ГРУ Национальная оборона, №12, 2010 г.
8. Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 200S.
9. Суворов В. Аквариум. М., 1993.
10. Уайз Д. Охота на «кродов». М., 1994.
11. Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. Кн. 1. М., 1993.
12. Щербаков Н. Операция «Бумеранг». Тверская жизнь, 12 апреля 2003 г.

ДВЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ПОЛЯКОВА

Первая жизнь Дмитрия Фёдоровича Полякова началась с его рождения на Украине в 1921 г. Как многие мальчишки его поколения, он с детских лет мечтал стать командиром Красной армии и в 1939 г., после окончания средней школы, поступил в Киевское артиллерийское училище. Война застала Полякова лейтенантом...

С 22 июня 1941 г. по 14 июля 1941 г. Дмитрий Фёдорович воюет на Западном фронте, с 15 марта 1942 г. по 1 декабря 1944 г. — на Карельском фронте и с января 1945-го — на 3-м Украинском. 14 июля 41-го под Ельней его контузило, но спустя месяцы он снова возвращается в строй, в свою батарею.

В конце апреля 1943 г. командира батареи 76 м/м отдельного артиллерийского дивизиона 85-й Морской стрелковой бригады капитана Полякова впервые представляют к награждению орденом:

«Капитан Поляков, работая командиром батареи Отдельного 76 м/м артиллерийского дивизиона, проявил себя знающим, смелым, инициативным командиром. Мастер артиллерийского дела. Находясь на боевом рубеже Кестеньговского направления, он огнём своей батареи уничтожил одну противотанковую пушку и три артиллерийских батареи, рассеял и частично уничтожил — 4 группы солдат и офицеров противника в 60 человек.

Выполняя боевое задание, разведгруппа 3 ОСБ попала под сильный артиллерийско-миномётный огонь противника, огнём своей батареи капитан Поляков подавил одну артиллерийскую и одну миномётную батареи, что обеспечило выход разведгруппы без потерь. Своими умелыми и решительными действиями по уничтожению живой силы и техники противника, мастер артиллерийского огня капитан Поляков заслуживает представления к правительственной награде орденом «Красная Звезда»».

В феврале 1944 г. бригада, в которой воевал Поляков, была расформирована, а её личный состав был направлен на формирование 83-й стрелковой дивизии. Так Дмитрий Фёдорович попадает в штаб артиллерии 26-й армии, где его назначают на должность старшего помощника начальника Разведотделения. В ноябре 1944-го армия выводится в резерв Ставки ВИС, а в январе 1945-го передаётся 3-му Украинскому фронту и в его составе участвует в Будапештской, Балатонской и Венской операциях.

В апреле 45-го майора Полякова представляют ко второй боевой

награде:

«Работая Старшим Помощником Начальника Разведотделения, майор ПОЛЯКОВ проявил себя смелым, инициативным офицером. Под огнём противника ведёт себя мужественно.

При выполнении нашими частями на участке 135 СК частной операции 3 — 6 марта 1945 г. майор ПОЛЯКОВ по приказанию Командующего был направлен на участок действий за день раньше, с задачей уничтожения целей противника, подлежащих подавлению артиллерийским огнём.

Тов. ПОЛЯКОВ, пренебрегая опасностью под огнём противника личным выходом на передовые НП уточнил передний край, огневые средства противника и своевременно доложил командованию, чем обеспечил надёжное подавление огневых средств противника в период операций.

В период наступления противника в направлении Шерегельев (Венгрия) 8 — 9 — 10.3.45 г. майор ПОЛЯКОВ был направлен в артиллерийское подразделение 30 СК для помощи и поверки организации артиллерийской разведки. Несмотря на сильный артиллерийско-миномётный огонь противника, майор ПОЛЯКОВ, пренебрегая опасностью, посещал передовые НП. Непосредственно с НП Командующего Артиллерией Армии руководил разведкой артиллерийских частей, собирая разведданные, и своевременно докладывал о деятельности противника, чем обеспечивал возможность командованию принятия правильного решения.

Как Помощник Начальника Разведотделения обеспечивает своевременный сбор разведданных...

За образцовое выполнение заданий командования, за проявленное мужество и умение в борьбе с немецким фашизмом достоин Правительственной награды орденом Отечественной война второй степени».

После Победы Дмитрий Федорович закончил разведывательный факультет Академии имени Фрунзе, курсы при Академии Генерального штаба и как перспективный офицер был направлен на работу в Главное разведывательное управление.

Вторая жизнь офицера Полякова началась в 1961 г... Но прежде несколько слов, предваряющих это событие:

«В начале 1950-х годов Поляков был командирован в Нью-Йорк под прикрытием должности сотрудника советской миссии ООН. Его задачей было агентурное обеспечение нелегалов ГРУ. Работа Полякова в первой командировке была признана успешной, и в конце 50-х годов он вновь был направлен в США на должность резидента под прикрытием советского сотрудника военно-штабного комитета ООН» (Империя ГРУ).

Как питает А. Островский: «Работа энергичного офицера оказалась успешной, но в его личной жизни произошло трагическое событие. Тяжелый грипп дал осложнение на сердце его трехлетнему сыну. Была проведена сложная операция, однако на повторную денег в дипмиссии не оказалось, и ребенок умер. Поляков находился в отчаянии. Видимо, это событие и послужило основанием для ФБР проявить к нему интерес».

В то время спецслужбы США проводили операцию «Кортшип» — «Сватовство», направленную против советских граждан, работающих в Америке. Они создали свою формулу вербовки — MICE. Её название образовано первыми буквами слов Money, Ideology, Compromise, Ego, которые на русском звучат так: деньги, идейные соображения, компромат, сомнение. Это была изощрённая система, однако завербовать Полякова было делом непростым. Он не пил, не изменял жене, не проявлял особого интереса к деньгам. Казалось, найти подход к нему невозможно. Но в 1961 г., во время его второй командировки в США, произошло совершенно неожиданное событие — Поляков сам предложил свои услуги ФБР.

Тогда он уже был полковником и представлял СССР в комитете начальников штабов при ООН, являясь одновременно заместителем резидента по нелегальной разведке. Американцы устроили проверку инициативнику (так в разведке называют людей, идущих на вербовку без дополнительного давления). А он, чтобы завоевать доверие новых хозяев, выдал трёх известных ему сотрудников советской военной разведки, работавших в США. С супругами Соколовыми ГРУ связывало большие надежды. Они прошли длительный процесс легализации, но были арестованы, даже не успев приступить к работе.

Чтобы отвести подозрение от Полякова, по обвинению в шпионаже были арестованы два советских сотрудника секретариата ООН. А затем

ФБР заявило, что они выдали Соколовых. И только через много лет правда восторжествовала. Роковую роль сыграл Поляков в жизни разведчицы Марии Добровой. Эта красивая, элегантная женщина содержала модный косметический салон в Нью-Йорке. Её клиентами были жёны многих высокопоставленных лиц, в том числе и моряков подводного флота. Заслуга Добровой в предотвращении (а именно это являлось основной задачей военной разведки) внезапного ядерного удара по Советскому Союзу несомненна. Когда фэбээровцы пришли её арестовать, Мария покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна высотного здания. Через некоторое время Поляков сообщил в центр, что Доброва завербована американцами, которые надёжно укрыли её. Многие годы отважную разведчицу считали перебежчицей».

И сегодня многие специалисты затрудняются сказать, что привело боевого офицера, участника Великой Отечественной войны, на путь предательства...

По всей видимости, главной причиной для такого шага вполне могла стать личная трагедия Полякова: болезнь маленького сына и его смерть из-за отказа резидента КГБ перевести ребёнка в американскую клинику (по другой версии, из-за отказа в выдаче денег на операцию в этой клинике). Но это только самая основная, ведь были и другие. Например, американцы считали, что причиной предательства Полякова было разочарование в советском режиме. Сотрудник ЦРУ Пол Диллон, который был оператором Дмитрия Федоровича в Дели, утверждал следующее:

«Я думаю, что мотивация его действий уходит корнями во времена Второй мировой войны. Он сопоставил ужасы, кровопролитную бойню, дело, за которое воевал, с двуличием и коррупцией, которые, по его мнению, разрастались в Москве».

И ещё один факт, о котором почему-то забывают. В 1961 г. полковнику Полякову было 40 лет. Это именно тот самый возраст, который в ЦРУ с оперативной точки зрения фигурировал как период «сороковых штормовых»:

«Появление различных эмоциональных и умственных расстройств имеет место наиболее часто у людей среднего возраста. Период жизни, начиная с тридцати семи лет и позже, включает наибольшее число разводов, алкоголизма, супружеской неверности, самоубийств, растрат и, возможно, измены. Причина этого явления довольно ясна. В это время начинается спуск с физиологической вершины».

В Москву Поляков вернулся летом 1962 г. и, по понятным причинам, не с пустыми руками:

«Снабженный инструкциями, условиями связи, графиком проведения тайниковых операций (одна в квартал). Места для тайников были подобраны в основном по маршруту его следования на службу и обратно: в районах Большой Ордынки и Большой Полянки, у метро “Добрынинская” и на троллейбусной остановке “Площадь Восстания”. Скорее всего, именно это обстоятельство, а также отсутствие личных контактов с представителями ЦРУ в Москве помогло Полякову избежать провала после того, как в октябре 1962 года был арестован другой агент ЦРУ — полковник О. Пеньковский.

В 1966 году Поляков был направлен в Бирму начальником центра радиоперехвата в Рангуне. По возвращении в СССР его назначили начальником китайского отдела, а в 1970 году он был командирован в Индию военным атташе и резидентом ГРУ. В это время объем передаваемой Поляковым в ЦРУ информации резко увеличился. Он выдал имена четырёх американских офицеров, завербованных ГРУ, передал фотоплёнки документов, свидетельствующих о глубоком расхождении позиций Китая и СССР. Благодаря этим документам аналитики ЦРУ сделали вывод, что советско-китайские разногласия имеют долговременный характер. Эти выводы были использованы госсекретарём США Генри Киссинджером и помогли ему и Никсону наладить отношения с Китаем в 1972 году» (Империя ГРУ).

В период работы Полякова в Дели заместителем резидента КГБ был Леонид Шебаршин. В своих мемуарах он, в частности, пишет о предателе:

«Поляков демонстрировал своё полное расположение к чекистам, но от приятелей из числа военных было известно, что он не упускал ни малейшей возможности настроить их против КГБ и исподтишка преследовал тех, кто дружил с пантами товарищами. Ни один шпион не может избежать просчётов. Но, как это нередко случается в нашем деле, потребовались ещё годы, чтобы подозрения подтвердились».

Офицер ГРУ Вадим Сопряков также упоминает имя Полякова в своей книге «Восток — дело тонкое: Исповедь разведчика». Там он вспоминает, как в мае 1976 г. на одной из узких улочек Токио арестовали военного разведчика Александра Мачехина.

«Арест производился тайно, без огласки, без присутствия прессы, узким кругом подготовленных профессионалов. И даже на следующий день японцы долго не информировали советское посольство о том, что один из его официальных представителей находится в их руках. На запросы советской стороны они нагло лгали, что им ничего не известно о судьбе Мачехина. И всё это время в застенке японских спецслужб происходил сложный поединок между тридцативосьмилетним советским разведчиком и очень коварным противником — японскими контрразведчиками. Говоря прямо, Александра пытали, изматывали, давили на психику, чтобы сломать, сделать безвольным и податливым. С первых минут ареста днем и ночью продолжался непрерывный допрос».

«С помощью американских спецслужб японцы собрали о Мачехино определённую информацию. А помогал им в этом предатель нашей Родины — военный разведчик генерал Поляков, который сотрудничал с ЦРУ уже четверть века. Я встречался с ним ещё в Бирме. Так что американец с атомного авианосца “Мидуэй” не был “подставой”. Роль предателя Полякова в этом деле вскрылась гораздо позже, после его ареста в Москве.

Поляков оказался опасным, коварным и ловким врагом. Не чета предателю Пеньковскому. Он долго скрывал вторую жизнь, жизнь изменника, долго мучился, дрожал, боялся своей тени, но продолжал делать свое гнусное дело. Ну и кончил тем, чем кончают все предатели, — роковой точкой в конце жизненного пути Иуды.

По характеру Поляков вспыльчив, холоден, расчётлив. В последние годы перед арестом был замкнут, часто грубо отзывался о подчинённых и коллегах по работе. У него не было близких друзей и товарищей. Он постоянно боялся провала и не общался с опытными сотрудниками службы, боясь вызвать у них какие-либо подозрения в свой адрес».

Примечательно, что в ФБР Поляков имел псевдоним «Цилиндр», а в ЦРУ — «Бурбон». Как рассказывают А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров, «Цилиндр»-«Бурбон» «очень серьёзно относился к тому, чтобы в руководстве ГРУ сложилось о нём мнение как о вдумчивом, перспективном работнике. Для этого ЦРУ регулярно предоставляло ему некоторые секретные материалы, а также подставило двух американцев, которых он представил, как завербованных им. С той же целью Поляков стремился к тому, чтобы его два сына получили высшее образование и имели престижную профессию. Своим сотрудникам в ГРУ он дарил множество безделушек, как, например, зажигалки и шариковые ручки, составляя о себе впечатление как о приятном человеке и хорошем товарище. Одним из покровителей Полякова был начальник отдела кадров ГРУ генерал-лейтенант Сергей Изотов, до этого назначения 15 лет проработавший в аппарате ЦК КПСС. В деле Полякова фигурируют дорогие подарки, сделанные им Изотову. А за генеральское звание Поляков презентовал Изотову серебряный сервиз, купленный специально для этой цели ЦРУ.

Звание генерал-майора Поляков получил в 1974 году. Это обеспечило ему доступ к материалам, выходящим за рамки его прямых обязанностей. Например, к перечню военных технологий, которые закупались или добывались разведывательным путём на Западе. По признанию помощника министра обороны США при президенте Рейгане Ричарда Перла, у него захватило дух, когда он узнал о существовании 5000 программ, использовавших западную технологию для наращивания военного потенциала. Перечень, представленный Поляковым, помог Перлу убедить президента Рейгана добиться ужесточения контроля над продажей военной технологии.

Работа Полякова в качестве агента ЦРУ отличалась дерзостью и фантастическим везением. В Москве он выкрал со склада ГРУ специальную самозасвечивающуюся фотоплёнку “Микрат 93 Щит”, которую использовал для фотографирования секретных документов. Для передачи информации он украл поддельные полые камни, которые оставлял в определённых местах, где их подбирали оперативники ЦРУ. Чтобы дать сигнал о закладке тайника, Поляков, проезжая на общественном транспорте мимо посольства США в Москве, приводил в действие миниатюрный передатчик, спрятанный в кармане. Во время

нахождения за границей Поляков предпочитал передавать информацию из рук в руки. После 1970 года ЦРУ, стремясь наиболее полно обеспечить безопасность Полякова, снабдило его специально сконструированным портативным импульсным передатчиком, с помощью которого можно было напечатать информацию, затем зашифровать и передать на приёмное устройство в американское посольство за 2,6 секунды.

Такие передачи Поляков вёл из разных мест Москвы: от кафе “Ингури”, магазина “Ванда”, Краснопресненских бань, Центрального дома туриста, с улицы Чайковского и т.д.

К концу 1970-х годов сотрудники ЦРУ, по их словам, уже относились к Полякову скорее как к учителю, чем как к агенту и информатору. Они оставляли за ним выбор места и время встреч и закладки тайников. Впрочем, у них не было другого выбора, так как ошибок Поляков им не прощал. Так, в 1972 году американцы без согласия Полякова пригласили его на официальный приём в посольство США в Москве, что фактически поставило его под угрозу провала. Руководство ГРУ дало разрешение, и Полякову пришлось туда идти. Во время приёма ему тайно передали записку, которую он уничтожил не читая. Более того, он на длительный срок прекратил все контакты с ЦРУ, пока не убедился, что не попал под подозрение контрразведки КГБ».

Николай Долгополов точно подмечает, что генерал Дмитрий Фёдорович Поляков, как и жена Цезаря, был вне подозрений, а чуть позже добавляет:

«Думаю, что предателя подобного ранга не было. Хотя однажды, в конце 1990-х, как следует пригубив наш национальный напиток, не слишком натренированные в этом деле ветераны ЦРУ признались на дружеской встрече российским коллегам: да вы бы ахнули, если б только узнали, кто работал на нас в конце 80-х — начале 90-х».

И все же возмездие настигает, пусть не всех, но очень и очень многих... Сегодня есть нетвердые утверждения о том, что в разоблачении Полякова свою роль сыграли работавшие на КГБ высокопоставленный сотрудник ЦРУ Олдридж Эймс и Роберт Ханссен — аналитик советского отдела ФБР.

Эймс (1941 г.р.) — бывший начальник контрразведывательного подразделения ЦРУ, начальник советского отдела управления внешней контрразведки ЦРУ. Был завербован советской разведкой в 1985 г. На СССР и Россию работал около 10 лет. Благодаря этой работе, то есть при помощи сведений, полученных от Эймса, были арестованы от 12 до 25 агентов ЦРУ, в том числе и генерал Поляков...

«В 1993 г. совместная комиссия ЦРУ и ФБР, занимавшаяся в рамках операции “Кортшип” поиском “крота” в спецслужбах США, завершила работу составлением документа, в котором был сделан вывод, что имеет место агентурное проникновение в ЦРУ. Комиссия установила, что после возвращения из служебной командировки в Рим сотрудник ЦРУ Эймс купил дом в окрестностях Вашингтона за 540 тыс. долл. Наличными, приобрел на имя своей жены ферму и две квартиры, обзавёлся автомобилем “ягуар” и предметами роскоши на сумму 455 тыс. долл., скупил на бирже акции общей стоимостью 165 тыс. долл.» (Википедия).

21 февраля 1994 г. Олдрич Эймс был арестован сотрудниками ФБР, а 28 апреля его приговорили к пожизненному заключению.

Ханссен (1944 г.р.) — сотрудник ФБР с 1976 г. С 1978 г. работал над бухгалтерией отдела уголовных расследований, в 1979 г. — сотрудник контрразведывательного подразделения ФБР, с 1981-го — в бюджетном отделе ФБР, с 1983-го в советском аналитическом отделе. На Советский Союз работал с 1985 г. (по другим данным, с 1979 г.). В 1991 г., с развалом

СССР, прервал связи с советской разведкой. В 1999 г. снова начал работать на советскую разведку.

«Ханссен передал СССР информацию об американской электронной разведке, о тоннеле, прорытом ФБР под новое здание советского посольства, и имела нескольких сотрудников КГБ, работавших на американцев в качестве двойных агентов» (Википедия). 18 февраля 2001 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению.

Один из руководителей ГРУ, генерал-лейтенант Л. Гульев, до сих пор помнит, при каких обстоятельствах он познакомился с Поляковым:

«Произошло это в 1961 году, когда я оказался в специальной командировке в США. Полковник Дмитрий Поляков тогда представлял СССР в комитете начальников штабов при ООН, являясь одновременно заместителем резидента по нелегальной разведке. Я поступил в его распоряжение.

...Поляков стал готовить меня к “первому заданию”. Оно заключалось в том, что я должен подготовить и отправить нашему агенту письмо, наклеив на конверт марку с обусловленным рисунком.

Как это часто бывает в подобных случаях, выполняя “первое задание”, я переволновался и отправил конверт... без марки. Она осталась у меня — до сих пор помню изображённый на ней рисунок. Конечно, можно было промолчать, но я доложил Полякову о своей ошибке. Что тут началось: крик, ругань, оскорбления. “Твоё счастье, что письмо это не “боевое”, а “учебное”, — кричал мне Поляков, — а то я отправил бы тебя в Москву завтра же”. Как помню, самым “тёплым” выражением в его тирадах было слово “коновал”»...

По авторитетному мнению Л.А. Гульева, Полякова сумели разоблачить без Эймса...

«В конце семидесятых, — вспоминает ветеран ГРУ, — я проходил службу в центральном аппарате ГРУ, на американском направлении. Я, как все мы, был потрясён разгромом нашей нелегальной разведсети в США. И, как многие, был неудовлетворён теми выводами, которые были сделаны из провалов. Они сводились в основном к тому, что в печальном исходе виноваты сами разведчики, которые якобы допускали много различных нарушений в конспирации. У меня было иное мнение.

Наши товарищи, работавшие в США, являлись специалистами высочайшего класса, и все на различного рода мелочах не могли провалиться. Предположим, один, ну два — могли, по не вес же! Начался кропотливый поиск причин их провалов. Не буду вас посвящать во все детали, но скажу, что впервые по-настоящему тревожный звонок для Полякова прозвучал при следующих обстоятельствах.

Один из американских журналов — “Ридер дайджест” — напечатал главу из готовящейся к выходу в свет книги Джона Барона “КГБ”. Такая,

знаете, рекламная публикация, дескать, скоро увидите бестселлер. Глава была посвящена аресту агентами ФБР нашего сотрудника, финна по национальности, Туоми. Я её внимательно прочёл и обнаружил несколько удивительных вещей.

В главе свыше тридцати раз упоминается имя советского полковника Дмитрия Фёдоровича Полякова. В ней рассказывалось, как он руководил Туоми, как провожал в командировку. Он, как живописец Барон, внимательно обследовал вещи разведчика, дабы тот, упаси бог, ничего советского, компрометирующего не прихватил с собой в Америку.

Тут же были приведены другие подробности учебного процесса Туоми, о которых разведчик якобы сообщил сам после ареста. Но опять вопрос. О своих наставниках, а они ему были известны по псевдонимам (это обычная практика спецслужб), он рассказывал такие подробности, приводил такие обстоятельства из их жизни, которые произошли уже после отъезда финна за океан. И которые, естественно, не мог знать. Но самое удивительное: опубликованная в журнале фотография Туоми при более детальном изучении оказалась копией снимка, который обычно хранится в... личном деле офицера. Анализ главы из книги Барона породил много вопросов, но их появилось ещё больше, когда в уже вышедшем томе я не обнаружил даже упоминаний о Полякове! Это был первый звонок!

Ещё раз самому тщательному рассмотрению были подвергнуты служба и жизнь арестованных американцами разведчиков и агентов. Это был тяжёлый и ответственный, не приемлющий никаких ошибок и просчётов анализ. В конце концов стало ясно, что только один человек, тогдашний военный атташе СССР в Индии генерал-майор Поляков, мог знать и мог предать их... (...)

...Некоторым сама мысль о том, что генерал ГРУ, уважаемый, авторитетный разведчик, является предателем, казалась кошунственной. Впрочем, основанием для сомнений служили многочисленные “сувениры”, подарки, которыми Поляков щедро одаривал некоторых руководящих товарищей. Вот они-то особенно рьяно сомневались.

Тем не менее, тогдашний начальник ГРУ генерал армии Петр Иванович Ивашутин серьёзно отнёсся к “изысканиям”. Они были доложены руководству министерства обороны, и тогдашний начальник Генерального штаба маршал Николай Огарков дал добро на разработку Полякова. Его под каким-то предлогом вызвали из Индии в Москву. (...)

Для начала сделали всё, чтобы не отпустить его обратно за границу. Медицинская комиссия неожиданно находит, что Полякову противопоказаны выезды в жаркие страны. По Поляков тут же проходит-

медкомиссию в другой поликлинике, и её врачи, естественно, поездки на юг не запрещают. Впрочем, объединив усилия, мы сумели оставить его в Москве».

Как уточняет Леонид Александрович Гульев, Поляков что-то почувствовал и, уезжая по неожиданному вызову в Москву, в беседе с американским напарником мрачно пошутил, что его ждёт «братская могила». И всё-таки он не затаился...

В Москву Поляков вернулся из Индии, где был резидентом ГРУ, в июне 1980 г.

Говорят, именно перед этим выездом генерала ГРУ американцы забеспокоились не на шутку. тогда же ему якобы было предложено выехать в США, но Поляков категорически отказался. Со слов одного из сотрудников ЦРУ» «в ответ на пожелание приехать в Америку в случае опасности, где его ждут с распростертыми объятиями, Поляков ответил: “Не ждите меня. Я никогда не приеду в США. Я делаю это не для вас. Я делаю это для своей страны. Я родился русским и умру русским”».

Кто подтвердит эти слова сегодня, неизвестно, но то, что сказал сам глава ЦРУ Джеймс Вулси, факт неопровержимый:

«Из всех секретных агентов США, завербованных в годы холодной войны, Поляков был драгоценным камнем в короне».

По имеющейся в открытых источниках информации, за время сотрудничества Поляков передал ЦРУ информацию о 19 советских разведчиках-нелегалах, действующих в западных странах, о 150 иностранцах, сотрудничавших с разведслужбами СССР, и о примерно 1500 действующих сотрудников разведслужб СССР. В сумме — 25 ящиков секретных документов в период с 1961 по 1986 г.

Как констатируют А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров, «кроме перечня интересов научно-технической разведки, данных по Китаю, Поляков сообщал сведения о новом вооружении Советской Армии, в частности о противотанковых ракетах, что помогло американцам уничтожить это оружие, когда оно было использовано Ираком во время войны в Персидском заливе в 1991 году. Передал он на Запад и более 100 выпусков секретного периодического журнала “Военная мысль”, издаваемого Генеральным штабом. Как отмечает Роберт Гейтс, директор ЦРУ при президенте Буше, похищенные Поляковым документы позволили ознакомиться с вопросами использования вооруженных сил в случае войны и помогай сделать твердый вывод о том, что советские военные руководители не считали возможным победить в ядерной войне и стремились избежать её. По словам Гейтса, ознакомление с этими документами предотвратило руководство США от ошибочных выводов, что, возможно, помогло избежать “горячей” войны».

Генерал-лейтенант ГРУ Гульев и сам называет Полякова блестящим разведчиком и сильным противником.

«Но должен сказать, что контрразведчики, а именно они проводили операцию по обезвреживанию “крота”, тоже оказались не лыком шиты, настоящие волкодавы. По крупицам стали собирать данные на оборотня. Тот затаился снова, сработал звериный инстинкт. Прервал связь с американцами. Наступило время — уволился из Вооруженных Сил и перешел в разряд уважаемых ветеранов ГРУ. Но его песенка уже была спета. Чекисты учли особенности его психики, сумели так повернуть ситуацию, что Поляков решил: опять пронесло — и вышел на связь с ЦРУ.

Кстати... об Эймсе. Допускаю, что в какой-то период с его помощью могли перепроверить данные на Полякова, архив которого в ЦРУ насчитывал 25 томов различных сообщений.

Когда доказательства предательской деятельности были собраны, встал вопрос об его аресте. Выполнить эту операцию нужно было так, чтобы, во-первых, взять Полякова неожиданно, тепленьким, а во-вторых, чтобы скрыть арест от заокеанских хозяев, которые старались постоянно держать цепного агента под присмотром.

Проблему решили, на мой взгляд, блестяще. Полякова в числе других пригласили на встречу ветеранов разведки. Он, естественно, ничего не заподозрил и, видимо, готовился сказать проникновенную речь о необходимости кренить славные боевые традиции. Как и планировалось, его взяли там, где никто не мог ничего услышать, ни увидеть. Брали его, кстати, ребята из знаменитой “Альфы”».

После ареста Поляков дал согласие сотрудничать со следствием:

«Видимо, надеялся, что жизнь ему сохранят, может быть, с его помощью попробуют затеять какую-нибудь контригру с ЦРУ. Те, кто видел его в момент вынесения приговора, говорят, что, услышав об исключительной мере, он сник, сломался, будто воздух из него вон вышел. Значит, на что-то надеялся».

В начале 1988 г. Дмитрий Фёдорович Поляков по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был лишён генеральского звания, всех государственных наград и приговорён к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведён в исполнение 15 марта того же года.

О семье предателя Леонид Александрович Гульев рассказал

следующее:

«Они с женой, насколько мне известно, встретились и поженились на фронте, имели двух сыновей. Один из них работал в Министерстве иностранных дел, второй — в нашей системе. Поляков очень любил внуку. Хотел сё взять с собой в командировку за границу. Следствие показало, что ни жена, ни сыновья к преступной деятельности Полякова не имели никакого отношения. Они проходили по делу свидетелями. Как сейчас живут, не знаю. Слышал только, что один из сыновей работает водителем троллейбуса. Такова уж логика борьбы спецслужб — блестящие карьеры детей Полякова оказались сломлены.

...Предатель ведь предаст не только страну, армию, какие-то идеи. Он предаёт и продаёт прежде всего свою семью, жену, детей, память о себе. Поэтому, думаю, предателю нет и никогда не может быть никакого прощения...»

Весьма любопытно, что Поляков по меркам тех лет заработал на своём предательстве не очень огромные деньги.

«Все его операторы отмечали, что он получал немного денег, не более 3000 долларов в год, которые ему передавали главным образом в виде электромеханических инструментов фирмы “Блек энд Деккер”, пары рабочих комбинезонов, рыболовных снастей и ружей. (Дело в том, что в свободное время Поляков любил столярничать, а также коллекционировал дорогие ружья.) К тому же, в отличие от большинства других советских офицеров, завербованных ФБР и ЦРУ, Поляков не курил, почти не пил и не изменял жене. Так что сумму, полученную им от американцев за 24 года работы, можно назвать небольшой: по приблизительной оценке следствия она составила около 94 тысяч рублей по курсу 1985 года» (Империя ГРУ). А потому, как пишет А. Островский, «мотивы предательства Полякова до конца выяснить не удалось. Деньги не являлись основной причиной. За время работы на ЦРУ “Бурбон” получил менее 100 тыс. долларов — смешная сумма для суперагента. Американцы считали, что он разочаровался в советском режиме. Ударом для Полякова стало развенчание культа Сталина, которого он боготворил».

И все же на следствии Дмитрий Фёдорович Поляков попытался объяснить мотивы своего предательства, но они так и остались непонятыми всеми до конца, так как в них явно проглядывает серьёзное противоречие:

«В основе моего предательства лежало как моё стремление где-нибудь открыто высказать свои взгляды и сомнения, так и качества моего характера — постоянное стремление к работе за гранью риска. И чем больше становилась опасность, тем интереснее становилась моя жизнь... Я привык ходить по острию ножа и не мыслил себе другой жизни».

«Я практически с самого начала сотрудничества с ЦРУ понимал, что совершил роковую ошибку, тягчайшее преступление. Бесконечные терзания души, продолжавшиеся весь этот период, так изматывали меня, что я неоднократно сам был готов явиться с повинной. И только мысль о том, что будет с женой, детьми, внуками, да и страх позора, останавливали меня, и я продолжал преступную связь, или молчание, чтобы хоть как-нибудь отсрочить час расплаты».

По всей видимости всё так и было, ибо, оступившись однажды и попав

в болото измены, трудно не поверить в то, что оно не засасывает...

ИСТОЧНИКИ

1. Википедия: 85-я морская стрелковая бригада. Интернет.
2. Википедия: 26-я армия. Интернет.
3. Википедия: Поляков Дмитрий Фёдорович. Интернет.
4. Википедия: Ханссен Роберт. Интернет.
5. Википедия: Эймс Олрич Хейзен. Интернет.
6. Галайко В. Шпион, за которым охотились четверть века. Зеркало недели, № 12, 24 марта 2001 г.
7. Галайко В. В единоборстве с «кротом». ПВО, 18 апреля 2003 г.
8. Долгополов Н. Предатели. Российская газета-неделя, 19 марта 2009 г.
9. Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории Российской военной разведки. Кн. 1, 2. М, 2000.
10. Островский А. Дмитрий Поляков — бриллиант американской разведки. Русская Германия, № 26, 2011 г.
11. Сопряков В. Восток — дело топкое: Исповедь разведчика. М., 1999.
12. ЦАМО. Ф. 33. Он. 686044. Д. 2881. Л. 94.
13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1984. Л. 27.
14. Шебаршин Л. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М., 1992.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ДЕРЯБИНА

«Сразу после рассвета 17 февраля 1954 года были внезапно усилены советские армейские патрули на контрольных пунктах дорог, ведущих из Вены, и солдаты и сотрудники службы безопасности стали производить дотошный досмотр всех колесных средств, проходящих через контрольные пункты по шоссе или по рельсам, — рассказывается в книге “Перелётные птицы” о побеге майора КГБ. — Ловили не налетчиков. Спустя девять лет после войны в Австрии, находившейся под оккупацией четырех держав (такое положение сохранялось до осени следующего года — до заключения Австрийского государственного договора), царило спокойствие. Хотя столица пребывала под контролем четырёхсторонней администрации, она, как и Берлин, находилась в советской зоне оккупации, и, таким образом, русские контролировали все дороги, которые вели на запад и на юг, в западные зоны оккупации.

Серьёзность проверок была необычной и длилась несколько дней. Внимательно досматривали грузы, заглядывали в багажники, дотошно проверяли документы — и австрийцев, и союзников. Было ясно, что русские подняли панику, чтобы помешать сбежать какому-то важному чипу. Через три дня появилась тщательно искаженная версия случившегося. Появился пресс-релиз, а в нём сообщалось, что советские власти обратились к австрийской полиции за помощью в поиске “двух русских техников, которые исчезли после гулянья в ночном клубе и могут попытаться сбежать на Запад”. Против них было выдвинуто обвинение, ставшее впоследствии расхожим для таких случаев, в том, что они прихватили с собой казённую кассу. Назвали только фамилии беглецов — Скачков и Дерябин.

Нечего и говорить, что никто из двух не был простым “техником”. Анатолий Скачков был членом правления советской нефтяной компании в Вене (в советской зоне, под Цистерсдорфом, находились значительные месторождения). Он действительно был завсегдатаем ночных клубов и действительно убежал на Запад. Но за кем русские по-настоящему охотились, так это за Петром Сергеевичем Дерябиным, майором КГБ с необычным опытом восьми лет работы и с необыкновенно важной информацией, которую он носил в голове. Он был главой спецслужб в советской колонии Вены. В его функции входил надзор за советскими гражданами, прежде всего он должен был предотвращать побег.

В своей главной книге воспоминаний он рассказывает, как с помощью “мастерски изготовленных документов” он покинул Вену через сутки после установления контакта с американцами. Ехал он как австриец в “восточном экспрессе”, который шёл на Запад. Эта версия является чистым обманом, именно её сочли предпочтительным выдать в то время, когда выходила эта книга.

На самом деле Дерябин выехал на “Моцарт-экспрессе” — военном поезде исключительно для американцев, который отходил ежедневно с Западного вокзала в американскую зону оккупации. И ехал Дерябин не в пассажирском купе, а в деревянном ящике, загруженном в грузовой вагон. Дерябина поместили туда, дали воды, бутербродов и сигарет, просверлили дырки, чтобы не задохнулся. Ящик обшили, написали пункт назначения — лагерь Трасткотт в Зальцбурге, с концов вагонов, как только поезд тронулся, поставили по американскому солдату. Причем они находились не в самом грузовом вагоне. Погрузку производили не американцы, а австрийская фирма — чтобы не вызвать подозрений у советских агентов, находившихся на платформе. Оглядываясь на эту поездку много лет спустя, Дерябин вспоминает один момент, вызвавший у него беспокойство, из всего этого в общем-то бесхлопотного путешествия. Американская зона начинается только на западном берегу реки Эннс, но все поезда останавливались за две мили на советском контрольном пункте. Поезд остановился, потом тронулся, и тут Дерябин, почувствовав себя на свободе и не в силах больше сдерживаться, от волнения закурил. Из ящика пошёл дым, и со стороны можно было подумать, что там что-то загорелось, причём на территории советской зоны. Охранники сумели просигналить ему, чтобы он погасил сигарету. Через несколько минут “Моцарт-экспресс” загрохотал по мосту через Эннс.

Этот способ содержал в себе риск, но американцы не видели альтернативы ему. Их взлётно-посадочная полоса для лёгких самолетов в Вене бездействовала из-за плохой погоды. Самолёты ВВС США пользовались аэропортом Тульн, но он находился в советской зоне и проехать к нему можно было только через советские блок-посты. Хотя ни один офицер американской разведки не успел толком переговорить с Дерябиным, но интенсивные поиски, развёрнутые в Вене, показывали, что их трофей представляет собой значительную ценность».

Пётр Сергеевич Дерябин родился в селе Локоть Алтайского края в феврале 1919 г. По воспоминаниям его односельчанина Н.А. Верещагина, «село Локоть расположено на правом берегу речки Алей на стыке Алтайского края России и Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, примерно в 15 — 20 километрах от железнодорожной станции Аул на восточной границе Казахстана с Россией. Возникло оно на реке Алей. Алей берёт своё начало (исток) с Алтайских гор. Вырвавшись из горных теснин, протекает между сопками предгоренского сопочника. Алей относится к числу малых рек, не судоходных. Однако его водные ресурсы в достатке обеспечивают деятельность населения прибрежных поселений. Весной река полноводная. В период паводков вода выходит из берегов, широко разливается, заливая обширные пойменные площади. От обильного насыщения влагой весной создаются большие сенокосные угодья — луга. На пойме остаются маленькие озёра. По берегам речки и на пойме растёт много деревьев: тополя, ветла, большие заросли тальника — чащоба, растёт много черёмухи, калина, боярка, шиповник, смородина и т.д. На лугах есть ягоды клубника и ежевика. Растёт дикий лук, щавель.

В районе села Локоть река огибает высокую, крутую сопку и резко поворачивает свой путь на север, образуя изгиб, имеющий форму согнутой в локте руки. Отсюда и произошло название села — Локоть».

«В сопках добывали руду и переправляли её на завод, где выплавляли медь и серебро. Село сформировалось за счёт переселенцев, крепостных и пришлых к ведомству горнорудного ведомства людей. Впоследствии эти переселенцы составили центральную часть села. Они даже до наших времён сохранили свой своеобразный диалект в обращении к друг другу...

Со временем село обрастало вольными переселенцами крестьянами из европейской части страны».

Отец Дерябина в селе плотничал, занимался сельским хозяйством. Своими собственными руками построил не одну избу. Семья Дерябиных была многодетной, однако из одиннадцати детей выжили только трое: Пётр, его брат и сестра. Рассказывая о своей малой родине, односельчанин Дерябина уточняет, что рождаемость на селе была высокой, по и детская смертность считалась не маленькой. Объясняет он это просто:

«Санитарное состояние быта в тот период жизни было предельно низким, антисанитария была повсюду. Такой был удел быта.

Рожали детей вплоть до того, что на работе в поле, в копнах. Никакого медицинского вмешательства не было. Роды принимали неграмотные бабки повитухи, а иногда и просто любые женщины без опыта. Матери детей постоянно были в работе. Часто детей-младенцев вплоть до грудных брали с собой в поле. Там мать работала, а ребёнок был предоставлен сам себе. Играл поблизости или лежал под копной. Словом, дети были без должного надзора. Этим условиям и соответствовала одежда детей».

Петра Сергеевича крестили, как и положено, сразу после рождения, а когда он подрос, мать стала тайком учить его Библии. Старые иконы всегда висели в их доме.

В 1937 г. комсомолец Петр Дерябин окончил школу и поступил в педагогическое училище в Бийске. Через год он уже учитель. В 1939 г. его призвали в армию. Там он был направлен в полковую школу, где благодаря своему образованию очень скоро был назначен помощником политрука.

В начале Великой Отечественной войны Пётр Сергеевич уже секретарь комсомольской организации сапёрного батальона и член партии Ленина — Сталина.

Воевал он на Западном (20 сентября 1941 г. — 14 ноября 1941 г.), Сталинградском (20 сентября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.), Юго-Западном (6 апреля 1943 г. — 14 ноября 1943 г.) и 3-м Украинском (с 14 ноября 1943 г.) фронтах. Официально был трижды ранен: 14 ноября 1941 г., 7 июля 1944 г. и 27 марта 1944 г. Был трижды награждён боевыми наградами. Первый раз помощника начальника штаба 1043-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии лейтенанта Дерябина представляли к медали «За отвагу» в январе 1943-го:

«Находясь в боях на Сталинградском фронте в должности заместителя командира миномётной роты по политической части, смог обеспечить выполнение ряда боевых задач личным составом роты. Личным примером воодушевлял бойцов на боевые дела.

Расчёты работали честно и слаженно. Благодаря его работе вся рота является партийно-комсомольской. В результате чёткой и слаженной работы рота в боях за Сталинград уничтожила до 600 солдат и офицеров противника, 6 станковых пулемётов, 3 ручных, 4 миномёта, 7 блиндажей.

С 21.12.42 г. т. Дерябин как лучший командир назначен на должность ПНШ по Ш.Ш.С., где он всё свободное время от основной работы проводит на передовой линии фронта среди бойцов и командиров, помогая им.

За организацию по выполнению боевых задач, личный пример, честность и аккуратность в работе представляю к правительственной награде медали — “За отвагу”. Однако командир дивизии на представлении начертал: «Ходатайствую о награждении “За боевые заслуги”», таким образом, занизив награду Дерябину на одну ступень.

В музее боевой Славы 284-й (79-й) Гвардейской стрелковой дивизии о боях за Сталинград говорится следующее:

«28 сентября 1942 г., выйдя на восточные скаты Мамаева кургана, дивизия заняла оборону и удерживала её до полного разгрома врага. И снова свидетельство ветерана П. Зверева в книге “В пламени и славе”. “Бои в Сталинграде были жестокие, кровопролитные и длились до 2 февраля 1943. Сто тридцать семь дней и ночей воины 284 дивизии сражались в городе на Волге. Люда ниш в атаку, да смертны ли они? Да, они были

смертными, простыми смертными, и мало кто уцелел из них, но они сделали своё дело.

...Только глаза со стороны могли оценить до конца, сколько сил потребовалось им, чтобы вынести тяжкий жребий Сталинградской битвы. Сибиряки нанесли врагу огромные потери. Они истребили 25 274 гитлеровца, уничтожили 199 пулемётов, 90 миномётов, 100 автомашин, 36 орудий, 26 танков...”

6 февраля 1943 года воины дивизии во главе с полковником П.Ф. Батюком медленно поднимались на вершину многострадального Мамаева Кургана. Издали был виден одинокий обелиск, который поставили сами защитники кургана.

Митинг был короткий. Николай Филиппович сказал: “Наши боевые товарищи не жалели крови, жизни своей, чтобы в жестокой борьбе с заклятым врагом отстоять Сталинград. Они пали смертью храбрых, как герои, как богатыри”.

На вершине Мамаева Кургана в братской могиле похоронены 2640 солдат и офицеров 284 стрелковой дивизии».

Сегодня трудно сказать, как отнёсся Дерябин к первой боевой награде, заниженной командиром дивизии, но то, что молодой лейтенант воевал с большой буквы этого слова, остаётся вне всяких сомнений. Например, в своих мемуарах бывший член Военного совета 31-й армии генерал-лейтенант А.Г. Русских писал о Дерябине дважды:

«В тяжёлых боях при форсировании Волги лейтенант Дерябин был трижды ранен, но не ушёл с поля боя, а продолжал вести огонь по врагу».

В декабре 1943 г. гвардии старшего лейтенанта Дерябина впервые представляют к ордену:

«Работая ПНШ — Ш.Ш.С. значительное время находился в боевых порядках и выполняет боевые приказы командира полка. 30.11.43 г., когда выбыли из строя командир полка, командиры батальонов и начальник штаба полка, боевая обстановка осложнилась. В ходе боя в исключительно тяжёлых условиях гвардии старший лейтенант Дерябин принял на себя руководство штабом полка.

Умело организовал управление и взаимодействие огневых средств, правильно расставил работников штаба по управлению боевыми порядками полка, чем способствовал отражению 4-х яростных контратак противника поддерживаемых с воздуха, который ставил своей целью взять обратно высоту 113,3.

В результате боя с численно превосходящими силами противника высота 113,3 была удержана за нами. Враг бежал, понеся потери в живой

силе и технике, оставив на поле боя 2 подбитых танка, 7 ручных пулемётов, 2 рации и до 70 убитых немецких солдат и офицеров и один взят в плен».

На этот раз Дерябина представляли к ордену Отечественной войны 2-й степени. Даже командир дивизии ходатайствовал о награждении своего офицера именно этим орденом. Но командир стрелкового корпуса имел своё мнение на этот счёт, что и было зафиксировано для истории:

«Достоин награждения орденом “Красная Звезда”».

«В апреле 1944 года в ходе операции по освобождению Одессы, — пишет Е. Платунов, — его (Дерябина) 284-я дивизия форсировала Буг. Разведывательное подразделение переправилось на другой берег, но немецкой атакой было отброшено назад. При попытке добраться до своего берега Дерябин был ранен в спину и рухнул в болотистую почву. Проходивший мимо немец снял с него обувь, выстрелил в него и, считая Дерябина мёртвым, порылся в его карманах... Однако крепкий сибиряк выжил, несмотря на ранение в лопатку и лёгкое. Пролежав пять часов в болоте, он в 11 часов ночи был подобран своими и перенесен в безопасное и сухое место».

Несмотря на некоторые неточности, в том числе и временные, такой случай действительно имел место. А в марте 1944 г. Дерябина представляли к третьей боевой награде, причём весьма высокой и весьма почитаемой:

«19.03.44 г. подразделение полка форсировали реку Южный Буг. В ночь на 20.03.44 г. наши подразделения пошли в наступление, во время атаки командир полка был убит, а заместитель его по строевой части ранен, боевая обстановка осложнилась. В ходе боя и в исключительно тяжелых условиях гвардии старший лейтенант ДЕРЯБИН с группой бойцов взял на себя руководство и повёл их в наступление на окраину с. Ковалёвка. Противник в целях удержания за собой д. Ковалёвки бросился в контратаку с танками и самоходными пушками. В этих схватках, доходивших до рукопашных, с численно превосходящими силами противника тов. ДЕРЯБИН сумел отбить контратаки, нанеся ему большие потери в живой силе и технике, уничтожив до 70 гитлеровцев. Сам в этом бою был тяжело ранен и, не покидая поле боя, продолжал им руководить до выполнения поставленной задачи.

Представляю к Правительственной награде ордену “Красное Знамя”».

И в третий раз боевую награду Петру Дерябина понизили, но уже не в дивизии, не в корпусе, а в штабе 8-й гвардейской армии. 228

Сам гвардии генерал-полковник В. Чуйков подписал заключение Военного совета о награждении героя орденом Отечественной войны 1-й

степени.

Не секрет, что органы военной контрразведки «Смерш» достаточно широко привлекали в свои ряды перспективных офицеров, получивших закалку в боях, но порой после тяжёлого ранения не имевших возможности вернуться на фронт. Именно так произошло и с Петром Дерябиным. Гвардии старшего лейтенанта, помощника начальника штаба стрелкового полка, трижды награжденного боевыми наградами, с образованием учителя, храброго офицера, заметили «смершевыцы» и пригласили к себе на службу. Так Петр Сергеевич, после излечения в госпитале, был зачислен во 2-ю московскую школу «Смерш» по адресу: Малый Гнездяковский переулок, дом 2.

В этом учебном заведении, как, впрочем, и в других, преподавали специальные дисциплины по оперативно-розыскной работе и военному делу, велась строевая подготовка, изучались основы марксизма-ленинизма. Например, в книге «СМЕРШ» по поводу укомплектования учебных заведений военной контрразведки говорится:

«При ГУКР “Смерш” НКО, управлениях и отделах фронтов и военных округов был предусмотрен постоянно действующий резерв кадров по 50 — 100 человек. Он состоял из лиц младшего и среднего командно-политического состава армии со средним и высшим образованием, не моложе 23 и не старше 35 лет. По окончании учёбы выпускники использовались на работе в аппаратах под контролем наиболее сильных и подготовленных оперативников, имеющих опыт практической работы».

Любопытно воспоминание одного из выпускников школы «Смерш» Филиппа Денисовича Бобкова:

«Требования к слушателям в школе предъявлялись высокие, но мы и сами учились старательно, и не только по учебникам. И практические занятия, и теоретическую подготовку с нами проводили, широко используя документы и дела военной контрразведки. Разумеется, осваивался и опыт только что закончившейся войны.

Учиться было очень интересно. Мы знакомились с документами, связанными с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, изучали методы заброски этой агентуры немецкими спецслужбами, подробно разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. Наряду с этим,

конечно, штудировали операции по проникновению нашей разведки и контрразведки в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и штабы войск. Нужно было освоить весь этот годами накопленный опыт, ведь работа в контрразведке потребует очень серьезной профессиональной подготовки.

Уже тогда стало заметным, что во всех курсах специальных дисциплин упорно обходили период 1937 — 1938 годов, и только в программе истории ВКП(б) находила отражение деятельность троцкистов и других политических группировок».

Капитана госбезопасности Дерябина назначили на должность старшего оперуполномоченного в Барнаул. Там «он провёл с год, налаживая агентурную сеть по надзору за двумя тысячами жителей города, — рассказывает Гордон Брук-Шеферд. — Летом 1947 года от плеврита умерла его первая жена, Таня, и он стал искать нового места приложения своих сил — но не вне, а всё в том же мире контрразведки, только повыше. А это означало Москву. Он поехал в отпуск на Кавказ, а “по дороге” заглянул в Москву. С этого момента в биографии Дерябина появляется “рука”. В своих записях Дерябин называет этого человека Павлом Зуйковым, но на самом деле его звали Владимиром Петровичем. С ним Дерябин учился в контрразведывательной школе. В тот момент Зуйков (будем называть его так) был помощником замминистра по кадрам в Министерстве государственной безопасности генерал-майора Свинелупова. Замминистра не любил перетруждать себя на работе и избегал, когда можно, принятия решений — в частности потому, что его недолюбливал печально знаменитый министр госбезопасности генерал-полковник Виктор Абакумов. Следствием такого положения дел было то, что помощник действовал, как если бы это он и был замминистра. Именем Свинелупова он назначал, отзывал и переводил даже высших офицеров, и для него не составляло труда передвинуть капитана Дерябина из Барнаула в штаб-квартиру госбезопасности. Там он прослужил шесть лет и потом, сбежав на Запад, смог дать точное описание всех двенадцати основных и шести вспомогательных подразделений своего ведомства начала пятидесятых».

К слову сказать, капитан Дерябин очень вовремя обратился за помощью к товарищу из Центрального аппарата МТБ, ибо кто знает, что бы было, если бы он потерпел ещё несколько лет. А в конце декабря 1950-го генерала Свинелупова убрали из Москвы в Эстонию на должность заместителя министра госбезопасности этой республики. После смерти Сталина его сняли и с этой должности, чтобы в мае 1953-го назначить заместителем начальника Управления особого лагеря № 3 (Дубравного лагеря) МВД СССР. Но и там он продержался недолго. В сентябре 1954 г. Свинелупова уволили из МВД по сокращению штатов.

Что же касается Петроченкова (по Дерябину — Павла Зуйкова), то его биография, к сожалению, известная не полностью, весьма и весьма интересна.

Владимир Владимирович Петроченков родился в 1916 г. в Смоленской губернии. Окончил Ростовский педагогический институт. Служил в органах госбезопасности. После выхода в отставку занялся литературной деятельностью под псевдонимом «Востоков».

Печатался с 1968 г. Лауреат премии КГБ СССР, Союза писателей и Союза журналистов. Написал сценарии: «Ошибка резидента» — 1968, «Судьба резидента» — 1970, «Кольцо из Амстердама» — 1981, «Возвращение резидента» — 1982, «Конец операции “Резидент”» — 1986. Самостоятельно и в соавторстве с другими авторами написал также детективные повести «Шаг до пропасти», «Последняя телеграмма», «Фамильный бриллиант», «Знакомый почерк», «Теш» фирмы “Блиц”, «Братец», «Ошибка господина Роджерса», «Поединок». Умер в 1986 г.

В столице капитан госбезопасности Дерябин некоторое время поработал в секретариате, затем его перевели в кадры. И здесь судьба улыбнулась боевому офицеру-фронтовику, как никогда. Его начальника перевели в службу охраны государственных деятелей, куда он настойчиво и пригласил Петра Сергеевича. Естественно, тот не смог отказаться от такого предложения, хотя его и отговаривали.

После снятия с должности министра госбезопасности Абакумова в 1951 г. полетело много голов, и не только с генеральскими лампасами. Началось что-то страшное и невообразимое. И тогда Дерябин вновь обращается к своему другу Петроченкову за помощью с переводом в другое управление МТБ, который всё так же продолжал работать в Центре.

«В мае 1952 года Дерябин предстал перед полковником Евгением Кравцовым, тогдашним начальником отдела по Германии и Австрии во Втором управлении, которое размещалось в комплексе серых зданий в приятном удалении от площади Дзержинского. Дерябин словно вырвался из затхлых джунглей на лужайку, попал совсем в другую атмосферу, в которой под командой Кравцова служил 81 офицер.

Год с четвертью Дерябин работал в управлении, насчитывавшем около трёх тысяч сотрудников в центре плюс пятнадцать тысяч офицеров и агентов, советских и иностранных, за рубежом. В противоположность Управлению охраны, куда набирали, как правило, людей с ограниченным образованием, способных скорее для исполнения роли роботов, внешняя разведка была укомплектована наиболее образованными и способными людьми, которых могло произвести советское общество. Это был сдвиг в судьбе человека, имевшего специальность школьного учителя и диплом об окончании в 1951 году Института марксизма-ленинизма в Москве, ускоренный курс которого он прошёл за два года.

Новая работа предъявляла повышенные требования, но зато была и менее опасной. Теперь Дерябин должен был не охранять советских лидеров, а направлять им информацию о внешнем мире. Она имела четыре градации. Первая направлялась в тринадцати экземплярах, по одному на каждого члена Президиума ЦК. Следующая — лишь в семи, для главных членов Президиума. Другая — в трёх, из которых один экземпляр предназначался для Сталина. Была ещё рабочая версия в одном экземпляре, которая шла на стол секретарю ЦК, им был тогда Георгий Маленков. Ни на

одной из бумаг не стояло грифа “секретно”, они шли вообще без грифов. Получатели, объяснял полковник Кравцов, и сами должны были понимать что к чему.

Однако и в этой работе не обошлось без тёмной стороны дела. Самой темной стороной деятельности Второго управления было “спецбюро”, или “специальное бюро номер один”, которое занималось террористическими операциями за рубежом, особенно убийствами и похищениями тех, кто был объявлен предателем, или врагом режима... Дерябин хотя и не работал в “спецбюро”, принимал участие в организации похищения в Западном Берлине в 1952 году доктора Вальтера Линзе, исполнявшего обязанности главы Ассоциации свободных немецких юристов» («Перелётные птицы»).

Полковник Кравцов Евгений Иванович был всего на шесть лет старше Дерябина. После окончания Ленинградского индустриального института в 1938 г. был принят на работу в органы НКВД. Свою службу начал в должности оперуполномоченного в Москве. С 1939-го находился в спецкомандировке в Латвии и Германии. С июля 1941 г. по сентябрь 1942 г. — начальник секретариата 1-го управления НКВД СССР, затем в загранкомандировке в Турции — резидент внешней разведки (под фамилией Ковалёв) под прикрытием должности 2-го секретаря посольства СССР. После возвращения в сентябре 1945 г. — сотрудник 1-го управления НКГБ СССР, секретарь парткома 1-го Главного управления МГБ СССР, начальник Высшей разведшколы МГБ СССР, сотрудник Комитета информации при СМ СССР. С июня 1948-го по май 1950-го в загранкомандировке в Швейцарии, с мая по август 1950-го — сотрудник Комитета информации, с августа 1950 г. по ноябрь 1951 г. в Австрии, с ноября 1951 г. по декабрь 1951 г. — заместитель начальника управления Комитета информации. Начальник австро-германского отдела МГБ СССР в период с декабря 1951-го по октябрь 1953-й. В июне 1953-го работал в Берлине в составе опергруппы МВД СССР. С октября 1953-го по октябрь 1954-го в Австрии. Резидентом в Вене Евгений Иванович работал под фамилией Коваль и под прикрытием советника посольства СССР в Австрии. С собой, как перспективного сотрудника, он решил взять Дерябина. Его предложение прозвучало не иначе, как «для восстановления эффективной работы аппарата резидентуры». И назначение Петра Сергеевича было утверждено.

Гордон Брук-Шеферд весьма точен, когда фиксирует время в феврале 1954 г.:

«Примерно в четыре дня он миновал часового у входа в американскую военную штаб-квартиру на Мариахильферштрассе и попросил, чтобы позвали сотрудника спецслужб, говорящего на русском языке. Появился армейский капитан и представился, Дерябин сообщил ему, кто он и что он, и тут же попросил убежища. Американец убедился, что Дерябин именно тот человек, за которого себя выдаёт, и Дерябина тут же перебросили в безопасное место».

И всё же почему он стал перебежчиком? Например, в своих мемуарах своё бегство, которое он осуществил раньше чем через четыре месяца после приезда в Вену, как «импульсивное решение». Правда, через тридцать лет после выхода книги он заявит, что наполовину созрел для побега ещё в Москве. Кто знает, что творится в душе человека, но то, что война, смерть Сталина, служба в госбезопасности что-то сделали с этой душой, не вызывает никаких сомнений. Как считает автор книги «Перелётные птицы», разочарование Дерябина возникло скорее на материальном факторе, чем на духовном контрасте между Западом и Востоком. По его мнению, «Дерябин выглядел скорее как человек, ищущий лучшей жизни, а отнюдь не таким крестоносцем веры».

Ещё два фактора Гордон называет — служебный и семейный: «Но он чувствовал нежелание возвращаться из этого нового мира удовольствий и достатка в прежний мир напряжённости и дефицита». А семья его, судя по всему, не держала. Отец Дерябина умер в 1936 г., а мать — в 1941-м. Родной брат Владимир Сергеевич Дерябин — младший лейтенант, командир взвода 845-го стрелкового полка, 303-й стрелковой дивизии погиб 16 сентября 1942 г. на Воронежском фронте. Оставалась одна сестра...

Что касается второй жены, то с ней были натянутые отношения. Доходило до скандалов, которых он старался избегать, отлучаясь из дома под разными предлогами. Летом 1948 г. он познакомился с некой Мариной Макеевой, которая работала стенографисткой в самом Политбюро. Поженились, родилась дочь. И, по всей видимости, счастья не получилось...

«Его второй брак рушился, — отметит Гордон, — но было ли это достаточным основанием, чтобы подвергать верным неприятностям жену и

дочь? Когда его спросили об этом много лет спустя, он ответил, что во-первых, у него не оставалось другого выбора, а вероятность успеха бегства втроём, даже если бы жена и согласилась, была чрезвычайно мала, а если бы их поймали, то жену ждали бы неприятности куда более крупные, чем она получила как бывшая жена перебежчика. Тем более это были уже не сталинские времена. Что же до дочери, то ей всего было четыре года». Словом, всё было просчитано...

В Америке Дерябин освоился быстро, хотя и неважно знал английский язык. Как пишет Е. Шатунов, там он выдал «ряд важных материалов о деятельности советской разведки, в результате чего было арестовано несколько советских агентов — источников ценной информации. В 1957 году заочно приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни.

После длительной проверки в 1959 году Дерябин был принят на работу в качестве консультанта в ЦРУ США. Имел в ЦРУ репутацию авторитетного специалиста по истории и методам работы советской разведки и органов госбезопасности. Преподавал в учебном центре ЦРУ и Разведывательном колледже министерства обороны США. В 1965 г. дал в Конгрессе США показания о деятельности советской разведки в странах Запада. По заданию ЦРУ участвовал в расследовании по делу бывшего сотрудника КГБ Анатолия Голицына, побег которого к американцам сам же и прогнозировал в 1954 году. Советовал американцам осторожно подходить к сенсационным разоблачениям Голицына, поскольку хорошо знал фигуранта как авантюриста и прожектера.

Расследование Дерябина, по оценке некоторых историков разведки, объективно на четверть века парализовало контрразведывательные операции американских спецслужб.

Долгие годы Дерябин принимал участие в подготовке и проведении ряда идеолого-пропагандистских акций против СССР, в том числе в подготовке книг: автобиографии «Секретный мир»... (1959, совместно с Фрэнком Гибни, переиздана в 1982 г.), «Записки Пеньковского» (1965, опять совместно с Фрэнком Гибни) ...

В 1992 году в целях реанимации и внедрения пропагандистских стереотипов, выгодных США, совместно с Джерольдом Шектором (инициатором изданий как бы мемуаров П. Судоплатова) издал книгу об агенте ЦРУ Пеньковском...» (в русском переводе — «Шпион, который спас мир: как советский полковник изменил курс холодной войны»).

Что касается Анатолия Голицына, то Петр Дерябин после своего перехода на Запад назвал его как человека, который, возможно, наиболее уязвим для вербовки ЦРУ. При этом он подчеркивал, что у Голицына преувеличенное представление о собственной значимости и что его недолюбливают коллеги. Вот что об этом пишет Вольтон Тьерри:

«Анатолий Голицын привлёк внимание ЦРУ уже в 1954 году в Вене (Австрия), где он начинал свою карьеру в КГБ. Один из его коллег, Петр Дерябин, только что перешел на Запад. Как всегда в подобных случаях, ЦРУ потребовало от него назвать имена офицеров КГБ, которые могли бы захотеть работать на американцев. Имя Анатолия Голицына стояло вторым в списке, составленном перебежчиком. По мнению Дерябина, Голицын был особенно уязвим. Его взбалмошную жену вполне можно было использовать для того, чтобы расшатать его психику, а ещё он страдал чем-то вроде мании величия. Коллеги ненавидели его. Но Голицына отозвали в Москву, прежде чем ЦРУ смогло войти с ним в контакт...

Голицын, назначенный в Первое главное управление КГБ (ЛГУ) в Москве, сначала занимался разведоперациями против США и Великобритании. Затем его перевели в одно из подразделений, занимавшихся оценкой информации, поступавшей из НАТО.

Дерябин не ошибся: его коллега очень хотел перебраться на Запад. Как Голицын потом рассказывал в ЦРУ, он думал об этом уже тогда, готовясь превратить в деньги своё предательство. Он начал тщательно анализировать донесения (анонимные) шпионов КГБ, внедренных в Организацию Североатлантического договора. С тем чтобы потом, очутившись на Западе, по характерным признакам опознать этих советских «кротов»».

В результате «для советского отдела и контрразведки ЦРУ проблемы обращения с Голицыным оказались не столь значительными в сравнении с оценкой сути его информации. Голицын мог иметь гипертрофированное мнение о важности своей персоны, требовать встречи с президентом и Эдгаром Гувером...», — пишет Уайз.

По поводу книг Дерябина известный писатель Георгий Климов, также офицер-перебежчик, написал не без умысла уколоть Петра Сергеевича побольнее:

«Нормально русские книги пишутся в Америке так. Вот появилась книга “Тайный мир” Петра Дерябина, бывшего подполковника советской разведки. На обложке честно указано, что она написана со слов Дерябина кем-то другим. Затем появляется следующий боевик — “Записки Пеньковского”, которого расстреляли в СССР за шпионаж. И на обложке сообщается, что вместо Пеньковского эту книжку оформил Дерябин. Тот самый Дерябин, который даже свою собственную книгу написать не мог, теперь бойко пишет вместо трупа Пеньковского. Чудеса!..»

Пётр Сергеевич Дерябин умер 20 августа 1992 г. Его смерть, как, собственно, и большая часть жизни, окружена секретностью, а место захоронения до сих пор держится в тайне. Такова судьба перебежчика...

Филипп Найтли в своей книге даёт определение перебежчика как питательной среды, обеспечивающей жизнедеятельность разведывательных служб западных стран. При этом, объясняя полезность перебежчика, он называет и его опасные стороны:

«Они опасны, потому что предстоит решать, является ли перебежчик подлинным или действует, выполняя приказ хотя бы на короткое время проникнуть в вашу организацию или чтобы сбить вас с толку дезинформацией. К перебежчику, который появляется по собственной инициативе, всегда относятся с величайшей подозрительностью. Западные спецслужбы предпочитают иметь дело с теми, кого они сами наметили и долго обрабатывали, с теми, кто переходит неохотно, кого приходится тащить, а он визжит и отбрыкивается. Но и в этих случаях подозрения не исчезают полностью».

По мнению автора, трудности с перебежчиками заключаются в их моральной перегрузке, которую они постоянно испытывают: «Перегрузка возникает с того момента, когда принимается решение о побеге. Очень немногие идут на предательство с лёгким сердцем, и мысль о том, что ты отправляешься в вечное изгнание, вовсе не утешает».

При этом разведслужбы хотят, «чтобы перебежчик рассказал всё, что он знает, как можно скорее».

«Стремление выжать из перебежчика как можно скорее всё, что он знает, вовсе не означает, что спецслужбы о нём не заботятся. ЦРУ гарантирует ему пожизненную пенсию. Проявляется забота о жилье, медицинском обслуживании, социальном обеспечении. Его консультируют по финансовым вопросам, а при желании помогают приобрести новую профессию. (Очень немногие привлекаются к работе в ЦРУ, да и то лишь в качестве консультантов.) Какой бы радостной ни казалась бывшему сотруднику КГБ перспектива первоначально, он очень быстро осознаёт, что обречён пребывать на свалке отработанных перебежчиков».

Поэтому: «Самые сметливые из перебежчиков начинают понимать, что их ожидает, сразу после прибытия в Вашингтон, и пытаются что-то предпринять. Они начинают преувеличивать свою роль в делах КГБ,

присваивая себе более высокое звание, уверяют, что имели доступ к важным документам, так как оставались на работе в одиночестве по выходным дням, были знакомы с болтливым сотрудником архива, проходили специальную подготовку, а однажды даже встречались с самим Сталиным, и так далее и тому подобное».

По мнению Найтли, «все эти уловки преследуют одну цель — отдалить приход того дня, когда у него закончится вся информация и вместе с ней завершится его активный жизненный путь».

Судя по всему, Петру Сергеевичу Дерябину это удалось...

ИСТОЧНИКИ

1. Бобков Ф.Д. КГБ и Власть. М, 1995.
2. Боевой путь 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Музей боевой славы. Интернет.
3. Верещагин ПА. Моя малая родина (Записки о селе Локоть). Интернет.
4. Википедия: Востоков (Пстрочспков) Владимир Владимирович. Интернет.
5. Гордое Брук-Шеферд. Перелетные птицы (перебежчики из разведки 1945 —1985). Интернет.
6. Дегтярёв К., КолпакидиА. Внешняя разведка. М., 2009.
7. Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.
8. Петров НВ. Кто руководил органами госбезопасности, 1944—1954. Справочник. М., 2010.
9. Шатунов Е. Несостоявшийся учитель из Бийска, похороненный за океаном. Барнаул № 2,2011 г.
10. СМЕРШ. М., 2003.
11. Тьерри В. КГБ во Франции. М., 1993.
12. Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994.
13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 447. Л. 353.
14. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3355. Л. 143.
15. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1259. Л. 213.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 74. Л. 88.

**КАК УЧАСТНИК ВОЙНЫ ОКАЗАЛСЯ
НЕ ТЕМ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАВАЛ**

О войне он рассказывать любил, но, говорят, как-то сумбурно. А впрочем, чего не бывает в пятьдесят лет. И волосы уже седые, и здоровье не то, да и память где-то начинает подводить...

Александр Юрьевич Мироненко был призван в Красную армию 20 сентября 1944 г. Разделянским районным военным комиссариатом Одесской области. Украинец, беспартийный, находившийся в оккупации и ещё очень молодой человек 1926 года рождения.

Служить он попал в 191-ю стрелковую дивизию, которая в конце января 1942 г. была передана из состава 4-й армии в состав 2-й ударной и принимала участие в Любаньской операции. К 1 июня 1942 г. остатки дивизии были выведены из кольца окружения. В течение 1943 г. 191-я вела бои за Синявино, в течение всего лета 1944-го ведёт безуспешные бои на Нарвском оборонительном рубеже. В августе, в ходе Тартуской операции, проводит десантную операцию. В сентябре наступает на Ригу, а после освобождения Риги, осенью 1944 г., дивизия выводится в резерв. В декабре её перебрасывают в Польшу.

Именно день 17 декабря 1944 г. значится в документах Мироненко, как начало его участия в Великой Отечественной войне.

В марте 1945 г. старшего сержанта Мироненко Александра Юрьевича, командира отделения взвода учебной роты 191-й стрелковой Новгородской Краснознамённой дивизии, представляют к первой боевой награде — ордену Красной Звезды:

«Т. Мироненко за время пребывания в учебной роте с 17 декабря 44 г. проявил себя отличником боевой и политической подготовки, дисциплинированный и исполнительный.

Досрочно получил звание старшего сержанта. Т. Мироненко 7.03.45 г. действуя в составе взвода на участке с. Берент при выполнении боевой задачи, поставленной командиром дивизии, прорыв обороны противника с заходом в тыл проявил себя храбрым стойким командиром отделения. Он со своим отделением первым бросился в атаку и огнём из автомата рассеял группу противника, и заставил прекратить огонь огневой точки.

Т. Мироненко умелыми и смелыми своими действиями в бою показал мужество. В результате его отделение успешно выполнило приказание командования, возвратилось без потерь.

Т. Мироненко достоин правительственной награды орденом Красная Звезда».

Несмотря на такое представление, командир дивизии понизил награду с ордена до медали. Он так и написал своей собственной рукой: «Заслуживает награждения медалью “За отвагу”». Чуть ниже его подпись и дата: «15 марта 1945 года».

Служил Мироненко действительно хорошо. Был образцовым солдатом. Отличался дисциплинированностью, что отмечали не только командиры, но и его товарищи.

Как пишет В. Станкович, Мироненко в армии «служил с... 1944 года до октября 1951 года — и неплохо служил. Был командиром отделения, помкомвзвода в разведроте, начальником канцелярии мотоциклетного батальона, затем писарем штаба 191-й стрелковой и 8-й гвардейской механизированной дивизии. Его наградили медалью “За отвагу”, медалями за взятие Кенигсберга, Варшавы, Берлина. Как вспоминали сослуживцы, он отличался немалой храбростью и хладнокровием. В 1948 году Мироненко... был откомандирован в распоряжение Политуправления Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Там он работал в редакции газеты “Советская Армия”, печатал переводы, статьи, стихи.

Публиковался в украинских газетах — например, в “Прикарпатской правде”. Работал на радио: советском и немецком. За время службы в Политуправлении получал многочисленные благодарности... за выступления и публицистику, разоблачавшие фашизм».

«Журналистская карьера Мироненко тоже была стремительна, — рассказывает Е. Павлова. — В 1946 году (ему тогда был 21 год, и он служил в Германии) герою войны предложили вступить в комсомол, избрали в местное бюро ВЛКСМ. Он выступал в печати, обличая фашизм, и его откомандировали из части в газету группировки “Советская Армия”. Там он работал в международном отделе, поскольку знал несколько языков. После демобилизации, приехав с женой в Москву, устроился в... газету “На стройке”, одновременно печатался в “Красном воине”, “Советской авиации”, “Советском флоте”. Здесь его снова избрали в бюро ВЛКСМ, приняли в Союз журналистов».

«С 1952 года он работал в газете “На стройке”, — продолжает В. Станкович, — а с 1961-го — в издательстве Министерства гражданской авиации, где занимал разные должности и даже был несколько лет подряд председателем месткома профсоюза. В 1965 году даже стал кандидатом в члены партии; затем членом КПСС. Кроме основной работы... сотрудничал в разных газетах и журналах: “Красный воин”, “Советская авиация”, “Лесная промышленность”, “Водный транспорт”. И везде отмечался

благодарностями, грамотами, успешно продвигался по службе, стал членом Союза журналистов СССР. Переводил с немецкого, польского, чешского. В 1952 году вышел, например, его перевод книги чехословацкого писателя Радко Пытлика “Сражающийся Ярослав Гашек” — и отличный перевод, надо отметить».

Александр Юрьевич дослужился до старшего редактора издательства Министерства гражданской авиации... И вот что о нем рассказала «Московскому комсомольцу» его коллега — Людмила Андреевна Свиридова:

«Я Мироненко очень хорошо помню. Внешне он был приятным: высокий, симпатичный, голубоглазый, седоватый. Волосы густые. Очень исполнительный, незлобивый. Голоса не повышал. Если обещал что-то сделать, выполнит обязательно, не забудет.

Сам Мироненко практически не писал — правил чужие тексты, больше техническую литературу. Ему даже предлагали должность заведующего редакцией, но он почему-то отказался.

Мы сталкивались с ним по профсоюзной линии, я вела культурно-массовую работу, а работала лнотиписткой (наборщицей на типографской машине). Помню, как в издательстве праздновали очередную годовщину войны, так Мироненко как участнику памятные подарки вручали!»

Сколько верёвочке ни виться, все равно конец будет. Примерно так произошло и с нашим «героем». Не одно десятилетие минуло с войны. Сам он стал забывать тех, кого должен был бы помнить, но зато они его не забыли.

«Уроженка Кадиевки Вера Кравец, — рассказывает А. Кобельнюк, — окончила московский вуз и затем окончательно поселилась в столице. Однажды на улице она случайно столкнулась с импозантным мужчиной средних лет и выронила из рук стопку книг. Мужчина извинился и помог собрать книги, рассыпавшиеся на тротуаре.

На какое-то мгновение они посмотрели друг другу в глаза. Мужчина не узнал Веру. А вот она сразу поняла, что это тот самый Алекс Лютый, который в войну в Стаханове её, двенадцатилетнюю девочку, бил, пытал, обвиняя в связи с партизанами, а потом, совсем измученную, бросил в шурф шахты. Вера чудом осталась жива и даже выползла на поверхность».

Поблагодарив «незнакомца», Вера Кравец незаметно проследила за ним, а узнав его место работы, должность, а самое главное — фамилию, имя и отчество, отправилась в приёмную КГБ.

Другая встреча произошла в столичном метро. Ветеран контрразведки Аганин замечает знакомое улыбчивое лицо. Алекс Лютый ехал, как ни в чём не бывало, навстречу на соседнем эскалаторе. Игорь Харитонович Аганин в годы войны был разведчиком, работавшим во вражеском тылу. Он прекрасно знал Александра Ивановича Юхновского по прозвищу «Алекс Лютый». Сотрудник тайной Долевой полиции ГФП-721, участник пыток и расстрелов советских граждан, Юхновский тщательно скрывал своё настоящее прошлое.

Родился Юхновский в 1925 г. в Хмельницкой области (Западная Украина). С детства увлекался иностранными языками, свободно говорил по-немецки. Ещё в школе писал стихи. Отец Юхновского в прошлом был петлюровским офицером. До прихода немцев работал агрономом в Роменском районе Сумской области. Немцев приветствовал с нескрываемой радостью, а потом по заданию новых хозяев сформировал из надёжных людей местную полицию, куда устроил и своего сына. Когда в марте 1942-го в Ромнах разместилась тайная полевая полиция, Александра взяли туда в качестве переводчика.

Разоблачение Мироненко, как Юхновского, шло очень медленно, и началось оно только в 1975 г., когда у кандидата в члены КПСС «партком стал требовать... документально подтвердить получение ордена Славы и медалей, о чём Мироненко когда-то заявлял. Параллельно же проверка в архивах выявила некие расхождения в двух собственноручно написанных им автобиографиях: в одной он писал, что служил в Красной Армии с начала войны, в другой — что до призыва (до 1944 г.) находился в оккупации на Украине. Играть в игры с партийными органами — дело опасное. Поэтому в итоге Мироненко пришлось иметь дело с другими органами — им заинтересовалось Московское управление КГБ. Его вызвали на Лубянку и спросили: “Почему врал-то?” Потупив глаза, Мироненко ответил: “Боялся, что факт оккупации помешает мне вступить в партию”.

Ответ журналиста не убедил КГБ. И там начали “копать”: почему журналист путается в своей биографии, да ещё, как выяснилось, приписал себе липовые награды?» — пишет Е. Павлова.

Мироненко-Юхновский действительно подделал себе документы на орден Славы 3-й степени, что выяснить оказалось несложно. Но это ещё не было так подозрительно, как проведённая проверка парткомом издательства, которая выявила расхождения в двух собственноручно написанных им автобиографиях. Как подчёркивает В. Станкович: «Членам парторганизации это показалось подозрительным, тем более что первые нестыковки в биографии фигуранта были замечены ещё в 1959 году. И из Министерства гражданской авиации “куда надо” был послан соответствующий запрос.

Следует упомянуть, что для поиска карателей и полицейев была сформирована сложная и продуманная государственная система. Эта работа велась на постоянной основе, планомерно. Сложились её стратегия и тактика, способы и приёмы, методы и даже своеобразная этика.

Существовали особые розыскные книги: сводный труд, наверное, многих поколений сотрудников КГБ. Они включали в себя списки лиц, подлежащих розыску и привлечению к суду как военные преступники, с полными установочными данными на них. Оперработники просеивали массу отрывочных свидетельств, мимолётных упоминаний, случайных оговорок, отбирая необходимые факты. И довольно быстро тождество

журналиста и карателя стало вначале следственной гипотезой, а потом и основанием для возбуждения уголовного дела».

ГФП — (Тайная полевая полиция) — исполнительный орган военной контрразведки фашистской Германии в действующей армии. В мирное время не действовала. Руководило ГФП управление «Абвер-заграница», в состав которого входил специальный реферат ФПДВ (полевая полиция вооружённых сил). Общее оперативное руководство подразделениями ГФП на советско-германском фронте осуществлял шеф полевой полиции при командовании немецкими сухопутными силами. Официальный состав ГФП комплектовался из сотрудников гестапо и уголовной полиции. В задачи ГФП входило производство арестов по указанию военной контрразведки, ведение следствия по делам о государственной измене, шпионаже, саботаже и т.п., карательные акции в отношении партизан и других участников движения Сопротивления. Кроме того, ГФП занималась охраной штабов обслуживаемых соединений; контролем за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения; наблюдением за прессой, собраниями; розыском военнослужащих Советской армии на оккупированных территориях и т.д. ГФП имела свою агентуру. В зоне военных действий карательные и исполнительные полномочия ГФП расширились (Контрразведывательный словарь).

Рассказывает Павел Макаров:

«Распутывая этот клубок, оперативники и следователи проехали по 44 населенным пунктам, опросили множество людей, потратили уйму сил и времени и смогли воссоздать не только жизненный путь Мироненко-Юхновского, но и кровавый путь тайной полевой полиции, действовавшей на Украине. В архивах ГФП-721 сохранились копии донесений, в которых немцы фиксировали, сколько людей арестовано, допрошено, избито и казнено. Пришлось выдержать и самый настоящий поединок, в который превратились сначала беседы, а потом допросы Мироненко. (...)

...медленно, отступая шаг за шагом, под напором неопровержимых улик Мироненко признавал свои злодеяния. Сначала всё отрицал, потом признался, что состоял в тайной полиции, но лишь в качестве переводчика. Утверждал, что никогда не участвовал в избиениях, по потом нехотя признавал, что, может быть, кого-то “подтолкнул ногой” или пару раз ударил. Поначалу отрицал, что присутствовал при арестах, но потом признавал это, оговаривался, что сам не стрелял».

Во многом успешному разоблачению Юхновского способствовала

работа двух советских разведчиков, которые «служили» вместе с пособником в ГФП-721. Об этом поведал в своей статье В. Станкович:

«Вначале скажем о первом — Льве Моисеевиче Бреннере (он же Леонид Дубровский). Выпускник Московского института иностранных языков, Бреннер в первые же дни войны был направлен на фронт переводчиком. Дважды он попадал в окружение и успешно выходил к своим. Но в третий раз удача ему изменила, и он оказался в плену. Чтобы избежать уничтожения как еврей, Бреннер называется именем погибшего друга — Леонида Дубровского. В лагере, как знающего немецкий, Бреннера назначили переводчиком.

Пользуясь своим положением, Бреннер бежал из плена и перешел линию фронта. Вопреки существующим мифам, бывший пленный попал не в Сибирь, а в войсковую разведку. Не раз он ходил за линию фронта, и, как говорит послужной список, принесённые им сведения помогли освобождению городов Морозовска и Белой Калитвы. В феврале 1943-го лейтенанта Бреннера снова направляют в разведку с трофейным удостоверением переводчика Чернышевской комендатуры. Однако он был схвачен фельджандармерией и... мобилизован на службу в знакомую нам ГФП-721. Как выяснилось, одному из её руководителей — фельдкомиссару Рунцхаймеру срочно понадобился переводчик.

Всего за три месяца “Дубровскому” удалось наладить связь с подпольем, уничтожить большое количество доносов на советских граждан, спасти в Кадиевкс целую партизанскую группу под руководством видного подпольщика Степана Кононенко. Бреннер помог многим соотечественникам избежать ареста или угона в Германию, фабрикуя фальшивые документы. Но главное — он сумел передать советской военной контрразведке сведения о 136 немецких агентах, засланных в советский тыл. Увы — посланный к нему из-за линии фронта очередной связной был схвачен. В возрасте 23 лет Лев Бреннер после жестоких пыток был расстрелян в Днепропетровской тюрьме.

А спустя тридцать с лишним лет его донесения были извлечены из архивов, став доказательствами в деле Юхновского.

Вторым разведчиком, работавшим в команде ГФП-721, был лейтенант ШСГБ Ибрагим Хатямович Аганин. Выросший в городе Энгельсе Саратовской области в окружении немцев Поволжья и знавший немецкий не хуже родного татарского, он тоже попал в разведку со студенческой скамьи — со второго курса МВТУ им. Н.Э. Баумана — и не раз успешно переигрывал абверовских профессионалов.

Этого человека, ставшего через много лет после войны известным как

“татарский Штирлиц”, Алекс-Юхновский и прочие “коллеги” знали как заведующего канцелярией карателей, перебежчика из числа советских немцев, Георгия (Георга) Лебедева-Вебера».

«ПРОТОКОЛ допроса обвиняемого 9 января 1976 года:

Допрос начат в 10 час. 10 мин. Допрос окончен в 16 час. 30 мин.

Начальник отделения Следотдела УКГБ при СМ СССР по городу Москве и Московской области Хромов допросил с соблюдением требований ст.ст. 150 — 152 УПК РСФСР в качестве обвиняемого Юхновского Александра Ивановича, 1925 года рождения, уроженца д. Зелена, Антонинского района, Хмельницкой области.

Вопрос: В ходе следствия по своему делу Вы дали показания об участии в расстрелах советских граждан на шахте 4 — 4 бис в гор. Сталино в 1943 году. Ваши показания по этому вопросу соответствуют действительности?

Ответ: Да, на следствии по своему делу мною были даны показания об участии меня, как переводчика ГФП-721, в массовом расстреле советских граждан на шахте 4 — 4 бис (Калиновка) в гор. Сталино (ныне Донецк) в конце августа или начале сентября 1943 года. Эти показания соответствуют действительности, и я их полностью подтверждаю в настоящее время. Операция по расстрелу советских граждан на шахте Калиновка производилась до изгнания немецких оккупантов из гор. Сталино, поэтому в ней участвовал весь личный состав 721 группы ГФП-721, кроме лиц, занятых в нарядах.

Вопрос: Вам предъявляется акт (копия специальной комиссии) по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов на шахте 4 — 4 бис г. Сталино. После ознакомления с этим актом, что Вы имеете сказать следствию?

Ответ: С копией акта специальной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов на шахте 4 — 4 бис г. Сталино, я ознакомился. После ознакомления с указанным выше документом я имею заявить, что мне, как переводчику ГФП-721 в период пребывания в г. Сталино, временно оккупированном гитлеровцами, с февраля по сентябрь 1943 года было известно, что специальные команды, созданные из сотрудников упомянутого карательного органа, систематически выезжали на шахту, возможно и в другие места для проведения так называемых кодовых операций, а точнее говоря, расстрелов советских граждан. Эти операции среди сотрудников ГФП также назывались экзекуциями и казнями. Насколько мне помнится, незадолго до изгнания немецких

оккупантов из города Сталино мне так же, как и другим служащим ГФП-721, пришлось участвовать в операции по массовому расстрелу советских граждан на шахте 4 — 4 бис, которая также называлась Калиновка. В этом случае сотрудниками ГФП-721 было расстреляно не менее 100 человек советских граждан, в числе которых были мужчины и женщины разных возрастов. Расстрел советских граждан в данном случае происходил в последних числах августа или же в первых сентября 1943 года. 250

Операция проводилась рано утром, но видимость была достаточная для того, чтобы уничтожить жертвы и не повредить своих. Лично я находился при этой операции вблизи места казни. В мою обязанность входило не допустить побегов лиц, доставленных на расстрел. Во время операции в нашу сторону прорвалась женщина, которая просила её не убивать, мне тогда показалось, что это была разведчица Анохина, которую я допрашивал вместе с Каргелем. Каргель выстрелил в эту женщину из пистолета и она упала в шахту. Также от места казни в нашу сторону прорвались двое мужчин, по которым я выстрелил целую обойму (8 патронов). Эти мужчины тоже упали в шахту. Сколько пуль попало после моих выстрелов в этих мужчин, я уточнить не могу. Стрелял я в этих мужчин по приказу Каргеля. В этих мужчин возможно стреляли одновременно со мной Каргель и его помощник Шгумпф. В своих собственноручных показаниях, говоря об участии в операции по расстрелу советских граждан на шахте Калиновке, я ошибочно указал, что тогда было расстреляно 40 человек, тогда как в этой операции было уничтожено не менее ста человек. В тех же собственноручных показаниях я не указал, что произвёл 8 выстрелов в двух мужчин, прорвавшихся в нашу сторону.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются материалы, из которых видно, что, находясь на службе в ГФП-721, Вы в период марта 1943 года неоднократно выезжали на расстрелы советских граждан в г. Сталино. Расскажите об этом.

Ответ: Будучи на службе в ГФП-721 в гор. Сталино, я в марте 1943 года ни одного раза не выезжал на расстрелы советских граждан. Об этом мною были даны подробные показания следствию ранее, я на этих показаниях настаиваю в настоящее время.

Вопрос: Уточните, когда и в каком населённом пункте Вы в составе команды Лёбаха участвовали в расстреле 8 — 10 человек советских граждан, о чём Вами были даны собственноручные показания от 10 октября 1975 года?

Ответ: Как я вспомнил сейчас, осенью 1943 года, в конце октября или

же в начале ноября, в пути следования из гор. Апостолово на Никополь, точное место указать не могу, но это было ближе к Никополю, команда Лебаха, в составе которой я находился в одном из оврагов, а не у канавы, как я показывал ранее, расстреляла около 10 человек мужчин. В этом случае я произвёл два выстрела в спины двум мужчинам, не известным мне по фамилиям. Перед этим Лёбах по 10 мужчинам выстрелил из автомата и которые были не убиты, а ранены, он приказал их добить. В частности, по приказанию Лебаха я выстрелил по двум уже раненым им мужчинам из пистолета в спины. Мои показания с моих слов записаны правильно и мною прочитаны, поправок и замечаний нет.

Допросил: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ ПРИ СМ СССР ПО ГОРОДУ МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ Капитан Хромов».

Неопровержимым фактом «особых заслуг» Юхновского было выявлено его награждение немецкой медалью «За заслуги». К слову сказать, он стал единственным кавалером этой награды из всего персонала пособников, состоящих на службе в ГФП-721.

Эта медаль была учреждена 14 июля 1942 г. для награждения военнослужащих из восточных народов. Правом награждения обладали имперский министр оккупированных восточных территорий и генерал-инспектор Восточных войск вермахта. О многом говорит и тот факт, что по значимости награда приравнивалась к Железному кресту и Кресту за военные заслуги.

В 1943 г. Юхновский, опять-таки «за отличную службу» фашистам, был премирован поездкой в Третий рейх.

Нашлись и другие документы, изобличающие Юхновского:

«Предварительное удостоверение

Юхновский Александр имеет право до выдачи официального удостоверения на ношение пистолета № 4280057 Фельдполицайкомиссар Кернер».

«Охранная грамота

Для Юхновского Александра, по профессии — сотрудника вспомогательной полиции.

Владелец этой охранной грамоты находится под особым немецким покровительством. Все меры, направленные каким-либо из немецких учреждений против его собственности, неприкосновенности или жизни, должны быть согласованны с генеральным комиссаром ГФП.

Настоящим также Юхновский Александр освобождается от разного рода особых сборов и обязанностей, квартирной повинности и разного рода реквизиций, а также от физических работ вне его ведомства или места его службы. Владелец охранной грамоты пользуется помощью и поддержкой немецких военных соединений и учреждений, предоставляемых ему по его желанию и в полном объеме.

Фельдполицайкомиссар Керпер».

С каждым новым допросом Юхновскому всё труднее и труднее было выглядеть простым исполнителем в роли всего-то переводчика. Как уточняет В. Станкович, «очень быстро выяснились довольно-таки странные обстоятельства. Например, что юный Юхновский быстро завоевал авторитет у немцев, был зачислен на все виды довольствия и получил пистолет, при этом не имея никакого звания и числясь всего-навсего переводчиком. “Припёртый к стенке” Мироненко признаётся, что ему “приходилось” на допросах “избивать арестованных резиновой дубинкой”.

Свидетель Хмиль — простой человек, задержанный в ходе облавы, вспоминал: “Я просил Сашу, чтобы он меня не бил, говорил, что ни в чём не виноват, даже вставал перед ним на колени, но он был неумолим... Переводчик Саша... допрашивал меня и избивал с азартом и инициативой”.

Другие свидетели говорят примерно это же. “Алекс избивал резиновым шлангом сбежавшего из лагеря и пойманного в облаве пленного, ломал ему пальцы...” “На моих глазах Юхновский расстрелял какую-то девушку. Ей было лет семнадцать. За что — не сказал”. “Летом он избил какую-то женщину до бессознательного состояния. Потом её выбросили во двор, потом увезли...”»

Из протокола допроса свидетельницы Борисовой Н.П.: «В период весны и лета 1943 года в гор. Сталино мне несколько раз приходилось видеть, как Юхновский, будучи вооружённым пистолетом, из грузовой машины брал арестованных и сопровождал их в комнату допросов, находящуюся на первом этаже здания, которое занимала 721 группа ГФП. Когда он их брал с машины, то они имели нормальный вид и даже были не связаны. Юхновский арестованным кричал, чтобы они шли быстрее, при этом ударами руки подталкивал в спину. Как и вместе с кем из немецких следователей допрашивал Юхновский советских людей, я не знаю, так как на допросах не присутствовала, но мне неоднократно приходилось слышать крики мужчин и женщин, которые допрашивались с его участием. Я так же видела в период весны и лета 1943 года (точные даты не помню), как Юхновский выводил из комнаты допросов избитых и окровавленных трёх мужчин в возрасте около 30 лет, руки у которых были заломлены назад и связаны верёвками. Мужчины шли и стонали. Куда их вёл Юхновский, я не знаю, но думаю, что на машину для отправки в тюрьму. Фамилий этих мужчин я не знаю, и мне не известно, за что они были арестованы. Я также

в указанный выше период видела, как Юхновский из комнаты допросов выводил во двор на машину двух молодых женщин, лица у которых были окровавлены, а руки заломлены назад и связаны верёвками. Выводил он их не сразу, а по одной. Ни фамилий, ни имён этих женщин я не знаю. Мне несколько раз приходилось производить уборку, где с участием Юхновского в комнате допросов истязали советских людей. В этой комнате на полу и стенах было много кровавых пятен. Хочу сказать, что мне как уборщице ГФП-721 приходилось по своим делам проходить по коридорам здания ГФП и то, что я показала о сопровождении Юхновским арестованных советских граждан, видела сама лично. О его выездах на расстрелы советских людей я знаю со слов б. кавалера Сидоренко Аркадия. О том, как Юхновский внедрялся с целью предательства в антифашистские организации, я знаю с его слов. О преступной деятельности Юхновского в период его службы в ГФП-721 должны хорошо знать Сидоренко Аркадий, Лурга Леонид и выше мною названный Арнольд. Юхновский, как сотрудник ГФП-721, не всё время находился в гор. Сталино, он вместе с Сидоренко и Лургой выезжал в г. Таганрог, где проводились карательные операции против партизан. Об этом мне говорил Сидоренко. Да я и сама видела, как вместе с ним в Таганрог собирался...»

На следствии Юхновский показал, как летом 1944 г. он нарочно отстал от отступавшей из Молдавии колонны немцев, затем сделал себе новые документы на фамилию мачехи, став Мироненко, а в Одесской области, чтобы окончательно затеряться, вступил в ряды Красной армии.

Отец Юхновского был после войны расстрелян. Утверждают, что свою деятельность в роли начальника полиции г. Ромны он начал с публичной казни через повешение более чем 200 человек. Поэтому его не могла спасти некоторая активная работа на партизан, когда он вынужденно помогал им делать необходимые пропуска и другие документы.

Свою единственную дочь Юхновский успел выдать замуж за немца. На суд она приезжала уже из Германии. После ареста жене Юхновского сразу же предложили уволиться из издательства «Высшая школа» по собственному желанию. Позже она сменит фамилию своего мужа-палача.

А в 1976 г. в центральной прессе Советского Союза появится небольшое сообщение о том, что в соответствии с рассмотрением материалов уголовного дела, некто Юхновский — гитлеровский палач, который долгое время скрывался под именем Александра Мироненко, приговорен к смертной казни.

Спустя тридцать лет после Великой Победы возмездие наконец-то свершилось. Следствие и суд расставили все точки над «і». Однако вряд ли кто до сих пор сможет здраво объяснить, как вполне обычный советский школьник, добрый и отзывчивый подросток, писавший стихи, вдруг стал хладнокровным участником массовых расстрелов и истязаний своих соотечественников.

ИСТОЧНИКИ

1. Википедия: 191-я стрелковая дивизия. Интернет.
2. Википедия: Юхновский Александр Иванович. Интернет.
3. Кобельнюк А. Он служил в «филиале гестапо». Ракурс-интернет.
4. Контрразведывательный словарь. Высшая школа КГБ СССР. М, 1972 г.
5. Курылёв О. Боевые награды Третьего рейха. М., 2005.
6. Макаров П. В ипостасях... Лебедь, №561,30 марта 2008 г.

7. Павлова Е. 30 лет под страхом смерти. Московский комсомолец, № 1963,20 декабря 2005 г.

8. Станкович В. Двойная жизнь предателя — поэт и палач в одном лице. НВО, 31 мая 2011 г.

9. ЦАМО. Ф. 33. Он. 687572. Д. 708. Л. 239.

ТОНЬКА — ПАЛАЧ ЛОКОТСКОГО ОКРУГА

Антонина Макаровна Макарова родилась в 1923 г. в деревне Малая Волковка, Сычёвского уезда, Смоленской губернии в бедной крестьянской семье. После окончания школы Антонина уехала за лучшей жизнью в Москву, но война сломала вполне достижимую мечту девушки. Как и тысячи сверстниц, она добровольно попросилась на фронт и очень скоро, с санитарной сумкой через плечо, в составе одной из дивизий народного ополчения отправилась на передовую.

К слову сказать, Антонина Макарова вполне могла клюнуть на разъяснения районных московских начальников, что воевать ополченцы не будут, а им придётся всего лишь решать вспомогательные задачи недалеко от дома. Например, на строительстве оборонительных рубежей, охране военных объектов, ловле диверсантов и т.д. Правда, были ещё и льготы. Так, Е. Жирнов в статье «За партизанами сохранена заработная плата» касается материальной стороны, в том числе и мобилизованных добровольцев в народное ополчение:

«Жительница города Пушкина Ленинградской области Лидия Осипова 10 августа 1941 года записала в дневнике:

“Многие идут добровольцами на фронт. Это отнюдь не энтузиазм, а расчёт. Семьям добровольцев обеспечивается довольно большое пособие, а мобилизуют всё равно: не через неделю, так через две. Вот люди и спешат в “добровольцы”. Власть делает из этого пропагандную шумиху. И волки сыты, и овцы — если не сыты, то всё же имеют какой-то профит”....

Уход добровольцев на фронт из корыстного расчета, а не по зову сердца совершенно не соответствовал тому, во что на протяжении всех военных и послевоенных лет верил весь советский народ. Но документы свидетельствуют, что партия и правительство действительно стимулировали добровольцев: им на всё время службы сохранялась зарплата по прежнему месту работы.

Денежное содержание рядового красноармейца, призванного до войны или мобилизованного по повестке, составляло 10 руб. в месяц, и за участие в боевых действиях добавлялось столько же. Зарплата рабочего составляла около 300 руб. в месяц, а у передового отряда трудящихся — стахановцев — могла достигать и до 1000 руб. У специалистов с высшим образованием зарплата колебалась в пределах 500 — 1000 руб. Так что в выгоде добровольного ухода на фронт не было никаких сомнений.

Воодушевлённые успехом этой меры, руководители страны решили распространить её на тех, кто, несмотря на призывной возраст или проблемы со здоровьем, решил записаться в народное ополчение. 10 июля 1941 года Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение»».

Ну как же Антонина Макарова могла пропустить такой шанс, да ещё если не воевать, а просто помочь фронту?

Всё оказалось намного прозаичнее, чем Тонька могла себе представить...

7 октября немцы силами 56-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы с севера, 46-го и 40-го моторизованных корпусов 4-й танковой группы с юга и востока прорвались к Вязме и окружили 19 стрелковых дивизий, 4 танковые бригады четырёх советских армий и группы генерала Болдина, образовавших «Вяземский котел».

11 октября 1941 г., все они пытались вырваться из окружения под общим командованием генерала Лукина. 85 тысячам бойцам и командирам удалось выйти к своим. Но там, под Вязмой, на полях боев остались около 400 тысяч их товарищей, а 685 тысяч бойцов и командиров попали в плен.

Там, в «Вяземском котле», Антонина Макарова впервые в своей жизни оказалась в окружении.

А окружение — вещь безумно страшная! Окружение — это, в сущности, замкнутое пространство. «Что означала эта “замкнутость”? — объясняет на основе фактов Б. Беленкин. — Невозможность обороняться (заканчивались боеприпасы); голод (невозможность раздобыть пищу, к тому же в условиях рано наступившей зимы, т.е. рано выпавшего снега); вынуждение к постоянной смене места дислокации (к чему побуждали — непрерывные, в течение всех дней существования ещё хоть в какой-то степени боеспособных частей — танковые атаки, бомбёжки и артобстрел противника), и потому невозможность хоть как-то согреться, обсушиться в условиях непрекращающихся: дождя, мороси, снега... Боевые порядки нарушены, воинские части перемешались. Москвичи-ополченцы (в возрасте от 17 до 55 лет) оказались рядом с солдатами-призывниками, последние же — по своему происхождению — в основном крестьяне. Полуграмотные парни, с одной стороны, более приспособленные к выживанию в походных условиях, с другой — вовсе не горящие столичным патриотизмом. С неба — листовки про “жидов и комиссаров”. — А жида-интеллигенты и коммунисты — их рядом в избытке... — ополченцы! В замкнутом пространстве вязьминского котла много чего обнаруживалось. Среди прочего, насколько эфемерным может быть понятие “свои — чужие” (имеются в виду массовые случаи выдачи оккупантам своих товарищей по плену — евреев и коммунистов). Оказалось, что свои могут оказаться столь же опасны, как и враг!.. Для большинства — эти “обнаружения”, эти

открытия стали предсмертными». Но только не для Антонины Макаровой, ибо сопротивляться врагу она и не собиралась. Корыстолюбивая натура жаждала жизни. Некоторым нашим современникам это покажется очень знакомым, но это уже другой разговор.

О том, что было дальше, рассказывают О. Багaleyша и Е. Сажнева:

«19-летняя медсестра Тоня Макарова очнулась после боя в лесу. В воздухе пахло горелой плотью. Рядом лежал незнакомый солдат. “Эй, ты цела ещё? Меня Николаем Федчуком зовут”. “А меня Тоней”, — она ничего не чувствовала, не слышала, не понимала, будто душу её контузили, и осталась одна человеческая оболочка, а внутри — пустота. Потянулась к нему, задрожав: “Ма-а-амочка, холодно-то как!” “Ну что, красивая, не плачь. Будем вместе выбираться”, — ответил Николай и расстегнул верхнюю пуговицу её гимнастёрки.

Три месяца, до первого снега, они вместе бродили по чащобам, выбираясь из окружения, не зная ни направления движения, ни своей конечной цели, ни где свои, ни где враги. Голодали, ломая на двоих ворованные ломти хлеба. Днем шарахались от военных обозов, а по ночам согревали друг друга. Тоня стирала обоим портянки в студёной воде, готовила нехитрый обед. Любила ли она Николая? Скорее, выгоняла, выжигала калёным железом страх и холод у себя изнутри.

“Я почти москвичка, — гордо врала Тоня Николаю. — В нашей семье много детей. И все мы Парфёновы. Я — старшая, как у Горького, рано вышла в люди. Такой букой росла, неразговорчивой. Пришла как-то в школу деревенскую, в первый класс, и фамилию свою позабыла. Учительница спрашивает: “Как тебя зовут, девочка?” А я знаю, что Парфёнова, только сказать боюсь. Ребятишки с задней парты кричат: “Да Макарова она, у неё отец Макар”. Так меня одну во всех документах и записали. После школы в Москву уехала, тут война началась. Меня в медсестры призвали. А у меня мечта другая была — я хотела на пулемёте строчить, как Анка-пулемётчица из “Чапаева”. Правда, я на неё похожа? Вот когда к нашим выберемся, давай за пулемёт попросимся...”

В январе 42-го, грязные и оборванные, Тоня с Николаем вышли, наконец, к деревне Красный Колодец. И тут им пришлось навсегда расстаться. “Знаешь, моя родная деревня неподалёку. Я туда сейчас, у меня жена, дети, — сказал ей на прощание Николай. — Я не мог тебе раньше признаться, ты уж меня прости. Спасибо за компанию. Дальше сама как-нибудь выбирайся”. “Не бросай меня, Коля”, — взмолилась Тоня, повиснув на нём. Однако Николай стряхнул её с себя как пепел с сигареты и ушёл.

Несколько дней Тоня побиралась по хатам, христарадничала,

просилась на постой. Сердобольные хозяйки сперва её пускали, но через несколько дней неизменно отказывали от приюта, объясняя тем, что самим есть нечего. “Больно взгляд у неё нехороший, — говорили женщины. — К мужикам нашим пристаёт, кто не на фронте, лазает с ними на чердак, просит её отогреть”.

...так или иначе, у неё остались лишь физические потребности: хотелось есть, пить, помыться с мылом в горячей бане и переспать с кем-нибудь, чтобы только не оставаться одной в холодной темноте. Она не хотела быть героиней, она просто хотела выжить. Любой ценой.

В той деревне, где Тоня остановилась вначале, полицаев не было. Почти все её жители ушли в партизаны. В соседней деревне, наоборот, прописались одни каратели. Линия фронта здесь шла посередине околицы. Как-то она брела по околице, полубезумная, потерянная, не зная, где, как и с кем она проведёт эту ночь. Её остановили люди в форме и поинтересовались по-русски: “Кто такая?” “Антонина я, Макарова. Из Москвы”, — ответила девушка.

Её привели в администрацию села Локоть. Полицаи говорили ей комплименты, потом по очереди “любили” её. Затем ей дали выпить целый стакан самогона, после чего сунули в руки пулемёт. Как она и мечтала — разгонять непрерывной пулемётной строчкой пустоту внутри. По живым людям».

В самый первый раз она вышла на расстрел партизан (на свою новую работу) совершенно пьяной. Позже она расскажет, что абсолютно не понимала, что делала. Но зато ей заплатили хорошо — 30 марок, и предложили работу палача на постоянной основе. Кроме денег, Антонине дали койку в комнате на местном конезаводе, где она ночевала и хранила свой любимый пулемёт.

К слову сказать, жалованье офицерам вермахта равнялось 54 марки, а солдатам вермахта — 37. Выходит, Антонина Макарова получала за свой «труд» неплохие деньги. Ведь, как известно, те же слушатели курсов РОА в Дабендорфе имели от немцев и того меньше — 16 марок, вне зависимости от чина.

И всё-таки корысть Антонины и здесь оказалась на первом месте...

Историк И. Ермолов в своей диссертации тему Локотского автономного административно-государственного образования на территории Орловской и Курской областей, просуществовавшего в течение двух лет — с 1941 по 1943 г., называет не иначе, как «самой интересной страницей истории гражданского и военно-политического коллаборационизма периода оккупации РСФСР». Однако, как мне кажется, эта страница выглядит не иначе, как одной из самых мерзких в истории Великой Отечественной войны. Именно на этой странице оставила свой кровавый след и Антонина Макарова.

Например, участник Великой Отечественной войны Ф. Дунаев в своём открытом письме всё тому же Ермолову напоминает некоторые факты из жизни так называемой «Локотской республики»:

«...4 октября 1942 года по случаю годовщины “освобождения” в газете “Голос народа” была опубликована заметка, в которой авторы благодарили командира дивизии вермахта генерала фон Гильза, ровно год назад — 4 октября 1941 года вступившего в посёлок Локоть, за “освобождение от ига большевизма” и весьма сокрушались по поводу предстоявшей передислокации из поселка его части. Так что, как видите, германцы никуда не уходили в течение года. Более того, к этому времени в Локте уже дислоцировался охранный батальон советника Каминского полковника Рюбзама: пункт связи, фельдкомендатура и военно-полевая жандармерия, оперативная команда 7 “б” германских органов полиции безопасности и СД, подразделения охраны лагеря для советских военнопленных на станции Брасово, штабы “1-Ц” контрразведки войсковых частей, проходивших через Локоть дальше на восток. Другим коварным подразделением явилось Брасовское отделение “Абвергруппа-107” во главе с опытным разведчиком зондерфюрером “Б” (майором) Гринбаумом, которая подчинялась абверкоманде и военному коменданту тыловой области второй танковой армии группировки “Мите” генерал-лейтенанту Г.Ф. Бернгарду. Необходимость в ней объяснялась близостью фронта, а также противостоянием с орловскими чекистами, действовавшими с баз партизанских отрядов “За Родину”, “Смерть немецким оккупантам” и отряда имени Ворошилова № 1. На этом фоне при содействии немецких властей в п. Локоть была создана русская районная полиция, второй отдел которой занимался агентурной работой. Позднее такие же подразделения

возникли и в других районах будущего округа. Действовал и старостат во главе с К. Войскобойником, реорганизованный со временем в бургомистрат, суд, тюрьма на базе бывшего государственного конезавода, стойла которого были превращены в камеры для заключения и расправы над патриотами, а находящийся рядом с ипподромом завода овраг превратился впоследствии в огромную могилу для нескольких сотен расстрелянных и замученных патриотов».

Чуть дальше ветеран затрагивает и ту самую «интересную страницу», рекомендуя Ермолову, что, видимо, бесполезно, «не порхать по верхушкам сомнительных источников информации, а обратиться к ныне живым ещё, к счастью, участникам партизанского движения, перенёсшим ужасы фашистской оккупации, апеллировать в своём поиске к компетентным ведомствам и организациям и обязательно ознакомиться в Государственном архиве Брянской области с актами чрезвычайных государственных комиссий, занимавшихся после изгнания оккупантов с территории Брянской области расследованием совершенных ими злодеяний. Из этих актов известно, что только карателями бригады РОНА на территории Брянской и Витебской областей было расстреляно, замучено и повешено более 10000 советских граждан, заживо сожжено 203 человека. Лишь из одного Брасовского района Брянской области угнано на каторжные работы в Германию 7000 человек. Полностью сожжены 24 деревни и 7300 колхозных дворов, разрушено 767 общественных и культурных учреждений. Общий убыток, причинённый государству и колхозам действиями бригады РОНА, составил 900 миллионов рублей в цепях того времени. Приведённые выше факты — это далеко не полный реестр преступных дел Б. Каминского. Даже враг, который за преступные дела произвел его в бригаде фюреры (генерал-майоры) СС и наградил железным крестом за борьбу с партизанами на линии Орёл — Брянск, был потрясён зверствами и мародёрством подчинённых ему каминцев при подавлении Варшавского восстания. По приговору военно-полевого суда войск СС Каминский был расстрелян».

«Бывшая квартирная хозяйка Тони из Красного Колодца, одна из тех, что когда-то тоже выгнала её из своего дома, пришла в деревню Локоть за солью. Её задержали полицаи и повели в местную тюрьму, приписав связь с партизанами. “Не партизанка я. Спросите хоть вашу Тоньку-пулемётчицу”, — испугалась женщина. Тоня посмотрела на неё внимательно и хмыкнула: “Пойдём, я дам тебе соль”.

В крошечной комнате, где жила Антонина, царил порядок. Стоял пулёмёт, блестящий от машинного масла. Рядом на стуле аккуратной стопочкой была сложена одежда: нарядные платица, юбки, белые блузки с рикшетом дырок в спине. И корыто для стирки на полу.

“Если мне вещи у приговоренных нравятся, так я снимаю потом с мертвых, чего добру пропадать, — объяснила Тоня. — Один раз учительницу расстреливала, так мне ее кофточка понравилась, розовая, шёлковая, но уж больно вся в крови заляпана, побоялась, что не отстираю — пришлось ее в могиле оставить. Жалко... Так сколько тебе надо соли?”

“Ничего мне от тебя не нужно, — попятилась к двери женщина. — Побойся бога, Тоня, он ведь есть, он всё видит — сколько крови на тебе, не отстираешься!” “Ну раз ты смелая, что же ты помощи у меня просила, когда тебя в тюрьму вели? — закричала Антонина вслед. — Вот и погибала бы по-геройски! Значит, когда шкуру надо спасти, то и Тонькина дружба годится?”

По вечерам Антонина наряжалась и отправлялась в немецкий клуб на танцы. Другие девушки, подрабатывающие у немцев проститутками, с ней не дружили. Тоня задирала нос, бахвалясь тем, что она москвичка. С соседкой по комнате, машинисткой деревенского старосты, она тоже не откровенничала, а та её боялась за какой-то порченный взгляд и ещё за рано прорезавшуюся складку на лбу, как будто Тоня слишком много думает.

На танцах Тоня напивалась допьяна, и меняла партнёров как перчатки, смеялась, чокалась, стреляла сигаретки у офицеров. И не думала о тех очередных 27-ми, которых ей предстояло казнить утром. Страшно убивать только первого, второго, потом, когда счёт идёт на сотни, это становится просто тяжёлой работой.

Перед рассветом, когда после пыток затихали стоны приговорённых к казням партизан, Тоня вылезала тихонечко из своей постели и часами бродила по бывшей конюшне, переделанной наскоро в тюрьму,

всматриваясь в лица тех, кого ей предстояло убить» (Палач Локотской республики).

Летом 1943-го Антонина подцепила срамную болезнь. От кого, и сама, видимо, не знала. Кавалеров у Тоньки-пулемётчицы было не счесть. Однако её пожалели, а возможно, и приберегли, отправив на излечение в тыловой немецкий госпиталь.

Когда Советская армия подошла и к тем местам, Антонине Макаровой удалось бежать. Весной 1945-го она работала уже медсестрой советского военного госпиталя в Кенигсберге, где и познакомилась со своим будущим мужем — гвардии рядовым Гинзбургом, который 18 апреля в наступательном бою за противотанковый ров на южной опушке леса Штаатсфорст огнём из своего миномёта уничтожил до 15 солдат противника и получил контузию. За этот подвиг солдата наградили медалью «За отвагу». Контузия же принесла солдату счастье. Он с первого взгляда полюбил свою медсестру в белом халате.

Виктор хоть и был еврей, однако воевал с 1941 г., прошёл всю войну. Да и было ему на тот момент уже 26 лет. Постарше, помудрее, в общем, самое настоящее твёрдое плечо, за которое и выходят замуж.

Через несколько дней они расписались, и Тоня взяла фамилию мужа. Вместе дослуживали до демобилизации, а потом переехали поближе к родине мужа.

Собственно, так Антонине Макаровой и удалось скрыться от возмездия на долгие десятилетия, но не навсегда.

«В тихом Лепеле, где почти все знают друг друга и здороваются при встречах, чета Гинзбургов и проживала благополучно до конца семидесятых, — уточняет Людмила Селицкая. — Настоящая образцово-показательная советская семья: оба ветераны Великой Отечественной, прекрасные труженики, растят двух дочерей. Льготы, стол заказов, орденские планки на груди в праздничные дни... Портрет Антонины Макаровой, как вспоминают старожилы Лепеля, украшал местную доску Почёта. Да что там говорить — фотографии четы ветеранов даже были в здешнем музее. Это потом, когда всё разъяснилось, один из снимков — женский — пришлось спешно изымать из музейных фондов и отправлять на списание с непривычными для музейщиков формулировками».

А разъяснялось все очень долго, пока в один из лептах дней 1978 г. Антонину Гинзбург не арестовали...

Она шла с обыкновенной авоськой в руке по улице своего города в плаще песочного цвета. Рядом резко затормозила «Волга», из которой выскочили люди в штатской одежде и обступили её плотным кольцом.

— Вы должны проехать с нами, — сказал ей самый старший.

Антонина Макаровна только подняла на него глаза и попросила закурить.

«Ни страха, ни волнения, ни слёз», — засвидетельствует оперуполномоченный Управления КГБ по Брянской области П. Головачёв.

Изобличению Антонины Макаровой-Гинзбург во многом поспособствовало элементарное везение. Л. Селицкая в своём материале прослеживает эту нить:

«Одним из проявлений этого феномена было то, что московскому жителю по фамилии Панфилов (Парфёнов здесь и далее.) в 1976 году пришлось срочно собираться в заграничный вояж. Будучи человеком дисциплинированным, он по всем тогдашним правилам заполнил полагавшуюся пространную анкету, не пропустив в перечислении ни одного из родственников. Вот тут-то и выплыла загадочная деталь: все братья-сёстры его — Панфиловы, а одна почему-то Макарова. Каким, простите за каламбур, макарон так получилось? Гражданина Панфилова вызвали в ОВИР для дополнительных объяснений, при которых присутствовали и заинтересованные люди в штатском. Панфилов поведал о живущей в Белоруссии сестре Антонине.

Как обстояло дело дальше, я расскажу языком документов, любезно предоставленных мне Натальей Макаровой, референтом пресс-группы УКГБ по Витебской области. Итак, “Справка о мероприятиях по розыску “Садистки”.

“В декабре 1976 года Гинзбург В.С. выезжал в г. Москву к брату жены полковнику Советской Армии Панфилову. Настораживало, что брат носил не одинаковую фамилию с женой Гинзбурга. Собранные данные послужили основанием к заведению в феврале 1977 года на Гинзбург (Макарову) А.М. дела проверки “Садистка”. При проверке Панфилова было выяснено, что Гинзбург А.М., как указал её брат в своей автобиографии, в период войны находилась в плену у немцев. Проверка показала также, что она имеет большое сходство с ранее разыскивавшейся УКГБ по Брянской области Макаровой Антониной Макаровой, 1920 — 1922 г.р., уроженкой Московской области, бывшей медсестрой Советской Армии, объявлявшейся во всесоюзный розыск. Розыск её был прекращён УКГБ по Брянской области в связи с малым объёмом необходимых для активных мероприятий данных и смертью (якобы расстреляна немцами в числе других женщин, больных венерической болезнью). Группа больных женщин действительно была расстреляна, но Гинзбург (А. Макарову. — Авт.) немцы увезли с собой в Калининградскую область, где она и осталась после бегства оккупантов”.

Как видим из справки, времени от времени руки опускались даже у самых неустойчивых оперативников, ведущих поиск неуловимой Тоньки. Правда, он тут же возобновлялся, стоило лишь открыться новым фактам в затянувшейся на 33 года истории, что и позволяет говорить о непрерывности поиска. А странные факты по делу Макаровой в 1976 году уже начали сыпаться как из рога изобилия. Контекстуально, по совокупности, так сказать, странные.

Они знали её в лицо. С учётом возникших в деле коллизий следователи решили провести с ней “зашифрованную беседу” в райвоенкомате. Вместе с Макаровой сюда же были приглашены и ещё несколько женщин, участниц Великой Отечественной войны. Разговор был об участии в боевых действиях якобы для будущих наградных дел. Фронтовички охотно вспоминали. Макарова-Гинзбург при этой беседе явно растерялась: не могла вспомнить ни командира батальона, ни сослуживцев, хотя в её военном билете указано, что 422-м санитарном батальоне провела с 1941 по 1944 год включительно. Далее в справке записано:

“Проверка по учетам военно-медицинского музея в г. Ленинграде показала, что Гинзбург (Макарова) А.М. в 422-м санитарном батальоне не служила. Однако неполную пенсию, куда входила и служба в рядах Советской Армии в период войны, она получала, продолжая работать старшим контролёром ОТК швейного цеха Лепельского деревообрабатывающего объединения”. Подобная “забывчивость” уже больше похожа не на странность, а, скорее, на реальную улику».

Незнание Гинзбург-Макаровой объясняется весьма просто. 422-й медико-санитарный батальон входил в состав 339-й стрелковой дивизии, которая была сформирована в сентябре 1941 г. в Северо-Кавказском военном округе в основном из уроженцев Ростовской области. В октябре дивизия вступила в бой на правом берегу реки Миус. Гинзбург-Макарова в это время находилась в вяземском окружении. А когда Антонина Макаровна работала палачом в селе Локоть, 339-я сд воевала в предгорьях Кавказа, принимала участие в освобождении Кубани и Таманского полуострова, а также в керченско-эльтигенском десанте. Словом, все это было не просто далеко, но и абсолютно ей неизвестно.

«Но любая догадка требует подтверждения, — продолжает Л. Селицкая. — Теперь следователям предстояло или получить такие подтверждения, или, наоборот, опровергнуть собственную версию. Для этого следовало показать свой объект интереса живым свидетелям преступлений Тоньки-пулемётчицы. Устроить, что называется, очную ставку — правда, в достаточно деликатном виде.

В Лепель стали тайком привозить тех, кто мог опознать женщину-палача из Локтя. Понятно, делать это приходилось очень осторожно — чтобы не поставить под удар в случае отрицательного результата репутацию уважаемой в городе “фронтовички и отличной труженицы”. То есть знать о том, что идёт процесс опознания, могла лишь одна сторона — опознающая. Подозреваемая же ни о чем не должна была догадываться.

Дальнейшая работа по делу, если говорить сухим языком вес той же “Справки о мероприятиях по розыску “Садистки”, проводилась в контакте с УКГБ по Брянской области. 24 августа 1977 года было проведено повторное опознание Гинзбург (Макаровой) прибывшими в Лепель из Брянской области Пелагеей Комаровой и Ольгой Паниной. У первой Тонька снимала осенью 1941 года в деревне Красный Колодец угол (помните рассказ о походе в Локоть за солью?), а вторая в начале 1943 года была брошена немцами в Локотскую тюрьму. Обе женщины безоговорочно признали в Антонине Гинзбург Тоньку-пулеметчицу. (...)

Правда жизни состоит в том, что 2 июня 1978 года Гинзбург (Макарову) в очередной раз опознала приехавшая из Ленинградской области женщина, бывшая сожительница начальника Локотской тюрьмы. После чего уважаемая гражданка Лепеля Антонина Макарова и была остановлена на улице вежливыми людьми в штатском».

В Управлении КГБ Брянска Антонина Макаровна, после недолгих размышлений, стала давать показания:

— Значит, не зря последний год на сердце стало тревожно, будто чувствовала, что появитесь. Как давно это было. Будто не со мной вовсе. Практически вся жизнь уже прошла. Ну, записывайте...

И следователь записывал:

«Все приговорённые к смерти были для меня одинаковые. Менялось только их количество. Обычно мне приказывали расстрелять группу из 27 человек — столько партизан вмещала в себя камера. Я расстреливала примерно в 500 метрах от тюрьмы у какой-то ямы.

Арестованных ставили цепочкой лицом к яме. На место расстрела кто-то из мужчин выкатывал мой пулемёт. По команде начальства я становилась на колени и стреляла по людям до тех пор, пока замертво не падали все...»

К слову сказать, «максим» для женщины был тяжёл. Сам пулемет без станка, воды и патронов весил около 20 кт. Масса станка равнялась 40 кт и 5 кт весила вода. А поскольку использовать пулемёт без станка и воды было невозможно, то рабочая масса всей системы (без патронов) составляла около 65 кт.

Историческая справка:

Ёмкость пулемётной ленты — 100, 200 или 250 патронов.
 Темп стрельбы пулемёта — 250 — 300 выстрелов в минуту.
 Прицельная дальность — до 2700 м (с прицелом образца 1930 г.).
 Начальная скорость пули — 800 — 865 м/с. Жестяной короб охлаждения разных моделей вмещал от 5 до 10 литров воды.

Но вернёмся к «откровениям» Тоньки:

«Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдёшь ближе, а кое-кто ещё дёргается. тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключённых на груди был подвешен кусок фанеры с надписью “партизан”. Некоторые перед смертью что-то пели.

После казней я чистила пулемёт в караульном помещении или во дворике. Патронов было в достатке...»

«Мне казалось, что война спишет всё. Я просто выполняла свою работу, за которую мне платили. Приходилось расстреливать не только партизан, но и членов их семей, женщин, подростков. Об этом я старалась не вспоминать. Хотя обстоятельства одной казни помню — перед расстрелом парень, приговорённый к смерти, крикнул мне: “Больше не увидимся, прощай, сестра!...”»

Власть Тоньки-пулемётчицы над обречёнными людьми, видимо, пьянила её, а корысть получала удовлетворение от немецких марок за работу и отобранных у убитых вещей. Стройная и дерзкая, с каким-то резким жестом поправляющая рукой тёмные волосы, она и запомнилась своим жертвам.

Как вспоминал следователь, «арестованная мужу из СИЗО не передала ни строчки. И двум дочерям, которых родила после войны, кстати, тоже ничего не написала и свидания с ними не просила. Когда с пашей обвиняемой удалось найти контакт, она начала обо всём рассказывать. О том, как спаслась, бежав из немецкого госпиталя и попав в наше окружение, выправила себе чужие... документы, по которым начала жить. Она ничего не скрывала, но это и было самым страшным. Создавалось ощущение, что она искренне недопонимает: за что ее посадили, что ТАКОГО ужасного она совершила? У неё как будто в голове блок какой-то с войны стоял, чтобы самой с ума, наверное, не сойти. Она всё помнила, каждый свой расстрел, но ни о чём не сожалела. Мне она показалась очень жестокой женщиной».

Неудивительно, что психическая экспертиза показала полную вменяемость Антонины Макаровны. Внутри она была всё такой же Тонькой, как и тогда, когда расстреливала свои жертвы из пулемёта. Неудивительно, что и в своей семье она тоже была единственным лидером, вместо мужа. Солдат, прошедший пешком дорогами войны и награжденный медалью «За отвагу», оказался гораздо слабее своей жены, в прошлом женщины-палача.

Летом всё того же 1978-го Антонину Макаровну привезли в Локоть на следственный эксперимент. Говорят, что она совершенно спокойно рассказывала, как всё было. Вот только её походка была какой-то усталой.

В ходе следствия официально была доказана причастность Антонины Гинзбург-Макаровой к расстрелу 168 человек. Всего же она расстреляла из своего пулемёта более 1500.

В ноябре того же года Военная коллегия приговорила женщину-палача к высшей мере наказания, а 11 августа 1979 года приговор был приведён в исполнение. Только теперь Тоньке-пулемётчице удалось испытать то, что испытали все её жертвы.

«Наступавший 1979 год был объявлен Годом женщины, — пишет П. Иванушкина. — Она ждала ответа на прошение о помиловании. Ей отказали.

...Спустя 25 лет, после того как Тоньку-пулемётчицу нашли, я встретилась с её родными и близкими. Они прожили жизнь, полную печали и позора, тяжело болели и страшно умирали. “Развалилось как-то всё

сразу”, — говорит мне её дочь, которой сейчас столько же, сколько было её матери, когда за пей пришли.

“Боль, боль, боль... Она же четырём поколениям жизнь испортила... Вы хотите спросить, приняла бы я её, если бы она вдруг вернулась? Приняла бы. Она же мне мать... А я вот даже и не знаю, как мне её вспоминать: как живую или как мёртвую? Вы не знаете, что с ней? Ведь по негласному закону женщин всё равно не расстреливали. Может, она и жива ещё где? А если нет, то вы скажите, я наконец свечку пойду поставлю за упокой её души”».

ИСТОЧНИКИ

1. Белецкий Б. Смерть в ополчении как способ «исправления» биографии. Биографика 20 века, 16—18 апреля 2008: Шестые чтения памяти Вениамина Иоффе/ Науч.-информ. Центр «Мемориал», Европ. Ун-т в Санкт-Петербурге. — СПб., 2009 г.

2. Багaleyша О., Сажнева Е. Палач Локотской республики. МК, 2 декабря 2005 г.

3. Визит ветеранов и сотрудников МИД России на Смоленщину. Совет ветеранов МИД России. 13 октября 2011 г. Интернет.

4. Википедия: Макарова Антонина Макаровна. Интернет.

5. Википедия: Пулемёт «Максим». Интернет.

6. Википедия: 339-я стрелковая дивизия. Интернет.

7. Википедия: Вяземская операция 1941 года. Интернет.

8. Дунаев Ф. «Партизанская республика». Сайт Администрации Брянской области. Интернет.

9. Ермолаев И. Русское государство в немецком тылу. 1941— 1943. М., 2009.

10. Жирнов Е. За партизанами сохранена заработная плата. Власть № 47,28 ноября 2011 г.

11. Иванушкина П. Сайт: Аргументы и Факты. Интернет.

12. Савельев И. Интересная газета. Загадки цивилизации, № 6, 2010 г.

13. Селицкая Л. Смертный приговор для Тоньки-пулеметчицы. Беларусь сегодня, 27 января 2006 г.

14. Селицкая Л. Смертный приговор для Тоньки-пулеметчицы. Беларусь сегодня, 28 января 2006 г.

15. Степанов А. Трагедия и подвиг московского ополчения. Трибуна, № 49 от 16—22 декабря 2010 г.

16. ЦАМО. Ф. 33. Он. 687572. Д. 1068. Л. 24.

СУДЬЯ-ПАЛАЧ ГЕНЕРАЛ УЛЬРИХ

Наверное, я не ошибусь, если скажу, что впервые подлинной биографией этого человека всерьёз занялся спецкор «Красной звезды» А. Хорев. Было это в конце восьмидесятых, за несколько лет до крушения Советского Союза. И, надо сказать, Хореву повезло, так как его находки оказались любопытными.

В конце своего длительного поиска спецкор «Звёздочки» вышел на очередной документальный источник информации об Ульрихе:

«Это заполненная им в 1937 году и хранящаяся в архиве Верховного суда СССР типовая анкета — личный листок по учёту кадров. Ответ на один из первых же пунктов анкеты смутил неясностью:

“Социальное происхождение — пот. поч. гр.”.

Что такое — “пот. поч. гр.”? Потомственный почётный гражданин, что ли? Была в России такая привилегированная категория сословия “городских обывателей”. К ним относились дети личных дворян и духовных лиц, окончивших академию или семинарию, люди свободных профессий, имевшие учёную степень... Они освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний. Вот из них и происходил, вероятно, Ульрих. Сын его говорит, что бабка по отцу была вроде бы дворянкой. А сам Ульрих на вопрос анкеты “Основное занятие родителей” отвечает так: мать — автор детских рассказов, отец — профессиональный революционер (большевик).

О себе Ульрих сообщает в анкете следующие сведения.

Место рождения — г. Рига.

Национальность — русский.

Партийность и стаж — член ВКП(б) с 1910 года.

Образование — высшее.

Окончил реальное училище в Риге в 1909 году и Рижский политехнический институт, коммерческое отделение, в 1914 году.

Работал конторщиком.

В 1915 году призван в армию, служил рядовым в сапёрном батальоне, затем учился в школе прапорщиков.

С мая 1918 года — в НКВД и ВЧК заведует финотделом. В 1919 году — комиссар штаба войск внутренней охраны.

В дальнейшем быстро продвигался по линии реввоентрибуналов, находился на ответственной работе в ОПТУ, с 1926 года — председатель

Военной коллегии Верховного суда СССР.

С 1908 года участвовал в революционном движении.

Последний чин в старой армии — подпоручик.

В НКВД работал под непосредственным руководством Дзержинского.

В архиве нашлась-таки листовка об Ульрихе, изданная в связи с избранием его депутатом Верховного Совета СССР. В ней есть, в частности, такие строки: “Тов. Ульрих всегда сочетал беспощадную судебную репрессию к врагам народа с принципами революционной законности”. В листовку завёрстан портрет Ульриха: круглое равнодушное лицо с усиками, в петлицах — по четыре ромба армвоенюриста...»

Известному историку Н. Петрову также удалось найти уникальные материалы, раскрывающие в полной мере биографию Ульриха:

«Путь на вершину судебной власти Василий Васильевич Ульрих прошёл за довольно короткий срок. Благодаря революционному происхождению. Он родился 1 июля 1889 года в Риге в семье, как сам писал в анкетах, “профессионального революционера”. Уже с февраля 1920 года Ульрих, не имея за плечами никакого юридического образования, назначается председателем Главного военного трибунала войск внутренней охраны. Конечно, в те годы “правильное” происхождение и политическая преданность играли куда большую роль, чем компетентность. А возможно, важен и тот факт, что жена Ульриха — Анна Давидовна Кассель — работала в секретариате Ленина.

В июле 1921 года Ульрих был назначен председателем Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, тогда окончательно и определилась его дальнейшая судьба. С 1923 года он — председатель Военной коллегии Верховного суда РСФСР, а с 1926 года в течение двух с небольшим десятилетий занимает должность председателя Военной коллегии Верховного суда (ВКВС) СССР.

Начиная с 1933 года все громкие политические судебные процессы, о которых трубили советские газеты, проводились под председательством Ульриха. Согласно постановлению ЦИК СССР от 10 июля 1934 года дела об “измене родине”, шпионаже, диверсии, вредительстве и прочих политических преступлениях после расследования их госбезопасностью передавались на рассмотрение военных трибуналов и ВКВС».

Впервые в качестве юриста В. Ульрих стал известен на процессе в Ярославле в 1922 г. Сам процесс открылся 15 июля в 12 час. 35 мин. в помещении Городского имени Ф.Г. Волкова театра и продолжался всего пять дней. Это была выездная сессия Верховного трибунала при Всероссийском центральном исполнительном комитете. Судили генерала А.П. Перхурова — организатора и руководителя Ярославского белогвардейского мятежа и организатора вооруженных восстаний против советской власти в городах Екатеринбурге и Колчедани. Вторым шёл прапорщик В.Н. Теляковский. Состав суда: председательствующий Ульрих, два члена, общественный обвинитель и два защитника.

Все дни этого процесса председатель, будто играючи, представляет слова то секретарю, то защитнику, то свидетелям, а потом (19 июля) оглашает приговор:

«На основании вышеизложенного и принимая во внимание в отношении Теляковского, что последнему не были известны конечные результаты восстания, Военная коллегия Верховного Трибунала ВЦИК приговорила:

Перхурова Александра Петровича, 46 лет, бывш. генерал-майора, окончившего академию генерального штаба, потомственного дворянина Тверской губернии, на основании ч. 1 58 ст. и 60 ст. Уголовного Кодекса подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.

Теляковского Всеволода Николаевича, 22 лет, бывш. прапорщика, из дворян Ярославской губернии, на основании 60 статьи Уголовного Кодекса и второй части 58 статьи того же кодекса к лишению свободы сроком на три года с зачетом предварительного заключения.

Рассмотрев вопрос о применении к осужденным амнистий предшествующих лет, Трибунал определил: к Перхурову Александру, как активнейшему контрреволюционеру и организатору белогвардейских заговоров и восстаний, на основании пункта второго постановления ВЦИК об амнистии 1 мая 1920 года, пункта 4-го инструкции НКЮ об амнистии от 7 ноября 1920 года и пункта 4 лит. В об амнистии от 4 ноября 1921 года — амнистии не применять.

К осужденному Теляковскому, принимая во внимание его молодость в момент совершения преступления и незначительность его роли в Ярославском мятеже и последующую добросовестную службу в советских

учреждениях, Трибунал нашёл возможным применение к Теляковскому амнистии всех предшествующих годов, от дальнейшего наказания его — Теляковского — освободить.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель сессии В. Ульрих, члены Денисов, Татаринцев.

Объявляю заседание закрытым».

Согласно записям лиц, принятых И.В. Сталиным в период с 1924 по 1953 г., В. Ульрих в качестве председателя Военной коллегии Верховного суда СССР побывал на приёме у вождя всего 15 раз: 6 раз в марте — апреле 1932 г., 2 раза в декабре 1934 г., 3 раза в январе 1935 г., 2 раза в январе и июне 1937 г., 2 раза в феврале и марте 1938 г.

И это были не просто вызовы побеседовать по душам. На этих встречах Сталин давал конкретные указания по ведению политических процессов. Как пишет Д. Волкогонов, «Сталин накануне процессов несколько раз встречался с А.Я. Вышинским и В.В. Ульрихом. В документах Сталина нет следов его разговоров с этими “жрецами правосудия”, которые, как можно предположить, носили характер инструктажа. Армвоенюрист Ульрих чем-то нравился Сталину. Возможно, за лаконизм речи, строгость и краткость донесений о кровавой жатве, которые тот во множестве направлял Сталину в 1937 — 1938 годах. Можно лишь догадываться о реакции “вождя” на них. На некоторых стоит подпись “И.Ст.”, на других завитушка Поскрёбышева. Эти люди как бы регистрировали уход из жизни тысяч обречённых на смерть и безвестье. Но уход не чужестранцев-агрессоров, а своих соотечественников, со многими из которых они были близко знакомы. (...)»

Ульрих отвечал представлениям Сталина о судьбе, которому чужды сантименты. Сталин видел, что председатель военной коллегии Верховного суда СССР, подписывая десятки, сотни смертных приговоров, сохраняет полную невозмутимость и спокойствие. Это была живая составная часть гильотины».

По утверждению Дмитрия Антоновича, «чудовищная подозрительность, трактуемая как “сталинская бдительность”, исправно поставляла Молоху правосудия свои жертвы.

Особенность этих процессов было стремление Сталина не просто уничтожить своих реальных и потенциальных оппонентов, но и предварительно вывалить их в грязи аморальности, измены, предательства. Все процессы являют собой беспрецедентный пример самоунижений, самооговоров, самоосуждений. Часто это выглядело просто абсурдным и продиктованным лишь низкой местью. Так, подсудимые назойливо твердили, что они “предатели”, “шпионы”, “двурушники”, “вредители”, “убийцы”. Каменев, например, прямо заявлял, что “мы служили фашизму,

мы организовали контрреволюцию против социализма”. Обещания снисхождения, угрозы репрессий по отношению к семьям, систематическое физическое насилие на допросах ломали этих людей, заставляли играть свои унижительные роли по сценарию, написанному “жрецами правосудия”. Главный Режиссер всё время находился за кулисами, а его помощники — Вышинский и Ульрих — цинично вели “спектакли”».

В конце своих докладов Сталину, Молотову, Ежову Ульрих обычно приписывал: «Все приговоры приведены в исполнение» или «все обвиняемые признали себя виновными полностью».

Перед вынесением приговора по «делу» Тухачевского «Ульрих с Ежовым побывали у Сталина. Доложили о ходе процесса и поведении обвиняемых. Ульрих угодливо положил на стол проект приговора. Сталин не стал смотреть его, а лишь бросил: “Согласен”. Помолчав, спросил:

— Что говорил в последнем слове Тухачевский?

— Говорил, гад, что предан Родине и товарищу Сталину. Просил о снисхождении, — быстро ответил Ежов. — Но сразу было видно, что хитрит, не разоружился...

— А как суд? Как вели себя члены Присутствия?

— Активно вёл себя лишь Буденный... члены суда в основном молчали. По одному-два вопроса задали Алкснис, Блюхер да, кажется, Белов...»

Одно из известных донесений председателя Военной коллегии Верховного суда предельно кратко, но конкретно:

«Комиссару Государственной безопасности I ранга
Тов. Берия Л.П.

За время с 1-го октября 1936 года по 30-е сентября 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено:

— к расстрелу 30 514 человек

— к тюрем. закл. 5643 человека

Всего 36 157

15 октября 1938 года В. Ульрих».

Надо сказать, что красочных портретов Ульриха до нас дошло очень мало, но так как они были написаны людьми известными и талантливыми, то на них, безусловно, стоит остановиться.

Например, известный писатель, критик и правозащитник Лев Разгон в одной из своих книг описывает такую историю:

«Ефим Соломонович Шаталов был весьма крупным хозяйственником. Много лет он был начальником Главцемента. Почему надобно было его сажать — одному Богу известно! К политике он не имел никакого отношения, да и иметь не мог, поскольку готов был служить, и служил верой и правдой любому непосредственному начальнику и истово молился на главного начальника. Кроме того, он был невероятно цепок, обставлял каждый свой шаг целой системой предохранительных мероприятий. Когда его тривиально обвинили во вредительстве, он на суде вёл себя так агрессивен, что растерявшийся суд отложил слушанье дела. Через некоторое время Шаталову вручили новое обвинительное заключение и через час вызвали на новое заседание Военной коллегии. На этот раз председательствовал сам Ульрих. Вася Ульрих для подсудимого был старым, милым и добрым знакомым. Много лет подряд в “Соснах” сидели всегда за одним столом, вместе ходили гулять, умеренно выпивали и рассказывали друг другу мужские анекдоты. Председатель Военной коллегии Верховного суда провёл заседание, очевидно, руководствуясь старым принципом, что суд должен быть скорым, правым и милостивым. Вот почти полная стенографическая запись судебного заседания, изложенная Ефимом Соломоновичем:

Ульрих, быстрым, тихим, скупающим голосом: Подсудимый! Вы прочитали обвинительное заключение? Признаёте ли себя виновным?

Шаталов, со всей силой преданности и любви к суду: Нет, нет! Я ни в чём не виноват!

Ульрих: Знали ли вы о существовании в Наркомтяжпроме контрреволюционной правотроцкистской организации?

Шаталов, всплскивая руками: Понятия не имел! Не подозревал об этом вражеском клубе вредителей.

Ульрих, внимательно-ласково рассматривая своего недавнего собутыльника: Во время последнего процесса правотроцкистского центра вы были на воле?

Шаталов: Да.

Ульрих: Газеты читали?

Шаталов медленно, стараясь понять причину столь странного вопроса:
Читал...

Ульрих: Стало быть, вы читали показания Пятакова о существовании в Наркомтяжпроме контрреволюционной организации?

Шаталов неуверенно: Конечно, конечно, прочёл...

Ульрих торжествующе: Ну вот и договорились! Значит, знали о существовании в Наркомтяжпроме организации! (Обращаясь к секретарю суда.) Запишите: подсудимый признаётся, что знал о существовании пятаковской организации...

Шаталов (исступлённо кричит, икая от ужаса): Я же из газет, из газет узнал о том, что там была организация!..

Ульрих, спокойно-удовлетворительно: А суду неинтересно, откуда вы узнали. Значит — знали! (Поспешно, как поп на малооплачиваемой панихиде.) Есть вопросы? Вопросов нет. Вы хотите сказать последнее слово? Не надо повторять! Суду все это известно. (Качнувшись влево и вправо к заседателям.) Оглашаю приговор! Тр... Тр... пятнадцать лет...»

Народный художник СССР Борис Ефимов лично встречался с Ульрихом, когда пытался помочь своему арестованному брату, не менее известному публицисту Михаилу Кольцову:

«...В огромном кабинете, устланном ковром, стоял у письменного стола маленький лысый человек с розовым лицом и аккуратно подстриженными усиками. Ульрих был видной фигурой того времени. В течение многих лет он возглавлял Военную коллегия, председательствовал на всех крупных политических процессах двадцатых — тридцатых годов.

Принял он меня со снисходительным добродушием, явно рисуясь своей “простотой” и любезностью.

— Ну-с, — улыбочиво заговорил он, садясь в кресло, — садитесь, пожалуйста. Так чего бы вы от меня хотели?

— Откровенно говоря, Василий Васильевич, я и не знаю, чего теперь хотеть. Дело в том, что я собирался просить вас о допущении защитника к слушанию дела Кольцова, но третьего дня узнал, что суд уже состоялся. Как обидно, что я опоздал!

— О, можете не огорчаться, — ласково сказал Ульрих, — по этим делам участие приглашённых защитников не разрешается. Так что вы ничего не потеряли. Приговор, если не ошибаюсь, десять лет без права переписки?

— Да, Василий Васильевич. Но позвольте быть откровенным, — осторожно сказал я. — Существует, видите ли, мнение, что формула “без права переписки” является, так сказать, символической и прикрывает нечто совсем другое...

— Нет, зачем же, — невозмутимо ответил Ульрих, — никакой символики тут нет. Мы ведь, если надо, даем и пятнадцать и двадцать, и двадцать пять. Согласно предъявленным обвинениям.

— А в чём его обвиняли?

Ульрих задумчиво устремил глаза к потолку и пожал плечами.

— Как вам сказать, — проямлил он, — различные пункты пятьдесят восьмой статьи. Тут вам, пожалуй, трудно будет разобраться.

И далее беседа наша приняла характер какой-то странной игры. Ульрих твёрдо придерживался разговора на темы литературы и искусства, высказывал свои мысли о последних театральных постановках, спрашивал, над чем работают те или иные писатели и художники, интересовался,

какого мнения о нём “писательская братия”, верно ли, что его улыбку называют “иезуитской”, и т.п. Все мои попытки узнать что-нибудь о брате он встречал благодушной иронией.

— Ох, обязательно вы хотите что-нибудь у меня выведать, — приговаривал он, посмеиваясь.

Я уже понял, что мой собеседник просто-напросто забавляется нашей беседой, но продолжал вставлять интересующие меня вопросы. Однако всё, что я узнал, — это, что председательствовал на суде над Кольцовым лично он, Ульрих, и что “выглядел Кольцов, как обычно, разве только немного осунулся...”

— А он признал себя виновным? — спросил я. Ульрих юмористически погрозил мне пальцем.

— Э, какой вы любопытный, — сказал он со своей “знаменитой” улыбочкой и после маленькой паузы добавил: — Довольно ершистый у вас братец. Колючий. А это не всегда бывает полезно...

Потом помолчал и, став вдруг серьёзным, сказал:

— Послушайте. Ваш брат был человеком известным, популярным. Занимал видное общественное положение. Неужели вы не понимаете, что, если его арестовали, значит, на то была соответствующая санкция?

Яснее нельзя было дать понять, что все мои вопросы, расспросы и хлопоты не только наивны, но и бессмысленны. Разговор явно пришёл к концу. Я поднялся с места. Однако мой словоохотливый собеседник снова начал балагурить:

— А вот мне хорошо, — болтал он, выйдя из-за стола и прохаживаясь по громадному ковру, — никаких у меня нет братьев и вообще никаких родственников. Был вот отец и тот недавно умер. Ни за кого не надо бояться и хлопотать не надо. Да... Ну-с, а вам я советую спокойно работать и поскорее забыть об этом тяжёлом деле. А брат ваш, — доверительно прибавил он, — находится, думаю, сейчас в новых лагерях за Уралом. Да, наверное, там.

Уже выходя из кабинета, я остановился в дверях.

— Василий Васильевич! — сказал я, — а вы разрешите через какое-то время вернуться к этому делу, ходатайствовать о его пересмотре?

В водянистых глазах Ульриха мелькнула усмешка.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Через какое-то время...» Неспроста сын революционера Антонова-Овсеенко описал

Ульриха, как «жабу в мундире с водянистыми глазами». Кроме всего прочего, эта «жаба» была ещё и хитра.

Судьбу Михаила Кольцова Ульрих знал лучше кого-либо, ибо она была

подобна многим другим — высшая мера. В «Процессах» А. Ваксберга описывается, как 1 февраля 1940 г. Кольцова первым ввели в «зал заседаний»:

«Это был Михаил Кольцов, известный публицист, член редколлегии “Правды”, депутат Верховного Совета РСФСР, член-корреспондент Академии наук СССР. Бывший, бывший... Ибо теперь он был заурядным шпионом. Агентом трёх разведок — германской, французской, американской. Членом антисоветского подполья с двадцать третьего года, “пропагандировавшим троцкистские идеи и популяризовавшим руководителей троцкизма”, террористом с тридцать второго, намеревавшимся убить неизвестно кого, как, когда и за что. Признавшимся абсолютно во всём.

Так было сказано в обвинительном заключении, уместившемся на двух с половиной страницах.

— Желаете чем-нибудь дополнить? — спросил подсудимого Ульрих.

— Не дополнить, а опровергнуть, — сказал Кольцов. — Всё, что здесь написано, — ложь. От начала и до конца.

— Ну как же ложь? Подпись ваша?

— Я поставил её... После пыток... Ужасных пыток...

— Ну вот, теперь ещё вы будете клеветать на органы... Зачем усугублять свою вину? Она и так огромна...

— Я категорически отрицаю... — начал Кольцов, но Ульрих прервал его:

— Других дополнений нет?

Он укладывался в двадцать минут. Даже чуть сэкономил.

Когда 14 лет спустя подполковник юстиции Аракчеев проводил проверку этого дела, его поразила не просто полнейшая безосновательность обвинения, но отсутствие малейшей попытки создать даже видимость доказательства. Свести хоть как-то концы с концами. Оставить в деле какие-то признаки следственных поисков».

Михаила Кольцова расстреляли уже на следующий день — 2 февраля, а его брат Борис Ефимов побывал у Ульриха чуть позже, всё в том же феврале.

Знаменитого лётчика-испытателя Марка Галлая в кабинет к Ульриху привели иные обстоятельства. Брат его первой жены, младший лейтенант, тяжелораненым попал в плен. Поговорить с генерал-полковником юстиции уговорила тёща Галлая:

«В своём кабинете Ульрих сидел за столом в рубаше и подтяжках. Тужурка висела тут же на вешалке. Кондиционеров тогда не было, и его явно донимала жара. На лысой голове выступали капельки пота.

— Ну, так слушаю вас, — сказал Ульрих, посмотрев на меня, как мне показалось, с чем-то, похожим на удивление.

И я начал излагать суть дела. Едва я назвал статью: 58 — 1 б, по которой был осуждён шурин, Ульрих с усмешкой заметил:

— Только и всего: измена Родине.

— Товарищ генерал, — возразил я, — если бы речь шла о мелочи, я не стал бы вас беспокоить.

И продолжал выкладывать свои доводы в пользу осуждённого: попал в плен в бессознательном состоянии раненым, оружие против своих не поднимал, реального вреда нашей армии и государству не причинил, на войну попал 19-летним, вчерашним школьником, воспитывался в семье родителей — старых большевиков.

На изложение всего этого назначил себе 5 минут из испрошенных десяти (“Эх, надо было просить пятнадцать!”) и в этот регламент уложился.

Ульрих выслушал меня и сказал безразличным, сухим тоном:

— Да, но существует же такое понятие — офицерская честь.

— Товарищ генерал, я знаю об этом понятии.

— Вы-то знаете, — Ульрих лениво показал рукой на орденские колодки на моём кителе (а я уж постарался навесить на себя всё, что было), — но ваш шурин...

Я пустился было по второму разу излагать свои доводы, но Ульрих, больше не слушая меня, взял трубку и сказал кому-то:

— Зайди ко мне.

Этот “кто-то” оказался заместителем председателя Коллегии генерал-майором юстиции Орловым.

— Вот майор ходатайствует о пересмотре дела своего родственника. Апелляция подана, по надо нам самим посмотреть. Действительно, когда дело касается какого-нибудь деклассированного элемента, мы это

учитываем. Надо, наверное, не оставлять без внимания и обратную ситуацию: родители — старые большевики, да и майор ручается. В общем, возьмите себе на контроль.

Вышел я из кабинета Ульриха вместе с Орловым. Не знаю, чем он объяснил снисходительную реакцию своего шефа на вторжение нахального майора, но спросил лаконично:

— Фамилия? Статья? Дата осуждения? Кем осужден? — и записал мои ответы.

В результате 10 лет лагеря строгого режима решением Военной коллегии Верховного суда превратились в 7 лет лагерей “обыкновенных”, из которых половину мой шурин проработал в “шарашке”».

Снисходительность генерала Ульриха объясняется просто: «политическая погода» после войны изменилась, репрессии несколько поутихли. Да к тому же пришёл не просто майор, а сталинский сокол, герой. А вдруг окажется товарищем Василия Сталина? Всякое в жизни бывает. Не зря говорят: земля круглая!

Как известно, сталинские репрессии тяжёлым катком прошли не только по всей стране, но и по её армии и флоту. Они «ударили прежде всего по высшим командным кадрам, политсоставу, центральному аппарату Наркомата обороны, — констатирует Д. Волкогонов. — По имеющимся данным, с мая 1937 года по сентябрь 1938 года, то есть в течение полутора лет, в армии подверглись репрессиям 36 761 человек, а на флоте — более 3 тысяч. Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА. В результате борьбы с “врагами народа” в 1937 — 1940 годах сменились все командующие округов, на 90% произошло обновление начальников штабов и заместителей командующих, на 80% обновился состав управлений корпусов и дивизий, на 90% — командиров и начальников штабов. Следствием кровавой чистки явилось резкое снижение интеллектуального потенциала в армии и на флоте. К началу 1941 года лишь 7,1% командно-начальствующего состава имели высшее военное образование, 55,9% — среднее, 24,6% — ускоренное образование (курсы) и 12,4% командиров и политработников не имели военного образования.

Для того чтобы попасть в “обойму врагов”, нужно было немного. Совсем немного. Вот, например, что доносил комиссар государственной безопасности второго ранга М.И. Гай Ворошилову о военном атташе в Болгарии В.Т. Сухорукове:

“В 1924 году, после выпуска академией слушателей восточного факультета, на котором учился Сухоруков, последний был вызван к Троцкому и имел с ним беседу. Сухоруков в честь Троцкого назвал сына Львом”.

Судьба человека была решена. Это написано еще в октябре 1936 года. В следующие два-три года столь “основательной” аргументации уже не требовалось.

Вышинский и Ульрих, войдя во вкус, предлагали упростить процедуру расправ. Вышинский, обращаясь к Ворошилову и Ежову, просил дать полномочия Особому Совещанию при НКВД лишать воинских званий, что раньше делалось только по приговору суда. А Ульрих “доказывал” в апреле 1938 года необходимость “санкционировать выделение из Верховного суда СССР военной коллегии и реорганизации ее в Военный трибунал СССР. Эти люди хотели, чтобы над каждым красноармейцем, краснофлотцем и командиром постоянно висел топор “правосудия”».

С началом Великой Отечественной войны работы у В. Ульриха ничуть не убавилось. 22 июля 1941 г. он огласил расстрельный приговор по делу Павлова:

«Таким образом, обвиняемые Павлов, Климовских, Григорьев, Коробков вследствие своей трусости, бездействия и паникёрства нанесли серьезный ущерб РККА, создали возможность прорыва фронта противником на одном из главных направлений и тем самым совершили преступления, предусмотренные статьями 193 — 17/6 и 193 — 20/6 Уголовного кодекса РСФСР.

Военная коллегия приговорила лишить воинских званий Павлова, Климовских, Григорьева, Коробкова и подвергнуть всех четверых высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Осенью того же года Ульрих заочно подписал смертный приговор большой группе заключённых, содержащихся в Орловской тюрьме. Их было 161 человек, и что самое парадоксальное, все они уже были приговорены к лишению свободы. Кто-то даже успел умереть.

Надо сказать, что своими же генералами Василию Васильевичу приходилось «заниматься» часто. Например, из 101 генерала и адмирала, арестованных в период 1941 — 1952 гг., 76 были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР и только 5 — Особым совещанием при МТБ СССР. 8 генералов были освобождены, а 12 умерли под следствием.

В феврале 1942-го армвоеннорист вел судебное заседание по делу маршала Кулика, в июле 1946-го — по делу генерала Власова, в августе 1946-го — по делу атаманов Краснова и Шкуро.

2 февраля 1948 г. генерал-полковник юстиции Ульрих председательствовал на закрытом судебном заседании по делу четырех известнейших и заслуженных адмиралов: Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, Г.А. Степанова. Как пишет А. Золототрубов, «их обвиняли в том, что в годы войны (1942 — 1944 гг.), находясь на ответственных постах в Наркомате Военно-Морского Флота, они передали англичанам и американцам материалы по некоторым видам вооружения (речь идёт о высотной парашютной торпеде. — А.З.) образцы этого оружия, карты двух островов и южного побережья Камчатки. Чертежи высотной торпеды, принятой на вооружение ещё в 1938 году, в войну не были секретными, о чём прекрасно знали те, кто организовал это судилище, а карту Камчатки можно было купить в магазине».

Известно, что Василий Ульрих процессуальными тонкостями сильно

не увлекался. У него было слишком мало времени на всё и про всё. Он умудрялся рассматривать дела и зачитывать расстрельные приговоры всего за 20 минут. Как правило, на таких заседаниях не было не только публики, но и защиты.

Работая над статьей «Судья Ульрих», А. Хорев не поленился прочитать от начала до конца изданный в 1938 г. Юриздатом почти 400-страничный судебный отчет по делу т.н. антисоветского «правотроцкистского» блока:

«Процесс состоялся в марте 1938 года. Перед судом прошли Бухарин, Рыков, Крестинский, другие известные деятели — всего 21 человек. Председательствовал армвоенюрист Ульрих. Члены суда — корвоенюрист Матулевич и диввоенюрист Иевлев. Государственный обвинитель — Вышинский.

Чем дальше я читал, тем больше удивлялся: голоса судей на процессе почти не слышно. Девять рабочих дней длился процесс. Состоялось семнадцать открытых заседаний. Допрошен двадцать один подсудимый и несколько свидетелей. Восемнадцать подсудимых приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией имущества. И всё это не только чрезвычайное, но и тёмное дело не вызвало у членов суда Матулевича и Иевлева ни одного — я не утрирую — ни одного (!) вопроса, замечания, уточнения. Да и сам Ульрих в течение всего заседания нередко задавал лишь один — и то противоречащий закону “дежурный” вопрос:

— Вы подтверждаете показания, которые дали на предварительном следствии?»

Как рассказывает Н. Петров, Ульрих с лёгкостью давал санкции на аресты подчинённых ему работников — председателей и членов коллегий военных трибуналов. Но было кому следить и за самим председателем Военной коллегии:

«Наглядное свидетельство всей изощрённости сталинской политической системы — докладная записка Берии. По завершении Большого террора новый нарком внутренних дел Берия обратил внимание Сталина на то, что не все в порядке у главного военного судьи. Оказывается, он невосдержан и, что еще хуже, болтлив. А ведь рассказать при желании Ульрих мог много чего». И, надо сказать, рассказывал:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сгалину

№ 265/6

19/1

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР УЛЬРИХ В.В. в течение нескольких лет сожительствует с ЛИТКЕНС Галиной Александровной, являющейся осведомителем Промышленного Отдела НКВД.

По сообщению последней — УЛЬРИХ систематически выбалтывает ей разные сведения о работе Военной Коллегии Верховсуда и Наркомвнудела.

ЛИТКЕНС осведомлена о закрытых судебных заседаниях Военной Коллегии, о поведении подсудимых на этих процессах, о вынесенных приговорах, о том, как некоторые осужденные ведут себя во время приведения в исполнение приговоров к ВМН.

УЛЬРИХ, в частности, рассказывал ей, как вели себя ТУХАЧЕВСКИЙ, РЕЙНГОЛЬЦ, БЕРЗИН, МРАЧКОВСКИЙ, БУХАРИН и другие осуждённые при приведении над ними приговора.

"ТУХАЧЕВСКИЙ во время расстрела сказал: "Ну, что же, стреляйте, только не в затылок, а в лоб", и действительно стреляли в лоб".

"Из группы, в которой участвовал РЕЙНГОЛЬЦ, его расстреливали последним. Когда его вели в помещение, где уже были навалены трупы, он ахнул и отшатнулся. Его тут же расстреляли".

О том, как расстреливали БЕРЗИНА, ЛИТКЕНС сообщила в НКВД следующее:

"Однажды УЛЬРИХ пришёл ко мне с кровью на шинели. Я спросила, чья это кровь. Он ответил: "Старика". "Старимом" называли БЕРЗИНА —

Начальника 4 Управления Наркомата Обороны”.

“УЛЬРИХ мне сказал, что последние слова БЕРЗИНА были: “Я столько нагадил, что мне нет пощады. Пусть же честная рука в меня стреляет”. И УЛЬРИХ стрелял в него собственноручно. По его словам, он убил его с первого выстрела”.

В 1937 году имел факт сообщения УЛЬРИХОМ своей сожительнице ЛИТКЕНС о полученных показаниях на руководителя Акционерного Общества “Международная Книга”, в аппарате которого работала ЛИТКЕНС.

Недавно УЛЬРИХ говорил ЛИТКЕНС о недоброкачественности следственных дел, поступивших из НКВД и уже рассмотренных Военных Коллегией, называя эти дела “липовыми”.

УЛЬРИХ рассказывал о врагах, разоблаченных среди руководящего состава НКВД.

УЛЬРИХ тяжело воспринимает перемены в руководстве НКВД и на этой почве высказывает огульное недоверие к аппарату НКВД.

В связи с последним решением партии и Правительства по вопросу о ведении следствия, УЛЬРИХ говорил ЛИТКЕНС, что он не понимает, как это можно, “не топя ногами и не замахиваясь кулаками, разговаривать с арестованными”.

Свою откровенность по отношению к ЛИТКЕНС УЛЬРИХ проявляет, несмотря на то, что отношения между ними временами становятся весьма обостренными, и в этих случаях УЛЬРИХ называет её шпионкой, “международной проституткой” и т.н.

Однако связь их продолжается.

Народный Комиссар внутренних дел Союза ССР
(Берия)

19 янв. 1939».

Следующий «сигнал» на Ульриха поступил на имя секретаря ЦК Маленкова в апреле 1945 г., в очередном доносе сообщалось о пьяной выходке Ульриха на устроенном им на даче банкете по случаю получения наград, куда были приглашены все члены Военной коллегии: «Ульрих обратился ко всем присутствующим с речью о том, как он, возглавлял работу коллегии в 1936 — 1938 гг., проводил борьбу с врагами народа. В этой речи т. Ульрих допустил антипартийную болтовню, рассказал присутствующим членам коллегии и их жёнам о ряде дел, составляющих государственную тайну особой важности (дело Ежова и др.). Говоря об этих делах, т. Ульрих в присутствии женщин ругался площадной бранью, употребляя выражение — “жидовская морда”. Кроме того, в документе

говорилося о том, что всем работникам Военной коллегии “известны случаи частых выпивок т. Ульриха, долголетнее сожительство его с двумя женами (А.Д. Ульрих и Г.А. Литкенс)”.

Но и на этот раз для В.В. Ульриха все закончилось благополучно. Однако через три года в ЦК придут к выводу, “что Ульрих, хотя и “заслуженный трибунальский работник, безусловно добросовестный и честный”, но живет лишь прошлыми заслугами, “оторвался от обстановки сегодняшнего дня”, “утратил чувство партийной принципиальности”. Выяснилось, что его жена А.Д. Кассель (Ульрих) вмешивается в рассмотрение отдельных судебных дел по просьбам заинтересованных лиц, а сожительница Г. А. Литкенс имеет постоянный пропуск для входа в здание Военной коллегии, и в её присутствии Ульрих заслушивает доклады подчинённых».

После проверки в Верховном суде СССР решение Политбюро станет теперь уже окончательным в судьбе генерал-полковника юстиции:

«Верховным судом СССР допущены необоснованные снижения мер наказания, особенно по делам об измене Родине и хищениях, что ослабляет борьбу с этими преступлениями. При рассмотрении гражданских дел имеют место формализм и волокита, отсутствует проверка материалов, что приводит к судебным ошибкам и вызывает справедливое недовольство трудящихся.

В деятельности Верховного суда укоренилась вредная практика рассмотрения судебных дел, продвигаемых ловкими адвокатами, минуя Верховные суды союзных республик. Так, в 1947 году судебная коллегия по уголовным делам рассмотрела 5596 дел, из которых 2925 дел не рассматривались в Верховных судах союзных республик. Значительное количество дел, рассматриваемых пленумом Верховного суда, не имеет принципиального значения и вносится на рассмотрение для снижения мер наказания.

Результаты рассмотрения судебных дел не обобщаются, члены Верховного суда в судебной работе предоставлены сами себе. Это приводит к тому, что разными судебными составами одной и той же коллегии выносятся различные решения по аналогичным делам. Члены Верховного суда СССР не воспитываются в духе строгой ответственности за порученное дело, виновные в нарушениях законов остаются безнаказанными.

В Верховном суде СССР нарушаются требования закона о порядке рассмотрения судебных дел: часть его членов до недавнего времени работала над судебными делами в неслужебных помещениях, решения по

судебным делам принимаются в присутствии прокурора, определения по судебным делам, как правило, оформляются и подписываются составом суда спустя длительное время.

При рассмотрении жалоб существует волокита. Только в судебной коллегии по уголовным делам имеется свыше тысячи нерассмотренных жалоб, поступивших ещё в 1947 году. Разрешение жалоб фактически передовано второстепенным работникам.

Проверкой вскрыты позорные факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного суда СССР и работниками его аппарата, которые за взятки снижали меры наказания и освобождали преступников. Состав консультантов засорен лицами, не внушающими политического доверия, в аппарате имеет место семейственность.

Заместитель председателя Верховного суда СССР т. Ульрих утратил чувство партийной ответственности за порученное дело, допустил серьёзные политические ошибки в работе Военной коллегии и совершил проступки, порочащие его как коммуниста и председателя Военной коллегии».

Сместили генерал-полковника юстиции В.В. Ульриха не куда-нибудь, а на должность начальника академических курсов усовершенствования при Военно-юридической академии. Штатная категория этой должности была — полковник.

Спецкору «Звёздочки» А. Хореву в том далеком расследовании повезло не однажды. Ему удалось встретиться с сыном В.В. Ульриха — Владимиром Васильевичем. И вот что рассказал сын о своём отце:

«Я и видел-то его за всю жизнь раз, может, 10 — 15, хотя жили всё время в одном городе. Он был нелюдим, необщителен. Иногда заходил к нему ненадолго на работу, иногда — домой. Жил он постоянно в гостинице “Метрополь”, в номере “люкс”. Обстановка в жилище довольно казенная. Диван, стол, шкаф с книгами... На полках в основном политическая литература и приключенческая. Отец увлекался коллекционированием насекомых — жучков, бабочек. Сам их ловил, обрабатывал, накалывал.

Владимир Васильевич рассказал далее, что года до 1938 или 1939-го носил фамилию отчима Алексеев, а Ульриха звал дядей Васей. Фамилию отца пришлось принять, когда отчима в 1937 году арестовали как врага народа. Мать обращалась к Ульриху в этой связи за помощью. Он сказал, что ничем помочь не может. Потом была арестована сестра матери, опять пришлось бить челом Ульриху. На этот раз он пообещал узнать, в чём дело, а узнав — позвонил и сказал бывшей жене:

— Пусть твоя сестра поменьше болтает с бабами.

О делах своей службы, говорит Владимир Васильевич, отец никогда с ним не разговаривал. Однажды предупредил строго-настрого, чтобы ни от кого никаких просьб, писем, пакетов для передачи отцу не принимал. Один раз какую-то юридическую справку дал и просил прочитать вслух — в пей было много специфических авиационных терминов, и отец хотел, видимо, услышать правильное их произношение: Владимир по профессии — авиационный инженер, окончил Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского».

Военная коллегия Верховного суда СССР (1935 — 1950) размещалась в здании Московской ремесленной управы (XVIII в., XIX в., архитектор Шейасов и В.Е. Сретенский, XX в.) по адресу: улица Никольская, дом 23, стр. 1,2.

«Особую ценность в строении 1 представляет окопная столярка магазинов 1-го этажа с одностворчатым гигантским переплётом, — рассказывает искусствовед Б.Ю. Бирюков. — В одном из таких переплётов сохранилось двойное остекление витринным стеклом на всё окно... В северо-восточной комнате 1-го этажа на двух окнах сохранились глухие

металлические ставни в стальной коробке, относящиеся к концу XIX в. На втором этаже сохранились аналогичного характера двупольные двери, того же времени, при выходе из коридорчика комнаты отдыха на черную лестницу. Ступеньки этой лестницы, относящиеся к 70-м годам XIX в., выполнены из желтого подольского известняка, по, к сожалению, испорчены уложенной на них керамической плиткой.

Суда по натурным данным, планировка и отделка помещений здания носит следы большого капитального ремонта, проведённого в 1930-х гг. для размещения в корпусе государственного учреждения.

Кроме описанных выше армокаменных сводов в строении 1 сохранились монолитные бетонно-балочные перекрытия в нескольких помещениях 2-го этажа, выходящих на Никольскую улицу, относящиеся к советскому времени. Они имеют простую форму с трапециевидными балками. В угловом юго-западном помещении плоскости перекрытия и нижние поверхности балок украшены простыми филёнками в виде прямых уступов, что, тем не менее, придаёт им монументальность и торжественный характер. В отделке этого большого по площади помещения применены высокие дубовые панели, которые, так же как и потолок, имеют простые и монументальные формы. В характере комнаты угадывается кабинет большого руководителя (В.В. Ульриха), а соседствующее с ним помещение, отделённое легкой перегородкой до потолка, по-видимому, являлось комнатой отдыха. В кабинете имеются три двери. Большая двупольная фанерованная дубом дверь ведёт в смежную комнату (секретарскую), которая напрямую связана с парадной лестницей, вторая — в комнату отдыха, а через третью можно сразу попасть на парадную лестницу. В узком коридоре между комнатой отдыха и лестничными клетками располагался санузел. В отделке секретарской и следующих за ней комнат (кабинетов) применена модная для 1930-х гг. отделка в виде линкруста (картон, имеющий твёрдую и гладкую поверхность с тиснённым рисунком). Следующая за секретарской комната в два окна сохранила следы от поперечной перегородки, которые хорошо читаются на стыке листов линкруста с разным рисунком. В кабинете и секретарской сохранился дубовый паркет, уложенный в ёлку, который также датируется 1930-ми годами.

Заседания ВКВС, проводившиеся в зале суда на 3-м этаже на углу северного и восточного корпусов, носили формальный характер, длились обычно 10 — 15 минут, после чего члены Военной коллегии удалялись и выносили, как правило, расстрельный приговор (часто заочный). Кабинет В.В. Ульриха, бессменного председателя ВКВС, находился в западном

конце 2-го южного корпуса. Есть свидетели исполнения смертных приговоров непосредственно в подвалах дома. В таких случаях тела казненных раскладывались в патронные ящики и на крытой грузовой машине отправлялись в Донской монастырь для сожжения в крематории...

Справочные помещения, куда обращались родственники осуждённых, находились на первом этаже корпуса, выходящего на Никольскую улицу, в бывших помещениях магазинов, где тысячи людей получили одинаковый ложный ответ: «Десять лет отдаленных лагерей без права переписки».

В 1950 г. здания были переданы Московскому городскому военкомату, который и занимал его до середины первого десятилетия XXI в.».

В беседе с сыном Ульриха А. Хорев как-то поинтересовался, читал ли он воспоминания Ефимова.

«— Читал, — ответил Владимир Васильевич. — Насчет размеров отцовского кабинета автор явно преувеличивает; кабинет был скромный. По портретное сходство передаст верно, на то и художник. Вот так и со мной отец, бывало, балагурил...»

По мнению Н. Петрова, смерть Ульриха от инсульта 7 мая 1951 г. спасла его от позора хрущёвских разоблачений.

«Кончина Ульриха была отмечена 10 мая 1951 года скромным некрологом в Красной звезде. Похороны тоже особой пышностью не отличались, хотя, как вспоминали очевидцы, слушатели Военно-юридической академии на руках пронесли гроб с телом Ульриха на Новодевичье кладбище».

Несли и подушечки с государственными наградами покойного: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, а дальше уже шли медали.

Генерал-полковника юстиции похоронили на Новодевичьем кладбище (3-й участок, 62-й ряд). Рядом с ним похоронена его жена Кассель Лина Давыдовна (1892 — 1974), которая работала в секретариате В.И. Ленина (член РСДРП с 1910 г.).

Как удалось узнать А. Хореву, Анна Давыдовна Кассель получала пенсию за мужа до своей кончины в 1974 г.:

«Источник — небогатый, но достоверный и точный: финансисты приблизительности не терпят. Они зафиксировали, к примеру, что на действительной военной службе в Советской Армии Ульрих состоял 32 года 2 месяца 13 дней, что оклад, с которого начислена пенсия его вдове, равен 470 рублям (в нынешних деньгах), а размер пенсии соответственно — 117 рублей 50 копеек. Они, кстати, установили, что брак Василия Васильевича с Анной Давыдовной не был зарегистрирован и признанием

их супружеских отношений пришлось заниматься народному суду. В деле в связи с этим подшито заявление первой жены Ульриха — Анны Ивановны от 16.7.51 г.: "Настоящим сообщаю, что я разошлась со своим бывшим мужем Ульрихом В.В. в 1927 г., когда он женился на гр-ке Кассель А.Д., детей у них не было. Мой сын от брака с Ульрихом Владимир, рождения 1924 года, ныне является офицером Советской Армии. Сама я получаю за мои революционные заслуга персональную пенсию. Родители Ульриха умерли в доме ветеранов революции в тридцатых годах"».

На надгробном памятнике Ульриху, чуть ниже его овальной фотографии, на которой он при всем параде, кто-то ровными буквами нацарапал «ПАЛАЧ». Он действительно «отправил на казнь больше людей, чем все инквизиторы, вместе взятые, за всю историю человечества». Так полагает публицист Я. Голованов, и он безусловно прав.

ИСТОЧНИКИ

1. Бирюков Ю.Б. История «Расстрельного дома» на Никольской. Конференция «IX КАДАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ». Интернет.
2. Ваксберг Л. Процессы. Литературная газета, № 18, 1988 г.
3. Википедия: Ульрих Василий Васильевич. Интернет.
4. Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 1—2. М, 1996.
5. ГА ЯО. Ф. 601. Он. 2. Д. 1541. Л. 1—149.
6. Галлай М. Я думал: это было давно. М., 2000.
7. Ефимов Б. Тайна судьбы Михаила Кольцова. Огонек, № 34, 1987 г.
8. Жирнов Е. Члены Верховного суда брали взятки. Власть № 31, 11 августа 2008 г.
9. Заика Л., Бобренёв В. Жертвы и палачи. М, 2011.
10. Золототрубов А. Дело четырех адмиралов. Неделя, № 29, 1989 г.
11. На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.) М., 2008.
12. Петров К. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011г.
13. Разгон Л. Плен в своем Отечестве. М, 1994.
14. Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М, 1997.
15. Хорев А. Судья Ульрих. Красная звезда, 8 апреля 1989 г.
16. ЦА ФСБ. Ф. 3. Он. 6. Д. 686. Л. 17—19.

РЕАБИЛИТАЦИЯ, ОБЕРНУВШАЯСЯ РАЗОБЛАЧЕНИЕМ

В мае 2002 г. Нину Михайловну реабилитировали. Всё как положено: на основании ст. 3 и ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Таким образом, прокуратурой Ленинградской области была поставлена точка в деле этой женщины. Но, как оказалось впоследствии, с реабилитацией поторопились...

Реабилитация (юридическая) — восстановление в правах, восстановление утраченного имени, отмена необоснованного обвинения невиновного лица из-за «отсутствия состава преступления». Реабилитация отличается от амнистии и помилования полным восстановлением прав и репутации ввиду ложного обвинения.

Бели внимательно посмотреть на статистику реабилитации в России, то можно увидеть поистине жуткую картина «колеса истории»:

«Органами прокуратуры РФ с 1992 по 2004 гг. было рассмотрено 978891 заявление, из них было разрешено — 797532 и удовлетворено — 388412, проверено 636335 дел в отношении 901127 человек и реабилитированы 634165 человек, признаны пострадавшими от политических репрессий более 325 тысяч человек».

Всего, по оценкам Генеральной прокуратуры РФ и комиссии по реабилитации, в СССР и РСФСР «жертвами политических репрессий стали 32 миллиона человек, в том числе 13 миллионов — в период Гражданской войны»».

Как известно, бабушки бывают разные: и злые, и добрые, и даже «божьи одуванчики». Но в этой бабушке до сих пор разобрались не все...

До своей смерти Нина Михайловна проживала в своем доме на окраине Гатчины. По рассказу И. Обрезаненко, «у нее славная старость — в кругу родных и близких людей. Сын, внуки, племянники. “Невестка у меня золото!” — бабушке, кажется, жаловаться не на что. Чистенькая, обухоженная старушка. Ни за что не дашь ей 85 лет. Глаз живой, ясный. Речь громкая и отчетливая.

— Только сердце пошаливает, — жалуется она. — У меня три болезни: ишемия, стенокардия... А третью забыла... Но вот* побегаешь по двору, и задышаться начинаешь...

В маленькой прихожей горит светильник, из соседней комнаты Нина Михайловна выносит второй стул и начинает свое невеселое повествование».

Через два года Нину Михайловну поехала разыскивать И. Боброва. Когда она нашла дом старушки всё в той же Гатчине, то оказалось, что та умерла полгода назад. Однако, как оказалось, местный священник незадолго до смерти своей прихожанки попросил её наговорить на аудиокассету историю своей жизни. И Нина Михайловна исповедовалась целых пять с половиной часов:

«Родилась я в 1920 году. Помню себя с четырех лет, когда пана подошёл ко мне и сказал: “Умер Ленин”. А кто такой Ленин, я ещё тогда не знала.

В семье нас было трое — я, Борис и Алексей. Старший брат Боря погиб во время Великой Отечественной войны под Мурманском. Лёню повесили партизаны...

До революции мы жили в Псковской области, в деревне Подвязье. Имели двухэтажный дом, 16 десятин земли. Когда отец умер, мама перебралась на Гатчину. Я же осталась в Пскове, работала учительницей начальных классов.

В середине июня 1941 года взяла и отправилась погостить к маме. Здесь-то меня и застала война...»

Интервью И. Обрезаненко дополняет рассказ старушки, записанный священником:

« — Родилась я в 1920 году в Псковской области. Отец держал мастерскую по ремонту сельхозинвентаря. Потом родители взяли хутор в 16 десятин и начали вести свое хозяйство. Жали рожь, таскали лен. В колхоз он вступать не хотел, поэтому его приписали к кулакам. Мол, использует наёмную рабочую силу. А после того, как он узнал, что нашу семью собираются выселять, у него случился сердечный приступ, и он умер. Мне тогда исполнилось десять лет. Были ещё два старших брата. А потом забрали маму. В 1932 году плохо уродился лён, она не сдала норму, и ей за это дали три года лагерей. Она валила лес где-то под Мурманском. Но недолго — около года. Потом вернулась домой.

Окончив семь классов, Нина ещё до начала войны успела получить диплом педагогического училища. Недолго работала учительницей начальных классов в Порховском районе.

— Меня хотели распределить на Сахалин, но к директору педучилища приехала моя мама и бросилась перед ним на колени с просьбой не отправлять меня так далеко. В Гатчине у нас был дом, его ещё построил мой отец. Большой яблоневоый сад, сливы, груши, вишня, пасека даже была на 16 ульев.

Перед самой войной молоденькая учительница Нина вышла замуж — за старшего брата своего ученика. Замуж за офицера мечтала выйти соседская Зинка — дородная девка из тех, про кого говорят “кровь с молоком”, но молодой человек предпочёл всем красавицам худенькую, миниатюрную Нину.

— Он был морской лётчик. Звали его Вася, и я его любила. — Нина Михайловна перебирает фотографии в семейном альбоме и наконец достает оттуда карточку, на которой изображён крутолобый парень в черном костюме. на обратной стороне целомудренная надпись: “Товарищу и другу Нине...” — Свадьбы не было, тогда это было не принято, да и с чего гулять-то? Денег мало зарабатывали.

По муж Вася погиб в первые дни войны. Сгинули навсегда и её братья.

Нина Михайловна рассказывает о своей жизни отстранение — без капли эмоций. Она не помнит точно, как звали её старшего брата и сколько братьев было вообще — два или три. Она словно нарочно вычеркнула

какие-то куски жизни из своей памяти, в том числе и подробности 40-х годов, в течение которых она побывала в немецком, а потом и в советском заточении. “Всё забыла”, — говорит она».

« — Видишь, как у меня с памятью. Тут я уже не всё помню... — рассказывала старушка священнику. — Помню, как жителей Гатчины посылали рыть окопы вокруг города. Я тоже рыла. Пока один мой приятель не предложил мне работу на заводе Второй пятилетки. Там требовались точильщики снарядов для фронта.

Так я оказалась в Ленинграде. Связь с мамой на какое-то время прервалась. Вскоре я встретила там свою родственницу. Она рассказала, что моя мама бежала из Гатчины в сторону Вырецы. Недолго думая, я отправилась на поиски матери.

Поезд двигался по Витебской дороге. Сколько станций проехали, не помню. Вдруг состав остановился. Часть железной дороги оказалась разбомблена. Вышла на рельсы, а куда идти, не ведаю. Побрела я вдоль путей, но кустам. Вышла к одной деревне. Там в лесу и разыскала мать с тёткой. Они обустроились в землянке. Вернуться обратно в Ленинград я уже не смогла...

Утром проснулась, а кругом гремела канонада, повсюду шли бои, Гатчина горела. А днём к нам нагрянули немцы.

— Партизан? — спросил на ломаном русском один из них.

— Нет здесь партизан, — перепугалась мама. — Это моя дочка.

— Вег нихтс, Вег нихтс! — приказал он.

— В общем, велел никуда не выходить...

Я не помню, сколько мы прожили в этом бункере. Но в какой-то момент решили пробраться в Гатчину. Пока шли, видели, что в каждой канаве лежали наши погибшие солдатики.

...Кое-как добрались до дома. Город к тому времени уже находился под немцами. Первое, что меня поразило, — на вещевом рынке установили виселицу. В петле — повешенный молодой парнишка. И рядом плакат: “Так будет с каждым”. По слухам, его казнили только за то, что он украл у фашистов какие-то продукты.

На следующий день немцы стали ходить по домам и переписывать всех местных жителей...»

«Когда немцы узнали, что я учительница, отправили меня преподавать в местную школу. Но задержалась я там недолго. На второй год моей работы дети расстреляли из рогаток портрет Гитлера, который висел в классе. Меня вызвали в гестапо.

— Кто это сделал?! — орал человек в форме.

— Не знаю!

— Вы?

— Нет!

— Дети?

— Не знаю.

Меня поставили к стенке и начали стрелять над головой. А я ущипну себя: ага, жива ещё... И молчу. Хотя, конечно, я знала имена ребят, совершивших этот поступок.

До сих пор не понимаю, почему немцы оставили меня в живых, почему отпустили?

Бог меня уберёт и тогда, когда на грязные приставания немцев я отреагировала: “Выгнали вас из Сталинграда и отсюда выгонят”. Один из оскорблённых погнался за мной, наставил наган. Но тут выбежала мама, бросилась ему в ноги и зарыдала. И опять меня отпустили».

Интересно рассказывала бабушка, аж дух у слушателей захватывало. Но всякий раз исповедь ее отличалась некоторыми подробностями. Например, И. Обрезаненко ту же историю про расстрел портрета Гитлера из рогаток, Нина Михайловна рассказала иначе:

« — На стены вместо портретов Сталина повесили фотографии Гитлера. Так мальчишки расстреляли их из рогаток. Меня вызвали в жандармерию: “Кто это сделал?!” — “Я не знаю!” — “Вы?” — “Нет!” — “Дети?” — “Я не знаю”. Хотя я знала, кто это сделал...

Мне сказали: “Собирайтесь, поедете в лагерь”.

По ее словам, она пришла на вокзал на следующий день. В товарном вагоне ее и ещё несколько женщин, в основном украинок, отвезли в трудовой лагерь под Нарву. Бабушка Нина не отрицает, что была там начальницей.

— Так как я учительница, немцы посчитали, что я смогу руководить, — объясняет она своё выдвижение на эту должность. — Я отвечала за поставку продуктов и одежды в лагерь. Нас было человек двести, мы ремонтировали мосты, дороги... Потом, когда наши стали наступать, всех погнали пешком (шестьсот километров!) в Кенигсберг. Мы разбирали город от завалов, да так, что падали в обморок от трупных запахов. Потом нас поселили на фабрике — шили военную форму. А потом Нина и пять её подруг убежали из немецкого плена».

Несколько иначе выглядит рассказ бабушки, опубликованный И. Бобровой:

«...Вскоре меня отстранили от работы в школе и отправили в посёлок Вырица, что недалеко от Гатчины. Там меня определили на немецкие курсы, где готовили бригадиров для трудового лагеря.

Мне позволялось заходить на кухню к немцам, где они варили еду для населения. Кстати, моя мама тоже на них работала, чистила картошку, мыла котлы. Кормили нас отвратительно. В миску наливали пустой суп и давали кусок хлеба с опилками.

Однажды с нашего огорода немцы выкопали картошку. Я тогда пошла в гестапо и пожаловалась их начальнику. Он поклялся, что впредь такое не повторится. Видите, среди немцев тоже были люди. И люди хорошие.

Ну да ладно...

В конце 42-го года меня и ещё несколько женщин-бригадирш отправили в трудовой женский лагерь под Нарвой. Немцы тогда надели на нас форму, дали в руки лопаты и сфотографировали...»

«В лагере было несколько отделений, по-немецки они назывались “обтайлюнг”. Мне достался хилый “обтайлюнг”. Все женщины жили в многоэтажном доме. Мы строили дорогу, восстанавливали мосты. Ко мне в бригаду даже из других “обтайлюнгов” переходили люди. Я своим пленным девочкам доставала через одного пожилого немца списанные одеяла, из которых они шили себе теплую одежду.

Как-то я решилась на побег. Но далеко не ушла. Немцы меня быстренько задержали и отправили обратно в Нарву, предупредив: “Ещё раз сбежишь, посадим в карцер”. Конечно, я испугалась. Молодая была...

В 43-м году наши войска начали наступать. И немецкий лагерь погнали в Кенигсберг, разбирать город от завалов. Это был кошмар! Под руинами домов находились десятки разлагавшихся трупов. Многие девушки не выдержали трупного запаха, падали в обморок.

В конце 44-го мне все-таки удалось сбежать. Помню, я пошла в ту сторону, где меньше стреляли. В итоге очутилась в американском фильтрационном лагере. Никаких документов у меня при себе не было. Американцы предложили на выбор четыре страны, где бы я могла жить после войны... по я рвалась на родину».

В более раннем рассказе бабушка скажет поточнее: «рвалась домой —

к матери».

В Гатчину Нина Михайловна вернулась летом 1945 г.: «Через два дня отправилась отмечаться в милицию. И задержалась там на 10 лет. Меня сразу арестовали и отвезли в Ленинград в серое здание на Литейном. За что посадили, не помню...

Зато помню моего следователя, поляка по фамилии Куксинский. Это был очень жестокий человек. на допросы вызывал ночью. Пока одного допрашивал, я стояла, прижавшись лбом к стенке, руки держала на швам. В таком положении сильно отекали ноги. Я падала на колени, а Куксинский орал: «Встать, стоять». И приставлял к затылку пистолет.

Мог схватить меня за волосы и с размаху бить лицом об стену. Потом отводил меня обратно в камеру и пристегивал наручниками к трубе, чтобы я не смогла сесть. на пятые сутки от отсутствия сна я теряла сознание. Так, под пытками, я признала себя изменницей Родины и подписала все необходимые бумаги

А ещё следователь постоянно спрашивал: «Почему тебя немцы после портрета Гитлера отпустили? Почему не расстреляли после побега?».

Ну откуда я знаю, почему меня не убили? Почему я жива осталась?

В ноябре 45-го состоялся суд. Мне впаили 20 лет каторжных работ по статье 58 часть 1 (измена Родине) и 10 лет — за контрреволюционную агитацию и пропаганду. После того как приговор зачитали, мне дали последнее слово. А у меня, дуры, с языка сорвалось: «Спасибо дорогому Сталину за счастливое детство и юность». И меня сразу упекли в Кресты. А через неделю пошали по этапу...»

В пересыльно-фильтрационном лагере в Германии, до отправки на родину, Нина Михайловна, равно как и другие репатрианты, не имеющие документов, проходили проверку на предмет установления личности, а также выяснения, каким образом они попали в Германию. В период опросов офицеры-чекисты, просматривая опросные листы, незаметно для опрашиваемых должны были подчеркнуть чернилами всё, что не соответствовало действительности или вызывало сомнения, а на полях против этих строк поставить вопросительные знаки. Затруднений в установлении личности не возникало только в тех случаях, когда у репатриантов имелись документы или когда достоверность их показаний мог подтвердить еще кто-нибудь из соотечественников, с кем находился в лагере или отбывал рабство. Опросные листы на перемещенных и

освобожденных из лагерей гражданских лиц с пометкой «Нуждается в проверке» затем отправляли к дознавателям, которые проводили более детальный опрос. Дознаватели вели следственные дела. А кроме этого, в процессе углубленного опроса они вычисляли подозреваемых лиц. В этом им помогали доносы о предателях, поступавшие от самих репатриантов.

По окончании следствия дознаватели или выдавали фильтрационную справку и отправляли на родину с припиской прохождения дополнительной проверки по месту прибытия, или передавали оперативникам в отдел контрразведки для спецпроверки.

Все анкеты репатриантов отправлялись по местам их жительства, где они должны были их еще раз заполнить. Только после этого документы сравнивались, и лишь затем выявлялись разночтения, расхождения и противоречия. И вот тогда-то подозрительные лица арестовывались.

Именно так и произошло с Ниной Михайловной. В ее анкетах нашлись и разночтения, и расхождения, и противоречия. Об этом можно судить даже по ее поздним воспоминаниям. Они присутствуют и там.

В своем рассказе И. Обрезаненко Нина Михайловна поведала и том, что было после Крестов:

« — А мне терять было нечего, — сверкает тазами старушка. — Отправили меня на каторгу — сначала в Находку, потом — в Магадан. С урками сидела. Натерпелась от них. А потом работала на рудниках в женском лагере “Кармен” в посёлке Усть-Омчук. Провела там без двух месяцев десять лет.

Вскоре после смерти Сталина её освободили. Она не сразу приехала в Ленинград. Жила на поселении ещё несколько лет. Там встретила своего мужа — Павла Осипова. Фронтовик, кавалер орденов Красной Звезды, Славы... попал в лагерь, будучи обвинённым в воровстве зерна: он работал начальником фермы в Мичуринске. “Если будет делать предложение, не задумываясь, выходи!” — предупредили Нину товарки. Так она и поступила:

“Куда-то надо было голову преклонить”. К тому времени ей исполнилось 35 лет. В 36 родился первый сын. Семья жила в Гатчине все эти годы.

— Мы с ним хорошо жили, — вспоминает Нина Михайловна мужа, который умер двадцать лет назад от военных ран. — Я работала сначала в яслях, потом кондуктором в автобусе».

А вот из рассказа бабушке:

«...В марте 53-го умер Сталин. С меня сняли номера. И я снова обрела фамилию. Правда, освободили меня только осенью 54-го года. Помню,

меня вызвал начальник и говорит: “В лагерь пришла телеграмма — срочно освободить”.

(Муж) Паша работал в Магадане на электростанции, а я устроилась уборщицей в баню, потом меня перевели гладильщицей. В 56-м году у нас родился сын Леня, через три года появился Саша. На Гатчину я вернулась в 1960 году. Первое время работала в яслях, потом устроилась на водоочистительный завод лаборанткой, перед пенсией трудилась в Госстрахе...»

После реабилитации Нина Михайловна, как пострадавшая от фашизма, получила от Германии целых 800 евро. Справка же о реабилитации давала ей льготы, установленные государством. И вдруг, через три года, в 2005-м, после юбилея Победы, реабилитация старушки была разом отменена решением Ленинградского областного суда. Но, оказывается, даже после суда Нина Михайловна продолжала получать льготы по этой справке.

— Как? Вы же дереабилитированы? — удивилась И. Обрезаненко.

— Ничего не знаю! — твёрдо стояла на своем старушка. «Может создаться впечатление, что она и в самом деле не знает

ни о суде, состоявшемся прошлым летом, ни о том, что клеймо “нацистки и предательницы” официально закреплено в ее личном деле.

— Всё она знает — о суде, о том, что против неё давали показания несколько женщин, побывавших в немецком лагере. Она была на стороне немцев, и это неоспоримо, — говорит Владимир Старцев, старший помощник прокурора Ленинградской области.

Он говорит о том, что в последние годы пошел вал обращений от детей репрессированных граждан. Они просят признать своих родителей реабилитированными, так как могут получить социальное пособие — порядка восьмисот рублей ежемесячной выплаты. — Мы поднимаем дела из архивов и во многих случаях сталкиваемся с тем, что репрессированные в советское время были расстреляны или сидели в лагерях не просто так — кто-то получил срок за грабёж и воровство, кто-то служил старостой при немцах... Дети узнают о прошлом своих родителей впервые! Для некоторых это настоящий шок».

Была поставлена под сомнение и реабилитация Нины Михайловны. Было затребовано её дело, хранившееся в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Затем был суд, на котором выступили свидетели. Как пишет И. Обрезаненко: «Это были в основном женщины — бывшие узницы женского трудового лагеря, которым командовала Нина Грязнова-Лапшина. Согласно материалам дела, она окончила курсы по подготовке командиров трудовых лагерей и в числе лучших выпускниц была отправлена под Нарву, приняв под своё начало 250 русских девушек и женщин. Свидетельницы вспоминали на суде, что она проводила собрания, на которых призывала принять присягу фашистам, за

малейшую провинность лишала сна и еды, заставляла женщин рыть окопы в любой мороз без одежды и обуви. После того как лагерь расформировали, Грязнова-Лапшина вступила в ряды РОА...

Неизвестно, какими причинами руководствовалась Нина Грязнова-Лапшина, когда она вступала в РОА. Но женщина даже получила звание лейтенанта немецкой армии и в качестве пропагандиста вела радиопередачи, в которых призывала советских солдат перейти на сторону Гитлера. «Я встала на преступный путь изменницы Родины под влиянием немецкой пропаганды, сообщавшей, что Красная Армия разгромлена», — рассказывала она на допросе следователю, когда ее арестовали в ноябре 1945 года. Ей дали двадцать лет лагерей.

Сегодня нет никаких сомнений в том, что Нина Грязнова-Лапшина работала на немцев, доказательства ее вины неопровержимы. Последний аргумент, подтверждающий ее предательство, — это фотоснимок, опубликованный в русскоязычной фашистской газете «Северное слово». В статье рассказывалось о том, как успешно куются кадры для немецкого фронта».

Арестованная 5 ноября 1945 г. Нина Михайловна была осуждена по статье 58-1а УК РСФСР «Измена Родине» на 20 лет лагерей. Отсидела же только половину срока, так как ее старая и больная мать направила просьбу снизить срок заключения, Тем более это было уже после смерти Сталина.

То же самое рассказали сотрудники реабилитационного отдела прокуратуры Ленинградской области и И. Бобровой в 2007 г.:

«Грязнова-Лапшина была предателем, и точка. Запомните, никто из предателей никогда не признается в содеянном. В ее личном деле есть фотография, где эта женщина запечатлена в форме лейтенанта СС. Ее портрет был опубликован 5 ноября 1943 года под статьей «Командиры армии труда» в газете «Северное слово». Грязнову ошибочно реабилитировали, мы не понимаем, как это произошло. Тот, кто занимался делом Грязновой, уже не работает у нас.

Когда мы стали перепроверять ее дело, то ужаснулись. У нее было воинское звание немецкой армии. Она числилась старшим надзирателем в концентрационном лагере под Гатчиной. Принимала присягу на верность немецкой армии. Имела высокий чин. Когда мы сняли с Грязновой реабилитацию, то известили ее об этом факте. Она ведь получала денежную компенсацию, тогда как люди, которых она мучила в лагерях, не получают от государства ни копейки».

В период немецкой оккупации на территории Гатчинского района было открыто несколько концентрационных лагерей. Один из них, «Дулаг-154», стал центральным лагерем во всём районе.

Остальные — перевалочными пунктами. Именно в нём и работала на благо фашистской Германии Нина Михайловна.

Руководителем концлагеря был бригаденфюрер СС Франц Шталекер. Сам лагерь предназначался для военнопленных, евреев, большевиков и подозрительных лиц, задержанных немецкой полицией. В нём было два отделения: «рабочее», из которого отправляли на работу в Германию или на прифронтовые территории как рабочую силу, и «нерабочее» — для смертников.

«Дулаг-154» находился в 30 с небольшим километрах от Ленинграда и был самым настоящим лагерем смерти. Там не только издевались и убивали людей, но и сжигали. Как подчёркивает И. Евстигнеев, «если считать все филиалы Дулага-154, которые находились на территории Гатчинского района, за годы оккупации там погибло не менее 80 тысяч заключённых».

Газета «Северное слово», которая сыграла свою роль в деле Нины Михайловны, впервые вышла 21 мая 1942 г. в Нарве. В августе ее редакция была переведена в Ревель (Таллин). Финансировалась газета немецкими оккупационными властями и, соответственно, проходила немецкую военную цензуру. Случайно фотография Нины Михайловны там оказаться не могла, ибо всё находилось под пристальным контролем Отдела пропаганды Северной группы, входившей в Управление военного командования Северной группы вермахта.

Что же касается учебы Нины Михайловны на курсах пропагандистов, то имеется в виду женская рота пропагандисток, которая была сформирована летом 1944 г. по инициативе баронессы Марии де Смет. Размещались женские курсы недалеко от Риги. Состав насчитывал около 30 человек. Уже через неделю после их открытия вся группа в связи с наступлением советских войск на Псков была эвакуирована в Рту. Кстати сказать, более половины пропагандисток в период обучения находились в поездках в целях ведения пропаганды,

«Осенью 1944 года при наступлении Красной армии на Ригу курсы были эвакуированы в Дабендорф, — уточняет историк А. О कोरोков. — По списку в состав группы де Смет входило 150 человек. Большинство не

имело отношения к курсам, а было включено в их состав для эвакуации в Германию». Он же добавляет: «Весной 1945 года при переходе чешской границы рота получила приказ вернуться в Германию и рассеяться (“спасаться самим”))».

И тем не менее И. Боброва считает, что «никто из сотрудников прокуратуры, выносивших притвор старушке, не слышал ее исповеди. Никто из них не видел её слез, Возможно, в противном случае решение суда могло быть другим».

Сегодня такое умозаключение не является удивительным. По меркам современной нравственности бабушка совершенно не виновата. Но, как известно, вину устанавливает суд. Он ее и установил.

Вот только что бы сделал с Ниной Михайловной ее первый муж, военный лётчик Василий Лапшин, если бы не погиб в па-чале войны?

Что бы сделал со своей сестрой ее старший брат, красноармеец 23-й гвардейской стрелковой дивизии Карельского фронта Борис Михайлович Грязнов, если бы не погиб 10 мая 1942 года в бою в период Кестеньгской операции?

Что бы сделал с Ниной Михайловной её последний муж — гвардии старший сержант Павел Осипов, если бы дожил до её разоблачения? Свои ордена Красной Звезды и Славы он получил в 1944-м в боях за высоты на 2-м Украинском фронте. А ещё командир стрелкового отделения в 41-м был ранен и контужен теми, кому верой и правдой служила его любимая жена.

А может, они встретились там?

ИСТОЧНИКИ

1. Боброва И. Анатомия предательства. МК, № 24496, 22 июня 2007 г.
2. Богомолов В. Жизнь моя, иль ты приснилась мне... М., 2012.
3. Википедия: Дулаг-154.
4. Википедия: Реабилитация. Интернет.
5. Евстигнеев И. Концлагерь в Гатчине: не забыт, но и не помянут. Политическая жизнь северо-запада, 28 января 2010 г. Интернет.
6. Обрезаненко И. «За победу!» — поднимает стопку 9 мая бабушка Нина — бывшая фашистская пособница. Ваш тайный советник, 8 мая 2006 г.
7. Окроков А. Особый фронт. М., 2007.
8. Пономарёва Г., Шор Т. Литературные рубрики в газете «Северное слово» (1942—1944). Интернет.

9. Пыхалов И. Повторно «репрессированные». Наше дело. 24.12.2006 г. Интернет.

10. ЦЛМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5200. Л. 346.

11. ЦЛМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 701. Л. 278.

12. ЦЛМО. Ф. 58. Он. 818883. Д. 211 Л. 77.

КОММЕНТАРИЙ К ПОСВЯЩЕНИЮ ЭТОЙ КНИГИ

Полковник милиции Анатолий Федорович Нистрян родился 5 января 1962 г. в г. Новоселица Черниговской области.

В 1986 г. окончил Харьковский юридический институт им. Ф.Э. Дзержинского по специальности «правоведение».

С мая 1980 г. по апрель 1982 г. служил в Вооруженных Силах СССР.

В органах МВД с 1 августа 1986 г. в должности следователя отделения Ленинского района отдела внутренних дел г. Черновцы УВД Черновицкого облисполкома. В дальнейшем занимал должности: начальника отделения по расследованию преступлений по наркомании следственной части следственного управления УМВД Украины в Черновицкой области; заместителя начальника отдела — начальника следственного отделения Ленинского районного отдела Черновицкого городского управления УМВД Украины в Черновицкой области.

В ноябре 1998 г. назначен на должность заместителя начальника отдела — начальника следственного отдела Феодосийского городского отдела Главного управления МВД Украины в Крыму.

С ноября 2000 г. — следователь по особо важным делам следственной части отдела по расследованию преступлений, совершённых организованными группами следственного управления Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

С октября 2001 г. — старший следователь следственного отделения 3-го отдела Керченского городского управления Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

С апреля 2002 г. — старший следователь группы расследования преступлений в сфере экономики следственного отдела Керченского городского управления Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

С марта 2003 г. — заместитель начальника отдела — начальник следственного отделения на ст. «Днепропетровск» УМВД Украины на Приднепровской железной дороге.

В 2004 г. — заместитель начальника отдела — начальника следственного отделения 1-го отдела Керченского городского управления Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

С августа 2004 г. — начальник 1-го отдела Керченского городского управления Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

С марта 2008 г. — заместитель начальника управления — начальник милиции общественной безопасности Керченского городского управления Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

В сентябре 2011 г. назначен на должность начальника Феодосийского городского отдела Главного управления МВД Украины в Автономной Республике Крым.

С 31 января 2012 г. — временно исполняющий обязанности начальника милиции общественной безопасности ГУМВД Украины в Автономной Республике Крым.

* * *

С Анатолием Федоровичем мы познакомились летом 2003 г. в Керчи. У него была непростая личная жизнь, безусловно, связанная с его профессией. У него была сложная карьера. Но он никогда не унывал, всегда много шутил и был очень интересным собеседником.

Однажды в течение целых шести часов он рассказывал мне о своей жизни. И тогда я понял, что именно в эти минуты исповеди мы из обычных знакомых как-то сразу стали друзьями. Говорил он и о своих детях, но не просто, а с какой-то особой теплотой.

Офицер милиции, который, будучи начальником райотдела, лично выезжал на задержание, ещё и писал стихи. Писал не всем, но я, к счастью, был удостоен одного стихотворения, написанного его красивым почерком и его доброй душой,

В последние четыре года Анатолию Фёдоровичу везло как никогда. Он встретил любимую женщину, женился. Его карьера стремительно поднималась вверх. Ему присвоили звание полковника. А мы, его друзья, совершенно искренне радовались за Анатолия. Свою удачу Анатолий Фёдорович связывал с подаренной ему иконой святого Георгия Победоносца.

23 февраля 2012 г. мы долго говорили с ним по телефону. В конце разговора он, как всегда, попросил привезти ему мои новые книги. А 27 февраля Анатолия Фёдоровича не стало. Трагическая нелепость оборвала жизнь этого поистине большого и дорогого мне человека.

Спустя месяцы я побывал на его могиле, на центральной аллее старого

Керченского кладбища. Стояла обычная для июня месяца жара. Было необычайно тихо, и только даты на православном кресте достоверно давали понять: Анатолия больше нет!

После возложения цветов зашёл разговор о служебной машине, на которой разбился Анатолий Федорович, и один из присутствующих поинтересовался:

— А какая у него была личная машина?

Ответ моего первого командира ничуть не удивил меня:

— У него не было ни своей квартиры, ни дачи, ни машины... Пока мы помним Анатолия Фёдоровича — оп для пас живой.

Анатолий просто уехал на службу...

Москва, июль 2012 г.

ИЛЮСТРАЦИИ

Генерал А.А. Власов доставлен в штаб 18-й армии

Генерал-лейтенант А.А. Власов

Власов после пленения

Генерал В.Ф. Малышкин

Полковник М.А. Меандров

Генерал Власов присутствует на молебне

Генерал Власов инспектирует бойцов РОА

Генерал Власов перед строем бойцов РОА

А. Власов на учениях Восточного батальона

А. Власов и М. Воронова

Генерал Жиленков (крайний слева) полковник Кромиади (в белом) и полковник Боярский с сослуживцами в Пскове. 1943 г.

А. Власов и В. Мальцев обходят строй летчиков РОА

Учредительное заседание КОНР в Праге

Собрание членов КОНР в Берлине. 1944 г.

1-я дивизия РОА

А. Власов с соратниками и сослуживцами

А Власов в Дабендорфе

Встречал. Власова с Й. Геббельсом

*Генералы Ф. Трухин, Г. Ашенбреннер и А. Власов на встрече с восточными рабочими в Берлине.
1945 г.*

А. Власов и другие чины РОА в Праге

Повешенные власовцы

П.С. Попов

Депортация власовцев в СССР из американского лагеря военнопленных. 1946 г.

Бытовые предметы со «шпионскими аксессуарами», изъятые у П. Попова

Деньги, изъятые при обыске у П. Попова

Генерал И. Серов

В. Ульрих (внизу второй слева) на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в Москве. 1934 г.

Могила В. Ульриха на Новодевичьем кладбище в Москве

В книге О.С. Смыслова «Предатели и палачи» читатель найдет прежде всего историю о том, как генерал Власов стал вождём так называемого Русского освободительного движения. Рассказ о роли и месте Андрея Андреевича в битве за Москву, а также о его «полководческих» способностях и методах управления войсками значительно дополняет эту историю предательства новыми, ранее неизвестными документами и свидетельствами.

Следующие «герои» — двое «инициативников» из ГРУ (подполковник Попов, генерал Поляков), перебежчик из КГБ (капитан Дерабин), палачи Мироненко-Юхновский, Антонина Макарова, генерал юстиции Ульрих, а также старушка из Гатчины, по недоразумению реабилитированная в 2002 году.

ISBN 978-5-4444-0116-3

comments

Ссылки

Википедия: Власов Андрей Андреевич. Интернет.

Там же.

3

Там же.

Кудряшов В. Закончится ли спор о генерале Власове? История, № 9, 2005 г.

Там же.

Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М., 2010.

Там же.

Там же.

Там же.

Речь Патриарха Кирилла на встрече со слушателями Военной академии Генштаба 31.05.2011 г. Газета.ру. Интернет.

Современный толковый словарь русского языка. М., 2004.

Конвенция (III) об обращении с военнопленными. Женева, 12 августа 1949 г. МККК. Интернет.

Общевойские уставы Вооружённых сил Российской Федерации. М., 2008.

Перемышленникова Н.М. Ты у меня одна. Письма генерала Власова жёнам (1941 — 1942). Источник № 4, 1998 г.

Там же.

Там же.

Там же.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Т. Движение, которого не было, или история власовского предательства. ВИЖ № 4, 1991 г.

Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Т. Там же.

Там же.

Пять дней из жизни Фридриха Паулюса в России. Дневник оперуполномоченного КРО ОО НКВД Донского фронта, старшего лейтенанта ГБ Тарабрина. Достоинство. Интернет.

Ласкин И.А. У Волги и на Кубани. М., 1986.

Википедия: Паулюс, Фридрих. Интернет.

Там же.

Александров К.М. Там же.

Шлеев В.В. Письмо из плена. Отечественная история, № 4, 1995 г.

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944/1945. М., 2005.

Шлеев В.В. Там же.

Там же.

Русский военно-исторический журнал № 2, 1994 г.; Хрестоматия по отечественной истории (1914 — 1945 гг.) под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996.

Ретин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские. ВИЖ №12,1992 г.

Там же.

Там же.

Шлеев В.В. Там же.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Там же.

Там же.

Исаев А. Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.? Актуальная история. Интернет.

Там же.

Там же.

ЦАМО. Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 84. Л. 3.

Ретин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские. ВИЖ, № 3, 1993 г.

Карпов В. Жуков на фронтах войны. М., 1996.

Ретин Л.Е., Степанов В.С. Там же.

Перемышленникова Н.М. Там же.

Богомоллов В А. Сердца моего боль. Том 2. М., 2008.

Саңдалов Л.М. Там же.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М, 2011.

Там же.

Чистяков И.М. Там же.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 6. Л. 4.

Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». М, 1982.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

Саңдалов Л.М. Там же.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

ЦЛМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 249.

Магапов В.П., Имипов В.Т. Это был один из наиболее способных наших начальников штабов. ВИЖ, № 12, 2002 г., ВИЖ, №1, 2003 г.

ЦЛМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 63.

Генерал Сандалов. Там же.

Генерал Сандалов. Там же.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 12. Л. 330.

Генерал Сандалов. Там же.

Генерал Сандалов. Там же.

ЦЛМО. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

РГВА (РГАСА). Том 2. Путеводитель. М., 1993 г.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 118.

Там же. Л. 119.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 104. Л. 56.

Там же. Л. 73—74.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 15.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 104. Л. 19—22.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 15.

ЦАМО. Личное дело А.А. Власова № 1543529.

Там же. Из справки, составленной по материалам личного дела 28 февраля 1940 г.

Там же.

РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 499. Л. 5—11.

Там же.

Смирнов А. Большие маневры. Родина № 4, 2000 г.

Там же.

Там же.

Будницкий О. За первый квартал 1941 года в ВВС РККА из-за катастроф и аварий погиб 141 человек. Коммерсант — Наука, №3 ,27 июня 2011 г.

Там же.

РГВА. Ф. 25065. Оп. 1. Д. 103. Л. 119.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 481; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 212.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 2; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 670.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11495. Д. 20; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 50.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 524.

Жирнов Е. У руководства и армии недостаточно подготовки и сообразительности. Власть, № 24, 20 июня 2011 г.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Генерал Сандалов. Там же.

Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1. М., 2006.

Генерал Сандалов. Там же.

Жирнов Е. Там же.

Жирнов Е. Там же.

Жирнов Е. Там же.

Перемышленникова Н.М. Там же.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 259. Л. 348.

Там же.

Генерал Сандалов. Там же.

Штрик-Штрикфельдт. В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993. 170

Генерал Сандалов. Там же.

Письмо полковника Тетушкина. Умри, а держись. Родина, № 4, 2005 г.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Т. Движение, которого не было, или история власовского предательства. ВИЖ, № 4, 1991 г.

Там же.

Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М, 2010.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Т. Движение, которого не было, или история власовского предательства. ВИЖ, № 7, 1991 г.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. СПб., 2001.

Заика Л., Бобренёв В. Жертвы и палачи. М., 201

Там же.

Там же.

Там же.

Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

Там же.

Там же.

Андреева Е. Там же.

Заика Л., Бобренёв В. Там же.

Смыслов О.С. Там же.

Там же.

Там же.

Окороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М, 2007.

Штрик-Штрикфельдт В. Там же.

Казанцев А.С. Третья сила. М., 2011.

Фрёлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кёльн, 1990

Петров И. Два замечания о М.А. Зыкове. Интернет.

Петров И. Сетевая словесность. Онлайн дневник. Зыков. Интернет.

Там же.

Там же.

Там же.

ЦАМО. Ф. 58. Он. 977520. Д. 267.Л. 57,

2-я гвардейская Таманская Краснознамённая стрелковая дивизия.
Забывтый полк. Интернет.

Смыслов О.С. Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944—1945. СПб., 2001

Там же.

Окороков А. Там же.

Там же.

Смыслов О.С Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2009 г.

Фрёлих С. Там же.

Окороков А. Там же.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Там же.

Фрёлих С. Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Смыслов О.С. Там же.

Там же.

Там же.

Фрёлих С. Там же.

Андреева Е. Там же.

Смыслов О.С. Там же.

Там же.

Окороков А. Мемуары «власовцев». М., 2011.

Фрёлих С. Там же.

Рейтлингер Д. Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях. 1941—1945. М., 2011.

Генерал Скобелев. Военно-историческая серия «Белые воины». М., 2011.

Смыслов О.С. Там же.

Мемуары «власовцев». Там же.

Андреева Е. Там же.

Старицкий Н. Первая встреча с Власовым. Доброволец, № 20, август 1954 г.

Старицкий П. К истории освободительного движения. Доброволец, № 25, январь 1955 г.

Финкельштейн Ю. Генерал Власов и «немецкие друзья». Вестник, № 11(218), 25 мая 1999 г.

Там же.